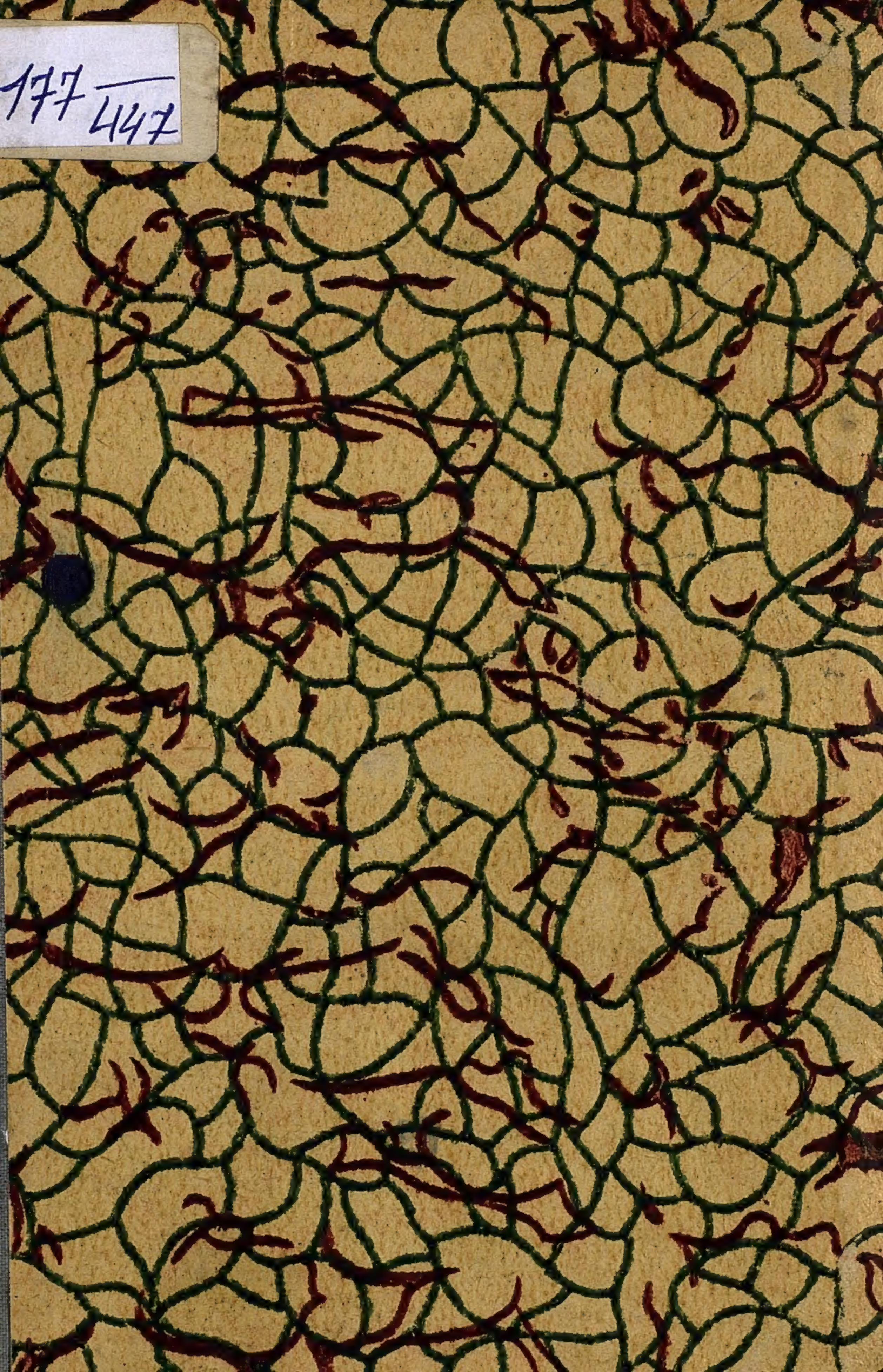
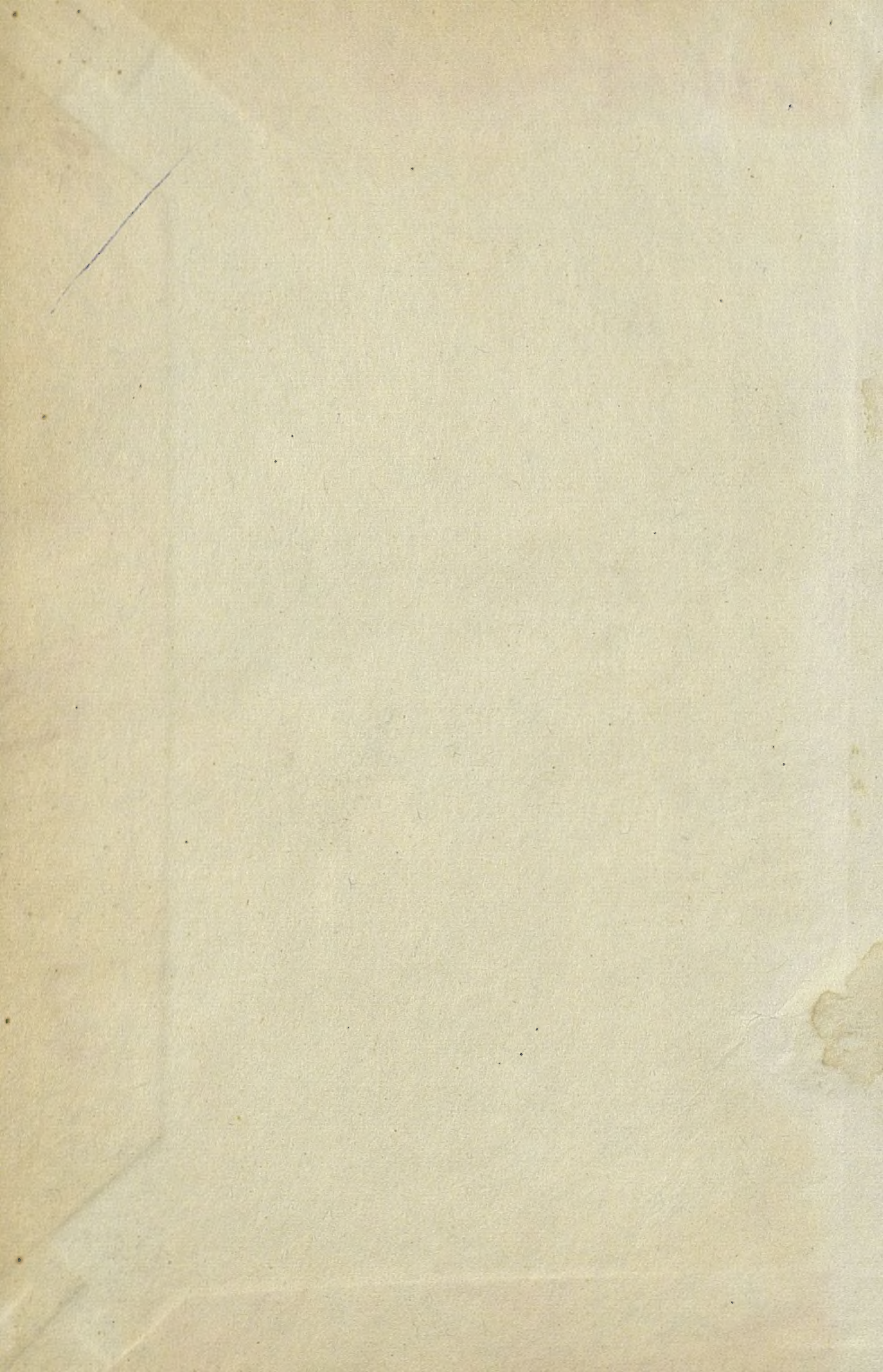




Б. ТИХОМИРОВ

РАЗИНщина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

Б. ТИХОМИРОВ

РАЗИНЩИНА





ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД



Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ". Москва,
Краснопролетарская ул., д. 16,
в колич. 3000 экземпл.
Главлит № А--62097
Гиз С—51 № 38069
Зак. № 468
9 л.



1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Бедность буржуазной литературы по разинскому движению является верным показателем его революционного содержания. Историки крепостнической и буржуазной концепций делали все, что могли, чтобы замазать размах крестьянского движения, свести его до размера разбоя на большой дороге. Интерес к разинщине отчетливо проявился накануне крестьянской реформы 1861 г., когда крестьянские восстания давали о себе знать особенно сильно. В эту пору появились работы А. Попова, Костомарова и С. М. Соловьева. А. Н. Попов тогда близко подходил к славянофилам. Но в схеме русской истории у славянофилов крестьянские движения выпадали вовсе. Смуты в Московском государстве, по мнению К. С. Аксакова, «состояли в вопросе о личной законности государя». Народ всегда оставался спокоен: «это спокойствие не лучшее ли доказательство, как противна всякая революция русскому духу?»[1]. Попов, следуя славянофилам, видел в разинщине борьбу двух начал: «одно из направлений желало неизменно сохранить все старое, другое, напротив, стремилось к улучшению и потому изменениям». Остается неясным, какое направление представляла собой разинщина. Бросив мысль о связи между всеми брожениями XVII в., Попов отходит от социологического истолкования разинщины, рассматривая ее в конечном счете как местный казацкий бунт. Исследование Попова остается до сих

[1] К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. I, М. 1889 г., стр. 21; Н. Бродский, Ранние славянофилы, М. 1910 г., стр. 86 и сл.

пор ценно подробным изложением событий. Им же издан сборник материалов по движению. Он останавливался также на критике источников, но здесь его замечания отчасти устарели (после новых публикаций), отчасти неверны. Так например, он придает излишне крупное значение рассказу Бутлера, имеющему ярко выраженный классовый характер, враждебный восставшим; наоборот, известия английского анонима и Койэта, где дается много данных по социальной характеристике движения, расцениваются им довольно низко. Также отрицательно отнесся Попов к хронографу Аверина, где есть любопытные известия об отношениях Разина и московского правительства, подтверждаемые новыми данными. И, наоборот, сказание о граде Астрахани, где разинцы представлены «мучителями святого митрополита Иосифа», не вызывает у Попова никаких сомнений в объективности и правильности приводимых в нем известий. Разинцы для исследователя являются «ворами», бунтовщиками против законного государя. Монархически-крепостническая концепция целиком владеет Поповым [1].

Центральное место в буржуазной историографии о разинщине занимает исследование Костомарова. Оно занято им не только полнотой изложения, но и занимательностью рассказа. Однако эта историческая поэма носит на себе яркие следы своего классового происхождения. У Костомарова фигура Разина вызывала представление о «какой-то страшной таинственной тьме». Он дает Степану резко отрицательную характеристику: «Для него не существовало сострадания. Честь и великодушие были ему незнакомы. Таков был этот борец вольницы, в полной мере изверг рода человеческого» [2]. В этом случае Костомаров целиком стоял на почве идеологии,

[1] А. Н. Попов, История возмущения Стеньки Разина, «Русская беседа», 1857 г., кн. I и II, стр. 65 и др.

[2] Н. Костомаров, Бунт С. Разина, стр. 427 (соч., кн. 1).

выраженной в памятниках господствующего класса еще в XVII в. Отношение Костомарова к источникам заранее предрешено. Все поклепы на восставших, все известия, носившие характер правительственной агитации, принимались им за несомненную правду. В Костомарове нет еще пресловутой буржузной «объективности», той завуалированности классового лица, которая выработалась позднее в буржуазной историографии в целях лучшего одурачивания масс. Чтобы понять отличительные черты, отделявшие его от других буржузных историков, следует вспомнить, что он был представителем украинского мелкобуржуазного национализма, боровшегося против капиталистического и крепостнического угнетения, идущего из центра. М. Н. Покровский метко охарактеризовал суть исторической деятельности Костомарова, заметив, что она заключается «в разрушении понятия единого русского исторического процесса»[1]. Костомаров боролся против крепостнической схемы Карамзина, представлявшей весь процесс русской истории, как единый процесс образования империи. Ей он противопоставлял свою схему борьбы удельно-вечевого и единодержавного уклада. Движение Разина представлялось Костомарову выражением этой борьбы федеративного или удельно-вечевого порядка против централизующего страну самодержавия. Впрочем симпатии Костомарова определенно на стороне победившего порядка. В своих воспоминаниях он пишет: «Мне особенно было приятно, что государь император, как сказал мне министр, отозвался очень одобрительно о моем сочинении «Бунт С. Разина», которое прочитал»[2]. Костомаров считал движение Разина бесплодным, «как метеор, много обещающий незнакомому с тайнами природы и никогда не исполняющий этого обещания». В работе Костомарова

[1] М. Н. Покровский, Борьба классов и русская историческая литература, стр. 94—95.

[2] Костомаров, Литературное наследие, Спб. 1890 г., стр. 112.

есть ряд положительных сторон. Он все же пытался связать разинщину с характеристикой крепостного хозяйства и права; кроме того он широко, хотя и не всегда критически, пользовался материалом исторических песен, чего мы не найдем в других работах. Но сейчас его исследование устарело не только методологически, но и с фактической стороны. Для нас его книга сама стала более историческим памятником, чем научным исследованием.

Еще уже подошел к разинщине С. М. Соловьев. Для него Разин—представитель анархического начала, борющегося против начала государственного. И все его симпатии, конечно, на стороне государственного начала, без которого не могла бы существовать буржуазная собственность. Он с видимым огорчением говорит о слабости Московского государства XVII в., которая «уславливала существование казаков подле него, уславливала безнаказанность их воровства». Если Костомарову Разин казался «извергом», то Соловьеву он кажется «зверем». Объяснение причин возникновения разинщины дано Солевьевым в явном противоречии с обильным фактическим материалом, которым он располагал. Первопричина движения у Соловьева заключается в укреплении Азова турками: нельзя стало делать набеги на море, пришлось итти «воровать» на Волгу. Это объяснение было удобно тем, что позволило Соловьеву не касаться крепостного права. Движение Разина для нашего крупнейшего буржуазного историка—только казацкий бунт. А в казачестве он видел беспорядок, некультурность, хаотичность. Он пишет: «И не забудем, что описываемые события происходили в Астраханском государстве, в степной окраине, где постоянно пахло казацким духом, на этой подвижной почве, где было так мало установленного, где еще продолжалось время, пережитое Европой в начале средних веков,—время хаотического брожения народных

сил, время образования дружин»[1]. Пользование источниками у Соловьева имеет всегда одну отличительную особенность—близость к тексту источника. В этом заключается отчасти положительная сторона его работы, дающая возможность познакомиться с фактами, изложенными в этих источниках. Но и Соловьев верит всем известиям, исходящим от господствующего победившего класса. Его классовый подход к источникам не менее показателен, чем Костомарова.

После реформы 1861 г. крестьянское движение замирает, и мы видим, что разинщина не привлекает к себе внимания историков. Лишь в середине девяностых годов, едва ли не в связи с оживлением крестьянского движения, появляется несколько статей по разинщине. Из них надо отметить статью А. А. Голубева, уроженца с. Ломовки, Пензенской губ., и шкипера волжского торгового судна. В статье был использован новый архивный материал[2]. Еще большее оживление интереса началось после революции 1905 г. Лекция профессора Фирсова прочтена под живым впечатлением революционных событий. Но нельзя сказать, чтобы мысль профессора оказалась благодаря этому оплодотворенной. Пытаясь понять разинщину как «социологическое и психологическое явление народной жизни», Фирсов показал воочию всю пустоту рядовой буржуазной науки. Краски для характеристики движения взяты им, конечно, с палитры Костомарова: «Имя С. Разина затмило мрачную славу всех остальных атаманов...; в необузданной жестокости Разина было много нездорового, ненормального...»; все восставшие «почти постоянно были пьяны». Фирсов оперирует с антинаучным понятием «коллективной души народа», стараясь доказать, что бывает со-

---

[1] С. Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 2-е, кн. III, стр. 295, 298 и др.

[2] Некролог Голубева в «Историческом вестнике», 1895 г. декабрь, стр. 1009—1010; статья в Чт. О. И. Д. Р.

стояние, когда «люди вообще не могут ручаться за свои поступки». Фирсов ставил знак равенства между разинщиной и революцией 1905 г., видя в обеих проявление духа «голи кабацкой», а в М. Горьком—типичного представителя разинской идеологии [1].

Пожалуй не стоило бы толковать о брошюрке Фирсова, если бы не ее распространенность и то замалчивание крестьянских движений, какое мы имеем, например, в курсе Ключевского. Из последующих работ буржуазной историографии следует указать только две книжки Тхоржевского, имевшего возможность пользоваться материалами еще неизданного шестого тома «Донских дел». Но его постановка вопроса остается старой. Он считает крестьянскую революцию обреченной на неудачу и реакционной [2]. Что касается статей Кобанова, Порфирьева, Соловьева, Дубасова, то все они дают изложение событий в отдельных районах восстания, исходя из общей буржуазной концепции русского исторического процесса. В них есть много интересных деталей, заимствованных из архивного материала, и в этом заключается их значение.

Обращаясь к марксистской историографии, следует признать, что только М. Н. Покровский правильно поставил вопрос о разинщине, как о крестьянской революции. Работы М. Н. Покровского послужат поэтому исходным пунктом марксистского исследования крестьянских революций и их эпохи. В дальнейшем наше изложение является попыткой конкретного изучения в этом свете одной из крестьянских революций в нашей стране.

Что же касается Плеханова и Рожкова, то оба они в оценке разинщины находились в плену у буржуазных

---

[1] Фирсов, Разинщина, изд. Вольф, 2-е изд., стр. 7, 31—32, 47. В последующих переработках своей брошюры Фирсов в значительной степени отошел от своих старых упрощенных взглядов на разинщину.

[2] Тхоржевский, Народные волнения при первых Романовых, стр. 154—155, и Ст. Разин.

историков. Если на заре своей деятельности, еще будучи в рядах «Черного Передела», Плеханов усматривал прямую преемственность народничества от великих движений XVII в., то на закате ее он рассматривал разинщину как безнадежный казацкий бунт, тянувший к старому против нового. «Тогда не было налицо таких условий, которыми создавалась бы объективная возможность нового общественного порядка и тем самым обеспечивалась бы победа народного движения, направлявшегося против старых социально-политических отношений». Плеханов, следуя Щапову, придает крупное значение расколу и считает попытку привлечения Никона разинцами крупной политической ошибкой (подобно Фирсову). В этом с ним солидаризируется Рожков, уделивший страничку своего курса разинщине. Он кратко определяет движение как «прямое продолжение восстания Болотникова, направленное против крепостного права и государства и во имя казацкого идеала». Подобное невнимание к крестьянской революции является очень показательным и исходит оно из общей концепции Рожкова [1]. В заключение следует указать, что разинщиной сильно интересовался К. Маркс, среди рукописей которого сохранился подробный конспект книги Костомарова [2].

2. ОБ ИСТОЧНИКАХ

Два обстоятельства вызывают потребность разбора источников: 1) отсутствие подобного разбора в историографии, если не считать уже устаревшего обозрения источников Попова; 2) предвзятый буржуазный характер отношения прежних исследователей к источ-

---

[1] Плеханов, История русской общественной мысли, 1925 г. кн. I, стр. 360—363; Рожков, Русская история, т. IV, 1923 г., стр. 313—314.

[2] В «Молодой гвардии», 1926 г., кн. I.

никам движения С. Разина. Эти обстоятельства заставляют нас сжато оценить имеющиеся источники. Все они могут быть разделены на четыре группы. К первой группе относятся правительственные акты, в виде приговора над С. Разиным, объявлений народу о бунте; переписка воевод с центральным правительством, с обычным приложением к ней расспросных речей участников восстания, очевидцев, сыщиков и т. п. Ко второй группе надо отнести сказания, внесенные в хронографы, и повести, составленные в связи с отдельными моментами разинщины. Третья группа известий обнимает собой сказания иностранцев, отчасти очевидцев движения Разина, отчасти слыхавших о нем со стороны. Последней группой источников мы считаем исторические песни о Разине, пренебрегать которыми нельзя, несмотря на трудность научного оперирования с ними, так как именно в них, несмотря на позднейшую подчистку, разинцы рисуются симпатичными чертами.

В этом основное отличие этой группы от трех предыдущих, представляющих собой по преимуществу памятники господствовавшего землевладельческого класса. Черты восстания проступают в них как в тумане. Чаяния, стремления восставших крестьян даны нам в изображении их врагов. Иногда ясно заметен фильтр, который они прошли. Но этот характер источников присущ им всем далеко не в одинаковой степени. Некоторые из них носят ярко выраженный агитационный характер. Таковы сказания «о граде Астрахани», об осаде Макарьева Желтоводского монастыря, о Тихвинской иконе богоматери. Это литературные произведения, где введен ряд мотивов, усиливающих «зловредность» разинцев; здесь они выступают, как еретики, на которых ополчается само «небо»: в Астрахани описывается ряд чудесных знамений; в Цивильске сама божья матерь приходит на помощь государевым людям, которые бьют внезапно ослепших разинцев. Для нас эти сказания име-

ют интерес главным образом с точки зрения того, как обрабатывалось общественное мнение той поры. Гораздо более ценен материал, имеющийся в воеводских донесениях. В них передаются слухи, полученные воеводой, расспросы разных лиц, делаются отчеты о боях, о положении дел на фронте и т. п. Все это очень достоверно, но здесь необходимо иметь в виду возможность ложных известий, полученных воеводой, и возможность преднамеренной лжи со стороны самого воеводы. В первом случае известия проверяются другими донесениями, в которых сообщается о подтверждении слухов. Иногда здесь обнаруживается явное противоречие (например, расспросы курбского попа и стрельцов). Преднамеренная ложь воеводы могла иметь место, когда он хотел щегольнуть своим успехом, раздувая опасности, которым он подвергался, численность и силу неприятеля, или стремясь поддеть другого воеводу-соперника. Иногда он давал такую мотивировку действиям Разина, которая потом становилась официально признанной, оказываясь выгодной для дискредитации движения. Я имею в виду *официальную версию об «измене» Разина под Симбирском*, на которой строится ряд выводов в буржуазной историографии. Между тем документы, наряду с изучением топографии Симбирска XVII в., доказывают, что *измены со стороны Разина не было.*

Характерны также для понимания идеологии господствовавшего класса правительственные акты, предназначенные для торжественного оглашения и распространения. Здесь факты даны в соответствующей классовой подрисовке, которая, однако, видна сразу. Центральное место среди первой группы источников занимает так называемый «Карабановский столбец», который является основным напечатанным документом по истории крестьянской революции в Поволжьи. Однако этот столбец издан Поповым не полностью; другой частью

его пользовался Порфирьев. Большое значение имеют также дела, изданные из архивов Разрядного приказа, Посольского приказа, и некоторые намеки, сохранившиеся в описях Тайного приказа.

Известия иностранцев очень ценны. Главное место здесь принадлежит «Известию, касающемуся бунта, недано поднятого в Московии Ст. Разиным» появившемуся в Англии в 1672 г. Автор известия—аноним, закончивший свое повествование 13/23 сентября 1671 г. в Архангельское, на палубе корабля «Царица Эсфирь». Оно было переведено на французский язык, и этим переводом обычно и пользовались наши историки. Автор приводит целиком смертный приговор С. Разину и приводит много ценных указаний на распространенность движения по всему государству и на его ярко выраженный характер крестьянской войны. Стрюйс, голландец из числа экипажа корабля «Орел», несмотря на то, что был свидетелем разинского движения в Астрахани,— много ниже по своему пониманию разинщины. В описании Волги он следует Олеарию; а в оценке событий на него оказало огромное влияние его положение в среде московских наемников. Еще более отрицательно относится к разинцам неизвестный автор письма от 24 сентября 1669 г. и Д. Бутлер (см. его письмо от 6 марта 1671 г.[1]). Стрюйс и английский аноним оказали влияние на автора книги о посольстве Кунраада фан Кленка в Московию. Автором ее, повидимому, был голландец Койэт, секретарь посольства. Он мог слушать рассказы о Разине от Стрюйса, который также участвовал в этом посольстве в качестве простого пушкаря и конюха, а также от своего двоюродного брата, жившего в Москве и имевшего здесь завод. В рассказе Койэта важно то значение, какое он придает размаху крестьянского движения. С этой же стороны интересно сочинение Конрада Штруцфлейша, тоже, по его словам,

[1] Письма помещены в приложении к воспоминаниям Стрюйса.

бывшего в эту пору в России. Наконец несколько интересных замечаний о казни Разина и о мобилизации дворянства мы встречаем у Рейтнефельса. Помимо этого печатного материала, в работе использованы копии с разинских дел Древнехранилища Центроархива: это столбцы Разрядного приказа, главным образом Белгородского стола; приказные дела страх лет; документы Посольского приказа (донские, малороссийские, шведские, крымские, персидские, калмыцкие, армянские, грузинские и бухарские дела)[1].

3. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Крестьянская революция в России XVII в. неразрывно связана с тем характерным для Востока Европы явлением, что развитие торгово-денежных отношений приводит здесь к установлению крепостного хозяйства. Торжество крепостничества в XVII в. было вместе с тем результатом поражения первой крестьянской революции начала XVII в. То же явление мы наблюдаем в Германии и Венгрии, где крепостное право утверждается после Великой крестьянской войны. Энгельс писал в примечании к третьему изданию «Капитала»: «В XV в. немецкий крестьянин хотя и обязан был нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был почти повсюду, по крайней мере физически, свободный человек... Победа дворян в крестьянской войне положила этому конец»[1]. Крестьянская революция эпохи феодализма и крепостничества означала собой борьбу крестьян за свободное от помещечьей эксплоатации развитие производительных сил. Эта задача в такой общей постановке оставалась для русского крестьянства актуаль-

[1] Возможности использования этих материалов автор обязан тт. М. Н. Покровскому и В. В. Максакову.

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 215.

ной и тогда, когда условия общественного производства стали коренным образом меняться. Маркс и Энгельс писали в 1849 г.: «Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морями могут спасти себя от патриархально-феодального варварства лишь путем аграрной революции, которая превратила бы крепостных или тяглых крестьян в свободных землевладельцев» [1]. М. Н. Покровский также указывает, что «стержнем всей русской аграрной истории, начиная, по крайней мере, с XVI в.», было «стремление русского крестьянина быть мелким самостоятельным производителем.—На этом фоне развертывается перед нами длинный ряд крестьянских революций: Смутное время, революция Хмельницкого на Украине, восстание Стеньки Разина и, наконец, Пугачевский бунт к концу XVIII в.»[2]. Вполне понятно, что борьба крестьян за свободу мелкого производства видоизменялась в зависимости от изменений в состоянии производительных сил и производственных отношений. Чтобы яснее выяснить основные черты крестьянской революции середины XVII в., необходимо заметить, что она отличается от крестьянских движений эпохи промышленного капитализма уже тем, что совершается при сохраняющемся еще в своей основе феодальном способе производства. Отсюда понятна ошибка т. Ладохи, который делал попытку изобразить разинщину как буржуазную революцию, повторяя тем самым ошибку Меерсона в области пугачовщины и теряя историческую перспективу [3].

Разинщина совершалась в условиях крепостного хозяйства, в основе которого все еще лежит натуральное хозяйство. Тов. Ленин отмечал следующие четыре приз-

---

[1] Маркс и Энгельс в эпоху нем. рев. 1848—1850 гг., статьи, собр. Мерингом, 1926 г., стр. 155—156.

[2] М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., 1924 г., стр. 8 и 9.

[3] Ладоха, Разинщина и пугачовщина, Гиз, 1928 г.

нака барщинной крепостной системы: 1) «господство натурального хозяйства», 2) «непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности», 3) «личная зависимось крестьян от помещиков», т. е. «внеэкономическое принуждение»; 4) низкое и рутинное состояние техники»[1]. При крепостном хозяйстве феодальный способ производства подвергается очень значительным изменениям, но в основе своей он остается. Элементы торгово-денежных отношений становятся все заметнее; развивается внутренний рынок, растет значение городов. Натуральное хозяйство начинает частично разлагаться под влиянием этих элементов развития. Местные связи, характерные для эпохи феодализма, начинают заменяться более широкими связями. Говоря о «новом периоде русской истории» (примерно, с XVII в), который характеризуется «действительным фактическим слиянием всех областей, земель и княжеств в одно целое», т. е. объясняя процесс образования нации, т. Ленин писал: (оно) «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших рынков в один всероссийский рынок»[2]. Следовательно мы наблюдаем в XVII в. развитие торгового капитала. С другой стороны необходимо помнить, что это развитие шло на фоне еще натурального хозяйства. Маркс писал о денежной ренте, что даже если признать значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения, то все же базис этой ренты остается прежний, тот же, что и для других форм докапиталистической ренты, т. е. натуральное хозяйство[3].

Тенденция товарного развития в крепостном хозяй-

---

[1] **Ленин**, Развитие капитализма в России, стр. 117—118.
[2] **Ленин**, Собр. соч., т. I, стр. 84.
[3] **Маркс**, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 272 (по изд. 1928 г.).

стве неминуемо принимает форму противоречия между натуральной основой хозяйства и товарными формами связей. Крестьянин стремится из производителя, обязанного работать на землевладельца, превратиться в свободного производителя, и при этом товаропроизводителя. Поэтому противоречие между натуральной основой хозяйства и товарной тенденцией развития принимает форму противоречия между помещиком, отбирающим в силу «вне-экономического принуждения» зачастую не только прибавочный, но и необходимый продукт в свою пользу, чтобы затем частично выкинуть его на рынок, и крестьянином, который с равным успехом, но с большим основанием мог бы выступить здесь как товаропроизводитель, не имей он за своей спиной землевладельца. И всего характернее то обстоятельство, что даже имея его за спиной, крестьянин XVII в. все же выкидывал достаточную товарную продукцию на рынок. *Развитие производительных сил означало развитие производительных сил крестьянского хозяйства прежде всего.* Обязательно ли, чтобы тогдашнее крестьянское хозяйство развивалось под контролем и гнетом помещичьего класса? Или оно могло сбросить с себя эти путы и пойти по пути свободного развития мелкого производителя в товаропроизводителя?

С нашей точки зрения такое развитие было вполне возможно. Мы не можем согласиться с теми, кто считает, что крестьянство эпохи торгового капитала было регрессивным классом, тянувшим назад, по сравнению с дворянством. Этот взгляд привел бы к признанию крестьянских революций XVII—XVIII вв. регрессивным явлением. Как известно, подобный взгляд ведет начало от Лассаля, именно так оценивавшего крестьянскую войну в Германии. Маркс в своих письмах к нему, наоборот, подчеркивал, что успех дворянской революции был бы возможен лишь при союзе дворянства с крестьянством, но это было невозможно, так как «этого не допускала

зависимость его от доходов, получаемых от эксплоатации крестьян»[1].

Крестьянская революция XVII в. была прогрессивной уже потому, что крестьянин выступал в ней как основная производительная сила хозяйства. Энгельс считал, что крестьянин крепостной эпохи был вдвое производительнее современного: «Современный крестьянин отличается утратой половины своей прежней производительной деятельности»[2]. Борьба крестьянина с помещиком была классовой борьбой, превращавшейся в XVII в. в состояние постоянной гражданской войны. Даже простое бегство крепостного было формой этой борьбы. Маркс писал: «Конечно, бежавшие крестьяне рассматривали свое прежнее крепостное состояние как нечто случайное для их личности. Но в этом отношении они поступали не иначе, чем всякий, освобождающийся от оков класс...»[3]

Нам могут возразить: нужен ли и правилен ли термин «крестьянская революция»? Нам думается, что этот термин не менее законен, чем и термин «крестьянская война», так как он знаменует собой факт необычайно острой и широкой гражданской войны крестьянства против землевладельцев-крепостников. Некоторые пытаются противопоставить два термина. Но это неправильно. Сам Энгельс называл «крестьянскую войну» в Германии «крестьянско-плебейской революцией» в той же самой книжке. А т. Ленин писал про буржуазные заграничные газеты в 1905 г.: «Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую, и не удивительно. Недаром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция... Буржуазные газеты, по-старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть, однако, их общенационального,

---

[1] «Под знаменем марксизма» 1922 г., № 3, стр. 19.

[2] Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, 1922 г., стр. 44.

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 244.

даже международного значения. А именно это ведь и придает событиям характер революции»[1]. Подходя с этим мерилом к разинщине, мы убедимся в том, что термин «революция» вполне к ней применим. В этой связи необходимо остановиться на вопросе о локальности крестьянских движений, так как в этом пункте отразились особенно значительно старые представления в работах и Меерсона и Томсинского о пугачевщине. У них получается так, что крестьянство никогда не в силах подняться над местной ограниченностью. Однако это справедливо лишь отчасти. Нет сомнений, что известная раздробленность и разобщенность крестьянства, коренящиеся в особенностях их производства, составляли крупнейшее препятствие на пути крестьянских движений. Но в крестьянской революции крестьянство как раз и пытается выйти из рамок этой разобщенности и делает оно это настолько успешно, что диапазон разинских прокламаций колеблется между Швецией и Крымом. Маркс писал: «Только в *общем восстании* могут быть уничтожены изоляция «сельской общины», отсутствие связи между жизнью одной общины с жизнью другой общины,—словом, ее локализованный микрокосм, мешающий ее исторической инициативе»[2]. В разинщине мы увидим, как быстро поднималось крестьянство над уровнем своей повседневной разобщенности и как не менее быстро пало оно в свой прежний «локализованный микрокосм». В деле подъема крестьянства огромную роль сыграли те элементы населения, которые имели уже представление о «макрокосме» и военном деле. Это заставляет внимательно оценить роль казачества и роль тех зародышей рабочего класса, которые могут быть названы, следуя терминологии Энгельса, «пред-пролетариатом».

[1] Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1926 г., стр. 52. Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 58.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т, I. стр. 277.

4. ОБСТАНОВКА В МОСКОВСКОЙ РУСИ НАКАНУНЕ РАЗИНЩИНЫ

Экономика XVII в. в России характерна борьбой элементов натурального и денежного хозяйства. Проявлением этой борьбы может считаться факт пестроты хозяйственной эксплоатации крестьянства со стороны помещиков. В то время, как данные по замосковному краю позволили М. Н. Покровскому сделать вывод о возврате в XVII в. к натуральному хозяйству[1], в это же время Рожков утверждал обратное, считая, что рост денежного хозяйства шел в Московской Руси XVI—XVII вв. беспрерывно[2]. Это разноречие объясняется прежде всего разноречием и отрывочностью источников. Мы рассматриваем первую половину XVII в. как эпоху реакции, наступившей после поражения первой крестьянской революции (Смута) и утвердившей крепостнический порядок. Для этой поры характерно смешение форм эксплоатации. В черноземной полосе, на юг от Оки, господствовала барщина; в украинских деревнях Безобразова существовала в среднем трехдневная барщина[3]. Наоборот, в пределах нынешних Костромской, Ярославской и Владимирской губерний преобладал натуральный оброк[4]. Однако ни здесь, ни там не было в сущности ни чистой барщины, ни чистого оброка. Барщина зачастую соединялась с оброчными повинностями натурой и деньгами; натуральный оброк сопровождался уплатой также денег; денежный оброк почти всегда сочетался со «столовым запасом». Если хозяйство Морозова стояло на почве развития денежного хозяйства, если в Пскове мы находим 4

---

[1] М. Н. Покровский, Русская история, т. II, стр. 93.

[2] Н. Рожков, Русская история, т. IV, 1923 г., стр. 203, 207, 209—211.

[3] Новосельский, Вотчинник и его хозяйство в XVII в., Гиз 1929 г., стр. 135 и сл.

[4] Ю. В. Готье, Замосковный край в XVII в., стр. 317, 513 и др.

дворян, которые в середине XVII в. сразу продают 1212 четвертей ржи [1],—то, наоборот, тамбовские и рязанские вотчины Солотчинского монастыря знают в эту же пору большей частью натуральные оброки, взимавшиеся хлебом, птицей, продуктами животноводства и изделиями домашнего ремесла [2]. Известны случаи перевода крестьян с натуральных повинностей на денежные по инициативе помещиков, а иногда и по инициативе самих крестьян.

Это происходило там, где были развиты крестьянские промыслы и торговля. В рязанских и тамбовских вотчинах Солотчинского монастыря крестьяне постоянно сами приходят к приказчику и просят *заменить им натуральный оброк деньгами* [3]. Повидимому, натуральная оболочка вотчины разрывалась не только сверху, но и снизу. Это случай не единичный. В 1664 г. крестьяне с. Овчюхова, Владимирск. у., вотчины московского Успенского собора, прислали к протопопу ходатая для переговоров о замене барщины денежным оброком. Ходок объявил мирской приговор, по которому крестьяне соглашались платить по 35 руб. в год с 3 живущих вытей. Протопоп соглашался на замену не особенно охотно и требовал от них смешанного оброка: 50 руб. деньгами и не менее 60—70 четв. хлеба. Переговоры совпали с начавшимся волнением среди крестьян и привели к установлению одновременно и барщины, и натурального денежного оброка [4]. Весьма показательным является то обстоятельство, что инициаторами перехода на денежные оброки являются сами крестьяне.

---

[1] Состояние России по донесениям Родеса (Чт. О. И. Д. Р., 1915 г., кн. II, стр. 23).

[2] А. Доброклонский, Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. (Чт. О. И. Д. Р., 1888 г., кн. I, стр. 34—90).

[3] Доброклонский, Солотчинский монастырь в XVII в.

[4] Шмелев, Из истории московского Успенского собора (Чт. О. И. Д. Р., 1908 г., кн. 1. стр. 77—79).

Однако отсюда еще нельзя сделать вывода о повсеместной распространенности этого явления. Главным фоном, на котором развертывается классовая борьба крестьянства против помещиков, все же была барщина, изделье в его различных формах. Оброк, и в натуральной и денежной форме, мог при известных конъюнктурных условиях оказываться более полезным и нужным для помещика, но установление оброка нельзя рассматривать с точки зрения облегчения участи крепостных крестьян. Бегство крестьян из вотчин и поместий, с самым различным типом эксплоатации, доказывает это положение.

Крестьяне бегут не только из заоцких и рязанских и украинских городов, но и из уездов центральной и северной России. Можно сказать, что помещик выдвигал ту или иную форму эксплоатации крепостного крестьянства в зависимости от особенностей данной области; здесь начинало сказываться и разделение труда между нечерноземной и черноземной полосой.

Революционная ситуация создается в 50—60-х гг. Когда в 1649 г. шведская королева Христина просит продать ей 100 тыс. четвертей ржи, ей отвечают, что более 10 тыс. четвертей не продадут: «п. ч. у вел. гос., у его ц. в., в Великом Новгороде и во Пскове и в Новгородском и во Псковском уездах разные люди многие, также и в Заонежьи и на Олонце, по указу ц. в., устроены солдаты многие люди. А которые были на пашне и те многие, оставя свои пашни написалися в солдатский строй и хлеб покупают. А в польских и в понизовых городах, где прежде сего хлебу бывал род, нынешнего лета во многих местах хлеб саранча поела. И в тех городах ратным и жилетским людем в хлебе оскудение, и хлеб покупают»[1].

Увеличение спроса на хлеб в связи с превращением

[1] Состояние России по донесениям Родеса (Чт. О. И. Д. Р. 1915 г., кн. II, стр. 10 прим.).

части крестьян из производителей в потребителей, рост армии и неурожаи нарушили крепостную систему хозяйства, показав слабую товарность сельского хозяйства. Войны с Польшей и Швецией увеличили затруднение с хлебом. Мор 1654 г. обострил борьбу за рабочие руки в крепостном барщинном хозяйстве, усилил нормы оброка, вызвал запустение и необсеменение многих полей. Кризис захватил не только сельское хозяйство, но и другие стороны хозяйства. Медные деньги, выпущенные в 1656 г. для уплаты жалованья разным людям и для удержания серебряной монеты внутри страны, будучи обычным фальсификаторством торгового капитала, еще более обострили положение. Шведский дипломат Ф. Крузеншерна считал положение России незавидным: армия разложена, население недовольно поборами и выпуском медных денег. «А стоит теперь подняться восстанию в какой-нибудь части государства, и оно с легкостью распространится на все царские земли». Наблюдения шведа значительно оправдались. В 1662 г. в Москве поднялись посад и часть солдат, требуя наказания бояр. На городских воротах появилась прокламация: пусть поляки идут в Москву, в ней мало запасов. Толпа народа двинулась в с. Коломенское и, поймав царя, держала его за пуговицы кафтана говоря: «Чему верить?» Восстание было подавлено стрельцами 3 московских приказов. Одновременно «в Вологде дороговизна вызвала восстание народа; пострадали многие крупные торговцы хлебом и монастыри». В 1663 г. шведский агент Эберс сообщает: «В Москве общественное настроение дурное, там недовольны новыми налогами, в казне денег мало, слышится повсеместно ропот; один царь проявляет деятельность, но его военных сил недостаточно»[1]. *По-*

---

[1] Форстен, Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (Ж. М. Н. П., 1898 г., апр., стр. 328—329, 340; май, стр. 94—96; июль, стр. 317).

пыткой выйти из затруднений, организовав царское хозяйство на началах, сочетающих натуральную основу с задачей получения наибольшего количества товарного хлеба, была организация Тайного приказа. Она явилась непосредственным результатом затруднений и волнения в с. Коломенском. С первой половины 1663 г. искусственно заселяются Измайлово и Домодедовская волость; заводится пашенное хозяйство в г. Богородицком; переводится в ведомство Хлебного приказа Терюшевская волость и мордовские села Арзамасского и Алытарского уезда. В конце царствования Алексея Михайловича в царском хозяйстве числилось 17 342 двора, разбросанных по 20 уездам, главным образом по низовым, рязанским и замосковным. Формы эксплоатации крестьянства ведомством Тайного приказа крайне разнообразны, начиная от десятинной пашни, кончая натуральным оброком, причем тенденция развития именно такова: от барщины к оброку. Во многих селах Тайным приказом сокращается в конце 1660 г. десятинная пашня и увеличивается оброк, зачастую в натуральной форме. Дворцовые мануфактуры, работавшие в основном на крепостном труде, являясь продуктом развития торгового капитала, однако ставят себе товарные задачи лишь в очень незначительной степени [1]. В 1665 г. шведский дипломат Лилиенталь отмечал в России общее утомление от длительной войны с Польшей. «Царю негде вербовать воинов, он может положиться лишь на своих стрельцов». Разрастается религиозное движение. Раскольники уничтожают образа, скапливаются в лесах. Особенно сильный мятеж известен Лилиенталю около Казани [2].

---

[1] Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, П., 1917 г.

[2] Форстен, Сношения Швеции и России (Ж. М. Н. П., июнь стр. 323—324, 334).

Затруднения 50—60-х годов обострили классовую борьбу в деревне, усилив «вне-экономический» гнет помещика. Показателем этого явления служит ряд царских указов, ухудшивших правовое положение крестьян. В 1649 г. черным крестьянам было запрещено продавать свои участки и угодья, т. е. ставились препятствия развитию товарных отношений. Указ 15 февраля 1658 г. пишет: «Ведомо нам в. г. учинилось, что Замосковских разных городов дворян и детей боярских и всяких служилых людей люди их и крестьяне разоряют, животы их грабят, и их дома пожигают, а иных и жен их и детей до смерти побивают; разоряя помещиков своих и вотчинников, бегают и живут в бегах за всяких чинов людьми». Указ впервые установил битье батогами беглых крестьян; инициаторов волнений приказано вешать. Указы 1661 и 1664 г. усилили наказание помещиков, принимавших беглых крестьян, заставляя их за каждого беглеца отдавать 4 крестьян из своего хозяйства [1]. Кризис ухудшил положение холопов и увеличил случаи грабежа крестьян их же помещиками. В 1652 г. крестьянин кн. В. Шелешпанского был взят своим барином «в железы» вместе с семьей «а взял тот князь Василий животишка моего 40 ч. ржи и овса, да 5 ч. ячменя, да 3 ч. пшеницы, да 2 мерина по 5 р., 2 коровы по 2 р., да овец старых, да 12 молодых ягнят, и всякое порядишко и посудишко христианское» [2]. К этому присоединился *расхват черных волостей крупными землевладельцами. Мы думаем, что есть все основания считать разинщину результатом затруднений 50—60-х годов, резко обостривших борьбу крестьян с помещиками.* В ноябре 1665 г. в московском Успенском соборе была поднята «воровская грамота за печатью красного воску на Дон к атаманам и казакам».

---

[1] Беляев, Крестьяне на Руси, М. 1872 г., стр. 148—152.

[2] Новомбергский, Слово и дело государево, № 158, стр. 267—268.

По делу был привлечен пензенский «рассыльщик» Н. Петров, уже успевший послать копию этой грамоты на Дон через Саратов. В 1666 г. в верхних казачьих городах развертывается *движение Васьки Уса*, который со своим отрядом идет добывать «указ» царя о службе, доходит до р. Упы, почти до Тулы, везде поднимая крестьян против помещиков [1]. Это было прелюдией разинского движения.

Для понимания условий, в которых совершалась крестьянская революция, необходимо иметь в виду *некоторые сдвиги в классах и классовых отношениях*. Прежде всего к середине XVII в. наблюдалось *известная консолидация землевладельческого класса, показателем которой является Уложение*, отменившие урочные лета для сыска беглых крестьян, главным образом под влиянием провинциального дворянства. Другим фактом большого значения было *ослабление посадов после революционных событий 1648—50 годов*, охвативших последовательно Москву, Козлов, Соль-Вычегодскую, с. Дубовое, Воронеж, Талицкий острог, Курск, Устюг Великий, Чугуев, Рузу, Нарым, Чердынь, Соль Камскую, Кромы, Псков и Новгород [2].

В своей основе это движение посада и мелкого служилого люда было направлено против крупного торгового капитала, в частности против гостей и торгующих бояр, вроде Морозова. Провинциальное дворянство, купленное отменой урочных лет, отказалось от поддержки этого движения. В результате посад вышел из этой борьбы значительно ослабевшим. Об этом свидетельствует факт заторможения и кое-где упадка экономического развития городов во второй половине XVII в. (до 80 г.). Доселе этот факт отмечался лишь мимоходом, вне связи с классовой борьбой. Лаппо-Да-

---

[1] Тхоржевский, Ст. Разин, стр. 38—40.

[2] Бахрушин, Московский мятеж 1648 г. (сборник в честь Любавского, стр. 715—716).

нилевский указывал на упадок «промышленной деятельности» Н.-Новгорода. Сравнивая итоги писцовых книг 20-х и 70-х годов, он писал: «Аналогичные явления встречаются и в других городах за тот же период времени»[1]. Местный костромской историк отмечает, что «с половины XVII в. Кострома быстро падает, посадское население убывает»[2]... То же явление в промышленной Кинешме, где убыль посадского населения за те же годы равнялась 19%. При этом в ней отмечается процесс пролетаризации посадского люда: в середине XVII в. в ней было 3,4% лучших, 9,9% средних, 33,1% молодых людей и 45,7% бобылей[3]. В Туле процент пустующих торговых мест возрастает с 6,1% в 1625 г. до 35,6% в 1675 г. Четвертая часть Тульского посада представляла собой городской пролетариат, наемных рабочих, не тянувших тягла[4]. После 1648 г. не только городская беднота, но зажиточная часть посада оказалась сжатой в руках местных гостей, находившихся в дружбе и с местной администрацией и царским двором. Про вологодского гостя Г. М. Фетиева говорили, что его боятся посадские люди, «потому что он, Гаврила, человек гордый» и «всем городом Вологдою завладел»[5].

Таким образом к моменту разинского движения посад в значительной степени выпал, как активная сила. Лишь пред-пролетарские круги посада обнаруживали революционную энергию, превосходившую энергию крестьян. Еще один момент должен быть нами отмечен: *процесс закрепощения мелкого служилого люда, особенно в*

---

[1] Русская историческая библиотека, т. XVII, предисловие, стр. XIX.

[2] Сборник «Костромской край», Кострома, 1926 г., стр. 107.

[3] Дюбюк, Из истории промышленности Кинешемского уезда (Труды Иваново-вознесен. губ. научн. общ. краеведения, вып. 3, 1925 г., стр. 115—117).

[4] Белоцерковский, Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв., Киев, 1915 г., стр. 109—110; 124—125.

[5] Заозерская, Вологодский гость Фетиев (Записки ист.-быт. отд. Русского музея, т. I, 1928 г., стр. 207).

южных уездах государства. Сохранилась масса дел о насильственном закабалении пушкарей, солдат, казаков, стрельцов крупными землевладельцами и воеводами: их «скрадывают», держат в «железах», вынуждают дать по себе кабалу и т. п.[1] Главный контингент привлеченных по «государеву делу» состоял из этой мелкослужилой массы, обращаемой в крепостных крестьян и однодворцев. Но урок 1648 и 1662 гг. не прошел даром для царя Алексея Михайловича. Он решает создать из части этого мелкослужилого люда надежную опору престола. Для стрельцов московских приказов, отданных под начальство А. С. Матвеева, увеличивается жалованье; начальники стрельцов обращаются в доверенных лиц царя, посылаемых с особыми поручениями. В подобное же положение становятся еще 2 полка; из них полк М. Кравкова набирался с наследственных романовских земель. Так *образуется царская гвардия*, его «янычары», обученные новому строю военными специалистами из-за границы, готовые подавлять восстание ради своих материальных выгод [2].

Разинцы называли московских стрельцов «мясниками». Царицынцы жаловались: «Нам от тех мясников, от московских стрельцов, житья не стало» [3].

Аналогичную диференциацию мы наблюдаем и внутри холопов. Основная холопская масса представляла собой либо деклассированный элемент, лиоб пред-пролетариат крепостной эпохи. К первым принадлежали холопы, обслуживавшие боярский двор и его потребительные потребности; ко вторым—холопы, посаженные на пашню. Число последних в XVII в. возрастало: в середине века на 1 двор задворных людей приходи-

---

[1] Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве, литогр. издан. Ранион, т. I—III.

[2] Заозерский, Царь Алексей Михайлович, стр. 336—345.

[3] Материалы Центроархива (столбцы Разрядного приказа, Белгородский стол, № 692, № 269—281).

лось по 32 тяглых двора, в 1680 г.—на 1 двор холопа уже приходилось по 10 тяглых дворов.

Несмотря на постепенное смешение пашенных холопов с крестьянами, они все же отличались от них тем, что не имели собственных орудий производства и получали от господина месячину. Кроме того были известны холопы—рабочие на барском дворе. Например, при московском дворе кн. Воротынской во второй половине XVII в. работали холопы: портные, хлебники, хамовники, каменщики, басманники[1]. Повидимому, это были закабаленные бояриком ремесленники. *Этот элемент, вместе с пашенными холопами был несомненно революционным ферментом эпохи. Наоборот, собственно дворовые люди, боярская челядь, выступали как контр-революционная сила.* В качестве таковой они защищают своих бояр в революцию 1648 г. и во время стрелецкого бунта так же, как во время разинщины[4]. Это неудивительно, так как эта челядь служит управляющими имений (получая жалованье до 20 руб. в год), сама имеет своих холопов.

5. ПОЧЕМУ КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ РАЗВЕРНУЛАСЬ В ПОВОЛЖЬИ

Крестьянская революция развернулась в Среднем Поволожьи не случайно. Здесь слабее всего были условия военного и административного управления сильнее всего сказывался крепостной нажим на крестьянство, больше скапливалось социальных сил, готовых подняться против бояр, помещиков и гостей; значительнее были связи с казачеством и рабочим людом.

---

[3] Заозерский, Боярский двор (Русский исторический журнал 1922 г., № 8, стр. 95—101).

[4] Бахрушин, Московский мятеж 1648 г. (Сборник в честь Любавского, стр. 751) и Аристов, Московская смута в правление царевны Софьи Алексеевны, Варшава, 1871 г., стр. 80, а также стр. XVIII.

Метрополия, границы которой на востоке в середине XVII в. обозначались долиной р. Цны и Нижегородской округой, издавна входившей в Московское государство, была соединена с колонией рядом торговых путей. Первый путь, так называемая Посольская дорога, шел из Москвы на Казань через Касимов, Кадом и Темников. Другой путь, так называемая Сурская дорога, ответвлялся от Посольской дороги у Темникова и шел через Красную слободу, Инсар, Пензу на Саратов. По ней возили рыбу и соль в Москву, а также иноземные товары. В 1665 г. по ней везли на 600—700 подводах персидские товары, купленные подъячим приказа Тайных дел К. Демидовым; этот караван сопровождался большим отрядом инсарских и ломовских служилых людей. Третья Ордобазарная дорога тянулась от Астрахани на Царицын, Новохоперск, Тамбов, Шацк и Касимов. По ней гнали ногаи и татары лошадей и скот в Москву. Направление этих торговых путей указывает, как шло распространение влияния московского торгового капитала на восток[1]. Весь XVII в. шел процесс колонизации Волжского края, состоявший в основном в том, что здесь свободного крестьянина-поселенца постоянно подчинял помещик, накладывавший на него свою руку, разорявший его, не дававший ему свободно развивать свое хозяйство. В Арзамасских актах конца XVI и начала XVII вв. мы постоянно встречаем крестьян-новоприходцев, но чем ближе к XVII в., тем все больше начинают встречаться и запустевшие дворы. В 1602 г. в деревне Досадиной было 4 двора, «а живут в них те же мордвы, а которые русские люди крестьяне жили в тех же дворах у мордвы, и те крестьяне, послыша прежнюю государеву сыскную грамоту, вышли вон». По пятам за крестьянином шел помещик, который, не

[1] Гераклитов, История Саратовского края, стр. 59—60; Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губ.; Акты историч., т. IV, стр. 214—219.

считаясь с ним, делил крестьянскую пашню, сенокосы и дворы с другим помещиком полюбовно. «Велети Федоровым крестьянам нынешний яровой хлеб пахати на Федора Невельского». В подобных формулах передавался факт перехода крестьянской запашки из свободной— в обслуживающую помещичьи нужды. «А крестьянская пашня наделена по их приговору, а делить им самим промеж себе пополам ровно, по полям в десятины». Межевание сопровождалось сносом и переносом крестьянских дворов. Также мало считались с землей и угодьями инородцев. «А лес ему сечи хороший и дровяной в мордовских ухожаях, которые по его поместью». Известны случаи передачи старой мордовской пашни в руки неожиданно явившегося русского помещика. Не обходилось дело и без прямого насилия. В той же дер. Досадиной «в усадище дворы мордовские, а ныне теми дворами владеет сын боярский О. Лопатин, и не ведают, почему владеет». Обычнее факт захвата освещался трафаретной формулой: помещика слушать, пашню на него пахать и доход помещика ему платить [1]. Крестьяне отвечали сопротивлением на это вторжение помещичьей власти. Курмышскому воеводе, приехавшему в дер. Шуршово для «отказа» поместья, крестьяне заявили: «Мы де живем ни в Курмышском уезде, в нижегородском уезде, и за помещиков де мы не бывали ни за кем; сами де мы земскую службу служим [2]. К эпохе разинщины Арзамасский и Алатырский уезды уже были вполне освоены русской колонизацией, и не только крестьянской, но и помещичьей и монастырской. Характерно это вытеснение местных национальностей. Мордва из деревни Комасовой, Темниковского у., Досад Синюков и Рахман

[1] Арзамасские поместные акты, изд. С. Б. Веселовским, стр. 14—15, 49, 127, 213, 233, 246 и др.

[2] Грамоты и отписки 1611—1612 гг. (Летопись занятий Археограф. комиссии, вып. I, Спб., 1862 г., стр. 10).

Сюднев в 1645 г. сдали «старинную книжную оброчную и судеревную вотчину отцов и дедов наших» с бортными ухожаями крестьянам с. Байково, вотчины Троицко-сергиевского Арзамасского монастыря, потому что «нам с той вотчины государевых податей стало платить невозможно... мы люди бедные». «А мы, Досед и Рахман вышли из сей своей вотчины головою вон [1]». Описанный процесс колонизации в середине XVII в. повторялся в Пензенском, Ломовском и других более южных уездах. Суть его заключалась: 1) в вытеснении инородцев русскими поселенцами, 2) в закрепощении крестьян, уже освоивших землю, помещиками и вотчинниками. Несмотря на это, крестьянское хозяйство сильно развивалось вперед всю первую половину XVII в. Об этом говорят данные о росте самих деревень, т. е. крестьянских дворов.

Названия уездов	Число селений		Число дворов	
	1614/1616 гг.	1646 г.	1614/1616 гг.	1646 г.
Шацкий	133	147	2 411	7 424
Кадомский	66	62	779	1 439
Елатемский	85	53	618	1 498

При сокращении числа поселений мы видим увеличение роста сельского населения за 30 лет вдвое, а в Шацком у.—втрое. В 1648 г. в Шацком у. было 22 036 чел. мужского пола, т. е. на каждый двор приходилось по 3 души мужского пола. Это указывает, что крестьянство могло развивать свое хозяйство. В эпоху С. Разина район крестьянской революции, где она захватывала почти поголовно всех, насчитывал несомненно более

[1] Шумаков, Обзор алатырских грамот коллегии экономии (Чт. О. И. Д. Р., 1899 г., кн. III, стр. 95—96).

100 тыс. дворов. У нас есть далеко не полные сведения о числе дворов по уездам, притом не всем.

Названия уездов	Число дворов	Дата	Источники
Нижегородский . .	32 935	1676 г.	1) Обозрение истор.-геогр. матер. XVII в. и н. XVIII в. в книгах Разрядн. приказа стр. 488. (Опис. док. и бум. М. А. М. Ю., кн. IV, М. 1884 г.). 2) Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губ.
Арзамасский . . .	15 869	1676 г.	
Шацкий и Касимовский	15 295	1676 г.	
Тамбовский	6 247	1671 г.	
Елатомский	1 498	1646 г.	
Кадомский	1 439	1646 г.	
Нижнеломовский . .	901	1676 г.	
Итого . .	74 184	—	—

Эти цифры отражают действительность лишь приблизительно, так как часть данных относится ко времени после разинщины, которая дала значительную убыль в сельском населении и в крестьянских дворах. Характерно, однако, что Нижегородский у. был первым во всем государстве по числу дворов. Первым он был и среди крестьянской революции. Князь Ю. А. Долгорукий доносил: «Пущие заводы воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, Мурашкина и от Терюшевской волости». Английский аноним решительно утверждает, что «самые храбрые и неустрашимые мятежники», организаторы крестьянского восстания, вышли из больших промысловых сел Лыскова и Мурашкина [1]. Это указание

[1] Соловьев, История России с древних времен, т. III, стр. 316 (по 2-му изд.). Известие о бунте С. Разина, стр. 12—13 (Чт. О. И. Д. Р., 1895, кн. III).

тем более ценно, что во главе крестьянского движения в других местах Поволжья также выдвигались крестьяне больших ремесленных и торговых сел. В Тетюшском у. очагом восстания было дворцовое село Чинчерино; в Кокшайском у.—зажиточная вотчина крутицкого митрополита с. Сундырь; в Козьмодемьянском у.—вотчина Г. М. Хитрово—с. Николаевское; в Тамбовском крае центрами движения были крупные торгово-промышленные села Конобеево, Амосово, Сасово. Крупное место в том же Нижегородском у. заняли во время разинщины села: Павлово, Богородицкое и Ворсма, будущие центры мануфактуры. Долгоруков доносил царю, что в вотчинах кн. М. Я. Черкасского «на Павлове перевозе, и в Богородицком и на Ворсме и в иных местах около тех сел мужики собрався с ворами ходят, грабят и побивают до смерти и всякое разорение чинят» [1]. Этот факт выдвижения на первое место в революционной борьбе промысловых и торговых сел заставляет нас обратиться к более детальному анализу положения крестьянства в этих селах накануне разинщины.

Лысково, Мурашкино и Терюшевская волость, наряду с рядом других сел Нижегородского, Арзамасского, Алатырского, Курмышского и Шацкого уу., в 60-х годах XVII в. находились в ведении Хлебного приказа, т. е. в хозяйстве приказа Тайных дел. В XVI в. Лысково и Мурашкино были дворцовыми селами, в XVII в. царь Михаил пожаловал их боярину Б. И. Морозову «за его службу, что он был у него, в. г., в дядьках». Морозов быстро нарастил свои богатства. В 1638 г. за ним показано только 319 дворов, а в 1654 г.—7 689 дворов. Основной рост его земельных владений шел за счет восточных областей Московского государства. В 1662 г. Морозов владел 8 тыс. дворов, из них более половины находились в Нижегородском крае. Первоначально Лы-

[1] Материалы, изд. Поповым, стр. 99.

сково и Мурашкино платили Морозову оброк и столовый запас по старой норме, кроме барщины. В выти было от 4 до 8 дворов; каждая выть платила по 7 р. 50 к. оброка, по 2 пуда свинины, 1 гусю, 1 поросенку, 30 арш. холста или 10 грувенок шерсти. В 1646 г. Морозов послал сюда окольничего П. Траханиотова с целью поднятия доходности хозяйства. Траханиотов увеличил оброк до 20 руб. в селе и до 15 руб. в деревне, прибавив к 126 вытям еще 6 вытей. Взамен он обещал уничтожить барскую запашку, столовые запасы и дать крестьянам ряд угодий в безоброчное пользование. Однако обещание не было осуществлено. Угодья были сданы в оброк «прожиточным людям», были сохранены и столовые запасы, и барщина в виде обслуживания людьми боярских кабаков и таможен, постройки мельниц, амбаров, житниц, очистки леса, подводной повинности. Неплательщики оброка посылались боярином на его будные заводы. Морозов совершенно отчетливо поставил задачу большей эксплоатации крестьян, и он ее разрешил в форме установления, вначале смешанной, а затем денежной повинности. Пробыв после смерти Морозова два года в руках его вдовы (Анны Ильинишны), Лысково и Мурашкино были в 1664 г. отписаны на государя [1]. Причиной отписки было, повидимому, не завещание Морозова в пользу государя, как думает Заозерский, а волнение крестьян. В наказе воеводе Племянникову, посланному для устройства нового управления селами, читаем: «Велено отдать с. Мурашкина крестьян 5 чел. з женами и з детьми присыльщику... для ссылки в Сибирь за то, что они бунтовали». Кроме того мы узнаем, что в

---

[1] Забелин, Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве («Вестник Европы» 1871 г., кн. I и II); Федоров, Село Б. Мурашкино, М. 1891 г., стр. 10 и 12 и сл.; Яковлев, Служил. землевлад. по данным Приказа сбора ратных людей (сб. Платонова, стр. 450—453); Никольский, Кирилло-белозерский монастырь, т. I, ч. 1, прил. I.

нижегородской тюрьме в это время сидят мурашкинские и лысковские крестьяне за убийство дьяка Сер. Прокофьева. Брожение продолжалось довольно долго, так как упоминается еще «ложная мирская челобитная» мурашкинцев, за составление которой местному бобылю Илюшке Поршневу вырезали язык и сослали в Сибирь[1]. Характерно, что в противовес тенденции развития денежного оброка, которая выявлялась у Морозова, теперь в ведомстве приказа Тайных дел стала проявляться обратная тенденция. Если в последние годы у Морозова крестьяне платили ему только один денежный оброк по 22 руб. 19 алт. 2 ден. с выти (вместо дес. пашни, посыпного хлеба, столовых запасов и подвод) за будное дело 39 руб. 20 алт. 1 ден. с выти, то теперь был оставлен в денежной форме только оброк за будное дело (сниженный до 20—30 руб.), а все другие повинности должны были отбываться натурой. Для ремесленных сел эта повинность была более обременительной и тяжелой, чем денежный оброк. В 1666 г., например, с лысковцев и мурашкинце было взято 200 подвод для отвоза государевой астраханской рыбы в Москву. В связи с движением по югу Волги натуральные повинности усиливаются. В июле 1667 г., когда отправлялись войска для усмирения разинщины, крестьянам было приказано «тотчас, без всякого мотчания» сделать 260 четв. круп, 260 четв. толокна из десятинного хлеба для продовольствия войска кн. И. С. Прозоровского. В августе было приказано заготовить еще 100 четв. ржаной муки, 120 четв. различного солоду и т. п. Эти требования совпали с недородами, ухудшившими положение крестьян. В соседней Терюшевской волости недород привел к голоду, так что «Бортники и Мордва ели мякину и траву». Об этом же

[1] Дела Тайного приказа, кн. I, стр. 717, 859, 1026 и 1029; Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 191 и сл.

по-своему сказали нижегородские посадские люди, державшие кружечные дворы: «Питухов стало мало»[1].

Лысково и Мурашкино самостоятельно присоединились к разинскому движению. «Сказание» рассказывает: «Села Лыскова жители, забывшие страх божий и в. г. крестное целование, Конст. Шестаков, Лучка Сидоров, Кл. Безрукий с товарищами, к воровству приклонишеся и избраша между собою 20 ч. воров: Гришка Растрига, Ф. Поляченко с прочими и послаша их в Курмыш по вора М. Осипова»... Лысковский воевода убежал, а мурашкинский был убит. Разинцы были встречены в Лыскове крестным ходом и колокольным звоном. Лысковцы были главными инициаторами взятия Макарьевского Желтоводского монастыря. Дело в том, что монастырь был конкурентом села в доходах, получаемых с местной ярмарки, на которой лысковские ремесленники сбывали продукты своего производства. Монахи, желая лишить лысковцев дохода от перевоза через Волгу, построили на лысковском берегу церковь св. Стефана и пустынь (с. Исады) и создали свой перевоз. Все пошлины с перевоза и ярмарки шли на монастырь, который к тому же завел свои кружечные дворы, окончательно подбивая интересы лысковцев. Те не сдавались, перевозили купеческие товары на своих лодках, открывали свои кабаки. В 1666 г. монастырь жаловался, что лысковцы завели новые кабаки; один из них «подле часовни и келий старцев», которых «смущают» скоморохи с медведями и бесовские игры. Кровавые столкновения между Лысковом и монастырем были постоянные и не кончились и после разинщины. Известен погром монастырского с. Крестцов вооруженным отрядом лысковских крестьян [2]. Эта конкуренция между селом и мо-

[1] Заозерский, цит. раб. стр. 175; Дела Тайного приказа, кн. I, стр. 1332 и 1340; Материалы Центроархива (Приказн. дела стар. лет).

[2] М. Смирнов, Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII в, Н.-Н., 1913 г., стр. 128—130.

настырем на почве сбыта вплотную подводит нас к характеристике сел, подобных Лыскову. Это были села с развитыми крестьянским ремеслами, с районом тяготеющих к ним деревень.

Т. Томсинский в своей работе, появившейся в 1930 г. («Проблемы марксизма», сборн. 2; Ленинград), считает революционное движение сел Лыскова и Мурашкина движением в основе своей кулацким. Это неверно. Села, подобные Лыскову, Мурашкину, Павлову и т. п., представляли собой ремесленные центры, создавшиеся в процессе роста общественного разделения труда в XVI—XVII в. и состоявшие в своей основной части из ремесленной бедноты, боровшейся и против боярства и против ростовщика и кулака. Во второй половине XVII в. особенно душил ремесла торговый капитал.

Уже в 1624 г. на Макарьевской ярмарке торговали знаменитыми мурашкинскими тулупами, шапками, рукавицами и лысковским полотном [1]. Лысковское полотно известно и позднее. В Лыскове «ткут холсты, называемые макарьевские, кои почитаются за весьма хорошие, но весьма узкие» [2]. Точно так же и в соседних селах Павлове, Богородицком и Ворсме уже в начале XVII в. были известны промыслы, из которых впоследствии вырастает мануфактура. В с. Павлове, где крестьяне занимались металлическим производством, в первой половине XVII в. была непашенная слобода, где было «лутчих, и середних и молодчих крестьян в живущих 99 дворов». За острогом села находилось 82 лавки, 2 прилавка, 12 полков и 4 кузницы, принадлежавшие

---

[1] Богородицкий, Очерк торговли Н.-Новгорода за XVI и XVII вв., стр. 32—33.

[2] Географический лексикон Российского государства Ф. Полунина с дополн. Миллера, М., 1773, стр. 171.

непашенным крестьянам, попам, стрельцам. К с. Павлову тянуло 17 деревень. В с. Ворсме и Богородицком, где в XVII в. уже было налицо крестьянское кожевенное производство, было в живущем по 11 дворов непашенных крестьян[1]. Повидимому, здесь сочеталось патриархальное земледелие «с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. с товарным производством». Здесь крестьянин обращался в ремесленника, а затем и в мелкого товаропроизводителя, причем «условием этого превращения является уже известная степень разложения крестьянства»[2]. В XVII в. в этих селах мы имеем довольно явное расслоение среди крестьянства. Нам известны «скудные крестьяне», нуждающиеся в хлебной ссуде, и крестьяне—крупные хозяева, торгующие по Волге. Царь приказал «с. Лыскова говорить Ив. Антропову и иным, которые промышляют низовыми промыслы, чтоб они по прежнему заводили для всяких низовых промыслов посады и струги большие своими деньгами». Царь обещал им ссуду, если они подрядятся возить хлеб в Астрахань, так, чтобы «государю была прибыль». За это он пожалует их «гостинством». Конечно факт расслоения крестьянства в ту пору не следует переоценивать, но учесть его необходимо. Мы встречаем много крестьян из перечисленных сел в качестве арендаторов мельниц, бортных ухожаев, рыбных ловель, лебединых перевесьев, заливных лугов. Это самые рядовые крестьяне. Но среди них были, повидимому, такие, которые уже выросли из крестьянина в торгового капиталиста и в скупщика. Например, крестьянин с. Ворсмы Олимпиев имел на оброке иргизские рыбные ловли, платя за них 33 руб. 50 алт., а павловец М. Васильев торговал с Персией и Шемахой.

[1] Нижегородские платежницы, изданные С. Б. Веселовским, а также см. П. Любомиров, К истории Павловского промышленного района (сб. «Труд в России», 1925 г., кн. 1).

[2] Ленин, Развитие капитализма в России, стр. 262.

Такой крестьянин был крестьянином только по имени [1]. Крестьянина с. Ворсмы Ф. Кононова, платившего за павловский кабак в 1626 г. 831 руб. откупа, вполне естественно считать торговым капиталистом, а не крестьянином [2]. Как мы увидим, против этих скупщиков и ростовщиков борется вся остальная деревня. От этого типа крепостной деревни мы должны отличать довольно многочисленных деревенских ремесленников. В арзамасских деревнях в начале XVII в. мы встречаем волнотепов, седельников, кузнецов, горшечников, сапожников, овчинников, колесников, портных, кожевников, серебренников, токарей. Многие из них представляли собой перехожих бродячих ремесленников [3]. В Алатырском уезде в 1650 г. мы могли бы встретить артель иконников, крестьян из Шуйского у., ходивших «в украйные города икон менять» [4]. Фигура ремесленника так же характерна для крепостнической деревни, как и фигура скупщика. Ленин писал: «Необходимой принадлежностью мелких местных рынков, кроме примитивных форм ремесла, являются также примитивные формы торгового и ростовщического капитала» [5].

В Терюшевской волости население состояло главным образом из бортников и мордвы. В ней числилось 1 243 двора. В 1664 г. в волости была введена десятинная пашня в размере 748 дес., объявлен сбор коров, по 1 кор. с 4 дворов, назначен оброк—202 п. 16 гривенок меду. В 1667 г., неизвестно благодаря чему, десятинная пашня была сокращена на 248 дес., отме-

---

[1] Дела Тайного приказа, кн. I, стр. 1071—1072; Нижегородские платежницы, изд. С. Б. Веселовским, стр. 2, 124—125, 136, 73, 75, 78 и др., Материалы Попова, стр. 21.

[2] Смирнов, Нижегородские кабаки, стр. 44 и 47.

[3] Арзам. пом. акты, стр. 28, 66, 282, 71, 90, 286, 307, 329, 411, 273, 565—566;

[4] Старинные акты, относящиеся к Шуе, М. 1852 г., № 69 и 70.

[5] Ленин, Развитие капитализма в России, стр. 265.

нена подводная повинность, за коров возвратили деньги. Оброк носил смешанный характер: денежный—76 руб. 13 алт. ½ ден. за пользонвание угодьями и натуральный—270 п. 39 гр. меда. Повидимому, для бортников и мордвы наиболее тяжелой повинностью была государева десятинная пашня, тем более, что ее организация зачастую совпадала со сносом целых деревень. Мордва в Арзамасском у. даже прямо предпочла откупиться от барщины, заплатив сразу 14 тыс. руб. Это свидетельствует об известной состоятельности крестьян. Процесс оскудения, который мы уже отмечали раньше, в середине XVII в. еще не охватил всю мордву в целом, хотя он заметно развивался. При сборе пятины в Кадомском у. сборщикам было велено сыскивать про мордовские торги и промыслы, «которые мед перекупают и иные товары, и кто чем промышляет и торгует и из ростов и из прибыли деньги наперед в мед дают». Следовательно и в мордве уже появились фигуры торгового капитала, появились скупщики меда и ростовщики. Среди русского населения деревни также выдвигались эти фигуры. При сборе пятины в «московский оклад» оказались положенными крестьяне Арзамасского у. Р. Дмитриев (400 руб.); Красной слободы, Темниковского у.—Ф. Образцов с братьями (400 руб.); того же села С. Подъяблонный (120 руб.). Правительство считало вообще Арзамасский уезд богатым уездом, так как размеры живущей четверти по этому уезду были определены им в 2 крест. и 2 боб. двора, т. е. очень значительной нормой[1]. *И здесь против этих фигур торгового капитала в разинщине выступают все другие слои деревни.*

[1] Дела Тайного приказа, кн. I, стр. 1027—1028, 1266; Заозерский, Царь Алексей Михайлович, стр. 110; Сташевский, Пятина 142 г. и торг.-пром. центры (Ж. М. Н. П., 1912 г., № 4., стр. 259 и 290); В. Седашев, Очерки и материалы по истории землевлад. Моск. Руси в XVII в., М. 1912 г., стр. 189.

В Кадомском у. центром разинского движения было с. Сасово, также находившееся в ведении Тайного приказа. Это было богатое село, в 100 дворов, в котором были сильно развиты деревообделочные промыслы. Вместо столовых запасов оно должно было поставлять ежегодно 400 досок липовых, 100 бревен, 200 досок дубовых, 100 дубовых пней, 200 досок сосновых, 400 досок ореховых, клиновых, яблоновых и грушевых, 400 бревен того же леса, 5 тыс. скал, 500 ушатов, 600 кадок, 1 000 корыт, 50 извар, 10 «площадок самых больших». Этот перечень ясно говорит о развитии разделения труда в деревообделочном производстве. Характерно, что крестьяне с. Сасово были освобождены от десятинной пашни, которая за них обрабатывалась, повидимому, наемными рабочими. Кроме того в Сасове было развито канатно-веревочное производство. И все же с 60-х годов XVII в. мы наблюдаем *массовое бегство сасовских крестьян.* Царь был озабочен этим отливом рабочей силы из своих земель и допытывался: «От налоги или обиды чьей, или крестьяне ставят себе во оскорбление, что им указано готовить тес и дрань и лубья и иной всякий лес» [1]. Повидимому, здесь мы имеем дело с интенсифицированной барщиной, использовывающей местные особенности крестьянского хозяйства.

В Тамбовском крае центром разинщины была *Верхоценская дворцовая волость,* в которую входило 30 сел и 20 деревень, раскинутые по р. Цне и ее притокам, Отъячу, Сержиле, Пичаевке и др. и защищенные с ногайской стороны огромным лесом по р. Кошмате. Крестьяне владели по 2 дес. пашни и по 2 дес. лугов на каждого тяглеца, но помимо этой «вытной» земли были в использовании «примерные» земли, размеры ко-

[1] Заозерский, Царь Алексей Михайлович, стр. 178—179; Дела Тайного приказа, кн. I, стр. 1055 и 1074.

торых были очень велики, так что крестьяне имели *огромные фактические наделы.* В с. Сысоеве примерной земли было, например, 16 249 дес. Источником для роста «крестьянских животов» были различные угодья, ценившиеся очень высоко. Урожай в 200 дельных деревьев продавался за 30 рублей. Зажиточность местного крестьянства была известна правительству, которое облагало здесь каждую десятину пашни и сенокоса очень высоко, в 2½ рубля. Одной пшеницы верхоценские крестьяне платили в приказ Б. Дворца по 1 000 четв. в год, кроме 10 руб. и столовых запасов с выти. Благодаря этой зажиточности крестьянства пятина 142 г. коснулась крестьян Шацкого уезда и в частности коснулась с. *Конобеева*, где было сильно развито производство канатов, веревок и стругов, так же как и в с. Морше, Выше, Сумареве, Черных, Котельне и др.[1]. Элементы расслоения крестьянства, повидимому, и здесь уже были налицо, судя по тому, что местный край уже в XVII в. поставлял отходников-плотников в Москву[2]. Царское хозяйство собиралось прибрать к своим рукам этот богатый по-тогдашнему край. В 60-х годах сюда был командирован начальник Хлебного приказа И. С. Хитрово, со специальной целью изучения местного края[3]. *Развитию свободного крестьянского хозяйства и здесь начинали ставить все большие и большие преграды.* А крестьянство здесь было тесно связано с Доном, и революционные настроения здесь проявлялись уже в Смуту, когда «собрався де Шацкого уезда мужики коверинцы, колтыринцы, конобеевцы и говорили де межь себя так: сойдемся де вместе и выберем себе

---

[1] Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии, стр. 34—35, 36, 38. А также Перетяткович, Поволжье в XVII и XVIII вв., стр. 223—224 и Стащевский, Пятина 142 г. (Ж. М. Н. П., 1912 г., кн. IV, стр. 258).

[2] Орлов, Пришлые рабочие в Москве, стр. 3.

[3] Заозерский, Царь Алексей Михайлович, стр. 23.

царя[1]. *Беглые из шацких дворцовых сел составили несомненный фермент разинского движения с самого его начала.*

Из вышесказанного можно сделать вывод, что 1) *разинское движение своими очагами в Поволжьи имело по преимуществу крупные села с развитыми ремеслами и торговлей, находившиеся либо в ведении Тайного приказа, либо во владении близких к царю бояр*, таких, как Б. М. Хитрово, кн. Я. Черкасский и т. п. 2) Эти села действительно показывали *тенденцию ремесленного крестьянства к развитию по товарному пути*, которая могла проявляться здесь благодаря тому, что этот край имел крестьян, только за 30—40 лет до этого подпавших под крепостную зависимость.

3) Наряду с применением натурального оброка здесь повидимому развивалась *интенсифицированная барщина*, как это видно по с. Сасову. Эта барщина могла найти себе применение даже в небольших поместьях, принадлежавших дворянам и детям боярским. Этим объясняется, почему волна крестьянской революции захватила не только эти крупные села, но и поголовно весь край, с активной борьбой не только против боярства, но и против землевладельцев вообще и даже против кулацких слоев деревни.

Теперь обратимся к доказательству нашего второго положения, что в Поволжьи было *много социальных сил, готовых подняться вместе с крестьянством против бояр, воевод и приказных людей*. Кн. Ю. Долгорукий писал царю: «*Пущие заводчики в воровстве* те, которые присланы от Ст. Разина *из Симбирской черты стрельцы и казаки, да будники, которые были на будех*». Что из себя представляли поселенные на черте *казаки и стрельцы*, об этом говорит строельная книга Пензы. Население этого города составилось из трех

[1] Новомбергский, Слово и дело государевы, т. I, № 325, стр. 584.

разрядов: сходцев, сведенцев и ссыльных. Сходцы представляли собой крестьянских и посадских детей и родственников, избегавших крепостного ига. Сведенцы составлялись из крестьян государевых дворцовых сел Шацкого у., приписанных в конную казачью службу, из беломестных казаков Н. Ломова, из Черкас, из Микитиных *Буд*. Ссыльные представляли собой московских ремесленников, посадских людей гор. Суздаля, Алатыря, Бельского у. и т. п., высланных сюда «за воровское денежное дело», т. е. за подделку медных монет, а отчасти, может быть, за участие в медном бунте. Вполне понятно, что подобный социальный состав был очень восприимчив к восстанию против господствующего класса[1]. «А которые де воры за московский бунт сосланы с Москвы в прошлом во 171 г. в разные понизовые города и те воры и бунтовщики с ними же, вором с *Стенкою*».

Рабочие будных заводов были еще более революционным элементом. Выработка поташа в числе других лесных промыслов была довольно распространенной в Поволжье. Известно, что крестьяне по р. Цне и Веду жгли сосновые пни и «сидели смолу ведр по 300 и более. Да теж крестьяне сплавляли лес и валежник реками на продажу». В темниковском лесу мордва сел Апаево, Ведовское, Семица и Пичкиряево также жгла лес на поташ[2]. Повидимому, крупные вотчинники, захватывая поволжские земли, брали в свои руки и организацию местного поташного производства. Так несомненно поступил Морозов, заведший 12 майдан и сбывавший свой поташ (5 494 п. в 1651 г.) за границу, где он считался лучшим. В 1668 г. Сергачские будные станы перешли в Тайный приказ, причем производство расширилось в 7 раз по сравнению с морозовским. По ведомости 1671—1672 гг.

---

[1] Строельная книга Пензы. (Чт. О. И. Д. Р., 1899 г., кн. I, стр. 10, 31 и др.)

[2] Дубасов, Очерки по истории Тамбовского края, выпуск I, стр. 161; Черменский, цитиров. работа, стр. 38.

на царских будных заводах в Поволжьи было сделано 4 809 берковцев, 3 пуд. поташа, стоимостью свыше 36 тыс. руб. Будные заводы появились также в Арзамасском, Кадниковском, Шацком и Нижнеломовском уездах. На них было уже значительное разделение труда. Во главе производства стояли «поливочи», поливавшие золою будный костер. Основной кадр рабочих делился на будников и воштариев, наиболее низко оплачиваемых рабочих. Кроме того на заводах работали бочкари, колесники и кузнецы. Для наших целей едва ли будет ошибкой, если мы воспользуемся данными о зарплате в 1679—1680 гг. на арзамасских станах. Поливочи, которых было из 251 чел. только 9 чел., получали в год до 20 рублей жалованья; будники—от 66 руб. и ниже; воштарии—от 3 руб. до 1 руб. Средняя годовая плата рабочего с пайком равнялась 8 руб. 50 коп., т. е. была значительно ниже, чем зарплата московского чернорабочего той поры (11—22 руб. в год). На барминских станах зарплата воштария равнялась от 1 руб. 8 алт. 2 ден. до 16 алт. 4 ден., т. е. была еще ничтожнее. По тогдашним ценам воштарий едва мог купить на годовую плату 10 четв. муки или 18 пуд. соли (в Лыскове 1 четв. муки=4 алт. 2 ден.; 1 п. соли=2 алт. 1½ д.). Крестьяне Морозова готовы были на что угодно, чтобы только не попасть на будные станы. «Крестьяне от того гораздо ужаснулись», сообщает приказчик боярину, «похваляютца розно брести, что де майданные дела стало делать не в силу». Условия труда на будных заводах настолько были тяжелы, что участие рабочих в разинщине было вполне естественным с их стороны. Характерно, что среди них попадались также донские казаки. Известен донской казак, живший 3 года на работе в комаровских будах, Курмышского уезда[1].

---

[1] Заозерский, стр. 144—145; Забелин, Большой боярин («Вестник Европы» 1871 г., кн .I и II); Арзамасские и Барминские будные станы, изд. Саввой; Богородицкий, Очерк торговли Н.-Новгорода,

Кроме того в Поволжьи сосредоточивалось много гулящего люда, значительная часть которого нанималась на работу в соляных разработках или в качестве *ярыжек и бурлаков* обслуживала судовой ход *по Волге и ее притокам.* Среди судовых рабочих также было несколько разрядов, из которых носовщики (лоцманы) и кормчики (рулевые) являлись квалифицированными рабочими. Обычно они составляли артель. За 2 р. с четвертью на своих харчах бурлак брался тянуть бичевой или грести от Астрахани до Саратова. Весной на Волге собиралось много ярыжек, тяжелый труд которых делал их восприимчивыми к протесту против торгового капитала, приказчиков, приказных людей. В 1671 г. Соликамский воевода писал: «И ныне, г., мимо Соль Камскую идут в Сибирь и из Сибири на Соли Камской для работы многие, г., гулящие самые скудные и голые людишки ярыжным делом из твоих, в. г., из русских из дальних городов без проезжих же памятей»... «и те пришлые люди живут ныне у Соли Камской и в твоих, в. г., Зырянских усольях и в Строгоновых слободах работают у соляных промыслов.—А весною и летом наймутся те гулящие люди на твои, в. г., и у всяких соляных промышленников на соляные ладьи к Нижнему-Новгороду». «Эта бездомная бурлацкая масса одна из первых примкнула к Разину. Об этом ясно говорит хронограф, подчеркивая присоединение к нему «работных всяких людей бурлаков» [1].

Переходим к доказательству нашего третьего положения *о слабости военно-административного аппарата в Поволжьи накануне разинщины.*

стр. 36—37; Орлов, Пришлые рабочие в Москве в XVII в., стр. 23—24; Дела Тайного приказа I, стр. 731 и 1403; Соловьев, Ст. Разин в пределах нынешней Симбирской губернии, Симбирск, стр. 41.

[1] А. Введенский, Зам. по истории труда (Архив истории труда, кн. III, 1921 г.); Гераклитов, К истории волжского транспорта в конце XVII в. (Труды Нижне-волжск. О. Н. О. Кр., вып. 34, ч. 2, стр. 17, 23); «Москвитянин», 1841 г., кн. IV, стр. 169; Материалы Центроархива (Приказные дела старых лет, за 1671 г., № 560).

По смете 1661—1663 гг. в Астрахани, Казани и во всех низовых городах и по черте, находившихся в ведомстве Казанского дворца, числилось 30 787 служилых людей. Из них 15 457 чел. служили с жалованья, получая 98 662 р.; остальные 15 330 чел. служили с земель. Если объединить разнообразные группы служилых людей, то получим следующую картину: иностранцев, составлявших главным образом комсостав, 370 чел.; инородцев—3 713 чел.; дворян и детей боярских—1 512 чел. Главную массу в 25 191 чел. составляли стрельцы, казаки, пушкари, воротники и пр., т. е. та масса, которая в середине XVII в. также стала, как мы видели, подвергаться процессу закрепощения и которая была очень близка и к крестьянам, и к посадским людям. Естественно, что разинская пропаганда находила среди них живейший отклик, иностранцы же относились к ней резко отрицательно. В 1670 г., когда ротмистр-шляхтич С. Тоболовский продолжил биться с «воровскими» казаками, тамбовские казаки и козловские рейтары биться не стали и сказали: «Что де нам с своею братьею битца?» Таким образом, *несмотря на многочисленность войска в Поволжье, оно было для самодержавия социально ненадежным.* События целиком подтвердили это[1]. Все отмеченные особенности в экономике и в классовых отношениях в Поволжьи объясняют нам, *почему движение С. Разина получило себе здесь не только опору, но и толчок для большего развития, для превращения его в крестьянскую революцию.*

6. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ДОНУ

Донское казачество в XVII в. вовсе не было той равноправной вольницей, как это изображали старые исто-

[1] С. Б. Веселовский, Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг., 1911 г., стр. 52; Материалы Центроархива (Разрядн. приказ, Белгородский стол, № 674).

рики. Возникнув, повидимому, так же, как и на Украине, из вооруженных артелей, отправлявшихся за зверем и рыбой[1], донское казачество в XVII в. имело уже оформившуюся организацию. *Крайне существенным фактом было разделение казачьих городков на верхние и нижние.* В 1672 г. на Дону было известно 52 городка. Самым верхним считался г. Мигулин, находившийся в 5 днях пути от Коротояка; самым нижним—Черкасский городок, в эпоху разинщины столица Великого войска донского, где собирался войсковой круг, на площади стояли лавки торговых людей и собор Воскресения.

Черкасск лежал на большом острове, образованном раздвоением Дона. От него было только 30 верст до башен Каланчи, защищавших устье Дона от казацких набегов. *Верхние городки промышляли главным образом рыболовством, охотой и пчеловодством.* Рыбаки из казаков постоянно попадаются в актах; донская рыба сбывалась в Москву, ею же питалась местная беднота. «Гулебщики», занятые охотой, то уходили за Кубань, то поднимались до Верхоценья, где уже начиналась Русь, так как Дон считался за пределами Руси. *Во второй половине XVII в. в верхние городки стало проникать земледелие.* Против его проникновения донская старшина боролась жестокими постановлениями, за нарушение которых грозили смертной казнью. Повидимому, она боялась, что вслед за пашней проникнуть писцы и тягло. Кроме того она боялась излишнего увеличения крестьянского элемента в казачестве. *Нижние казачьи городки, в противоположность верхним, промышляли преимущественно пиратством.* Пиратские набеги организовывались войсковым кругом, который получал государево жалованье и *делил его только между низовыми казаками.* Верховые казаки

---

[1] М. Любавский, Начальная история малорусского казачества (Ж. М. Н. П., 1895 г., июль, стр. 230—231).

получали жалованье лишь в том случае, если они участвовали в пиратском набеге, организованном нижним казачеством. Дело в том, что эти пиратские набеги за живым товаром выдавались за борьбу против мусульман в защиту православной веры. *В действительности же здесь была обычная работорговля.* Осенью 1638 г. донские казаки, взяв Азов, устроили в нем распродажу «азовского полона, турчан и татар» таманским и керченским купцам, в обмен на киндяки, сафьяны, сапоги, краску, овощи и соль. Это был настоящий рабовладельческий торг, с игрой на повышение стоимости товара. В апреле 1641 г. в Азове испытывался сильный недостаток хлеба, но атаманы молодой ясырь не продавали, придерживали, ожидая прихода торговых людей с Валуйки, а продавали только старый ясырь, менее дорогой. В эту пору Азов превращался в оживленный торговый центр: «приезжают в Азов из Астрахани и с Терка русские всякие люди с товаром, да с ними же приезжал с Терки Кизилбашский тезик, а товары де привозят дорогие, киндяки и сафьяны и всякую мелкую рухлядь, и продают те товары на деньги, и меняют на мед и на всякую рухлядь и на татарский ясырь»[1].

Работорговля через пиратство известна как очень древняя форма накопления купеческого капитала. *В морском разбое донских казаков был заинтересован отчасти и московский торговый капитал.* Уложение разрешало продажу и покупку в Астрахани «татар и татарченков мужского и женского полу» и высылку их на Русь.

Донские станицы обычно везли с собой в Москву некоторое количество ясыря, продавая его там по дорогой цене. Могли покупать ясырь и на Дону, в обмен на товары. В 1640 г. в Азов пришли «две будары с запасом князя Олексеевы вотчины Ивановича Воротын-

[1] Донские дела, кн. I, стр. 707, 781, т. II, стр. 126—128.

ского с Лебедяни»[1]. В обмен на товары могли получать рабов. *Пиратство давало возможность на Дону скопиться местному торговому и ростовщическому капиталу.* Документы отчетливо различают атаманов и казаков низовья, получающих государево жалованье, от всей остальной массы донского населения. Но и донское нижнее казачество, получающее жалованье, неоднородно в своем составе. Атаманы и есаулы получали на дуване лучшие куски «в почесть». Жалованье состояло из денег, хлеба, сукна, вина, пороха, свинца, селитры, ядер, фитиля. Наибольшее жалованье, посланное в XVII в., падает на 1641 г: 8 000 руб., 4 тыс. четв. муки, 300 четв. сухарей, 700 четв. круп и толокна, но ни сукна, ни военных припасов послано не было. Обычно размеры жалованья были значительно меньше, иногда хлеба вовсе не присылали, а денег 1 000—2 000 рублей. С 30-х годов XVII в. жалованье приобрело характер постоянно выплачиваемой дани, «чего при прежних государях никогда не бывало»[2]. В 1648 г. К. Яковлев рассказывал в Москве, что жалованье дуванено было на 1 000 человек. «А дуванят де они на тех людей, которые государю служат, и которые де вновь прибудут, и на тех людей не дуванят. И опричь тех казаков, которые живут в Верхних городках, а новоприхожим де людем дают они запасы в почесть, чем сытым быть»[3]. Атаманы и нижние казаки выбирались обычно в станицы для отсылки войсковых отписок в Москву, где им давали деньги, сукна и прочее жалованье в особом порядке. Но за этими слоями привилегированного казачества стояла остальная масса казачества, занятая промыслами в верхних городках, а также рабочая масса батраков или «бурлаков», жившая в куренях зажиточ-

---

[1] Полное собр. законов, т. I, стр. 137; Донские дела, кн. II, стр. 64.

[2] Донские дела, кн. I, стр. 320; Тхоржевский, Донское войско первой пол. XVII в. (Р. Прошлое, № 3, стр. 23—24).

[3] Донские дела, кн. IV, стр. 3.

ных дюжих казаков. Котошихин определял численность донских казаков в 20 тыс. человек, сами казаки в среднем—10 тыс. человек и более, в зависимости от притока людей[1]. Чем же жила эта масса, 9/10 которой не получало государева жалованья? Промыслы давали очень неустойчивый источник существования, к тому же в XVII в. «юрты» и «угодья» стали также делиться между зажиточным казачеством. *Значительную часть этой массы организовывали и использовывали по линии устройства военно-торговых предприятий за ясырем и восточным товаром. Дюжие казаки вкладывали свой капитал в это дело*, одни, давая ружья, порох, свинец; другие—струги и будары; третьи—посылая в предприятия своих рабочих: «многи пойдут бурлаки, которые живут междо людьми, а не своими куренями». Настоящие казаки жили в куренях или избах, составлявших их личную собственность. Иногда дюжему казаку было выгоднее послать вместо себя бурлака, тем более, что это вызывалось порой дипломатическими соображениями. В 1647 г. казак И. Красиков рассказывал о походе 38 стругов в Черное море: «а пошли де на море рядовые казаки, а старшины де атаманы никто не пошел для тово, что им по государеву указу с Турскими людьми задираться не велено». В случае же враждебных отношений Москвы и Турции во главе набега открыто становились представители старшины и дюжего казачества. По возвращении из похода добыча делилась *исполу* с теми, кто *ссужал орудия* казацкого производства в виде ружей и проч.

Об этой *типично ростовщической организации пиратства* дает понятие известие 1669 г. о том, что многие донские казаки «ссужая воровских казаков Голутвенных людей ружьем и платьем, как они пошли с Дону на Волгу, с С. Разиным отпускали для добычи исполу,

[1] Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 135.

и при нем де, Макаре, те донские казаки с теми посыльщики своими добычи их делили»[1].

Пиратские набеги не прекращались весь XVII в. Донские казаки громили Трапезунд, Константинополь; проникали и в Персию, где ими в 1637 г. был взят город Фарабас. В 1646 г. 1 500 казаков под командой знаменитого атамана Осипа Петрова в Азовском море пограбили две комяги из Кафы с товаром. Сын боярский Т. Кочанин рассказывал, что «на дуване де ему досталось: киндяк, да лук, да два рубля денег». В 1650 году тысяча казаков во главе с Иваном Богатым была под Константинополем, где взяла богатую добычу; по дороге они разбили 10 турецких каторг, привезя на Дон 150 ч. ясыря. В 1653 г. казаки шарили берега Крыма и Анатолии; через два года взяли приступом Тамань. В 1659 г. они грабили Кафу, Керчь, Балаклаву, берег Турции от Синопа до Константинополя, взяв 2 000 чел. рабов и отбив 150 человек русского полона. В связи с этими набегами понятен эпизод со взятием донцами Азова. Москве очень хотелось удержать его, но более серьезные задачи на Западе отвлекли ее от этого. В 1660 г. великий визирь Магомет Копроли, турецкий Ришелье, разбив венецианцев, решил укрепить Азов. Он выстроил каменную крепость на Донце и еще две башни выше Каланчи, а между ними протянул цепи. Гарнизон крепости был усилен до пяти тысяч человек. Башни защищали 600 янычар. Это снизило шансы донского пиратства, но отсюда еще очень далеко до причин разинского движения[2].

---

[1] Донские дела, кн. III, стр. 423; Дружинин, Раскол на Дону, стр. 11—12; Материалы Попова, стр. 49—50; Соловьев, Русская история, кн. III, изд. «Общ. польза», стр. 294.

[2] Донские дела, кн. I, стр. 217—224; кн. II, стр. 49; кн. III, стр. 70—71; кн. IV, стр. 43—44, 541—542; кн. V, стр. 46—53, 509, 765—766; также Тхоржевский, С. Разин, стр. 18—19; об исторической роли Копроли см. Зеворт, История нового времени, Киев 1883 г. стр. 382.

Эти причины лежат не там, где их ищут буржуазные историки. *Даже узко взятое движение внутри казачества имеет под собою глубокую социально-классовую основу. Донское казачество в середине XVII в. разделялось на класс «дюжих, старых, добрых», зажиточных казаков и на класс «молотших голутвенных» казаков, к которым примыкали «бурлаки»*, переход которых в голутвенные казаки и обратно происходил, повидимому, очень легко и постоянно. Дюжее казачество старалось использовать голутвенных казаков, подчиняя их и экономически через ссуду и раздачу государева жалованья, и политически через войсковой круг и суд. Насколько крепко держали власть в своих руках дюжие казаки, показывает, что в течение 25 лет с 1637 по 1661 г. войсковыми атаманами было всего 7 человек. Все они постоянно участвовали в станицах, посылаемых в Москву, постоянно находились на московском корму. Это Мих. Иванов Татарин, Т. Яковлев, Н. Васильев, Осип Петров, Иван Каторжный, П. Федоров и Корней Яковлев Черкес, известный главарь дюжего казачества в эпоху разинщины.

Характерно, что классовому делению но «дюжих» и «молотших» казаков в значительной степени соответствовало деление казаков на «низовых» и «верховых», так как нижние городки были сосредоточием главным образом дюжего казачества, а верхние—голутвенного. Одни были приверженцами Москвы, так как получали от нее жалованье, другие, наоборот, рассматривали Московское правительство как враждебное им. Два класса имели резко различные взгляды по этому вопросу. Идеология дюжего казачества ярко выражена в «повести об Азовском осадном сидении», где казаки так говорят туркам: «*А холопи мы природные государя царя християнского царьства Московского*, а прозвище наше вечно: казачество вольное и донское бесстрашное. Станем мы с ним царем турским

битца, что *с худым свиным наймитом*»[1]. Иначе говорят казаки в «Истории об Азовском сидении», выражая взгляды верхнего и голутвенного казачества: «*А нас на Руси не почитают и за пса смердящего.* А бегаем мы из того государства Московского, *из работы вечныя, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых*... Кому об нас там потужить? Рады там все концу нашему. А запасы к нам хлебные и выручки с Руси николи не бывали...»[2].

Дон зависел от хлеба Московского государства. Хлеб с Украины шел на более выгодные западные рынки и на Дон не попадал. Нужда в хлебе была на Дону постоянной, но размеры ее изменялись в зависимости от привоза. Привоз, однако, был затруднен благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, воеводы «украинных» городов Воронежа, Валуйки и др. зачастую не пропускали на Дон торговцев, и это было предметом постоянных столкновений казачества с местной администрацией. Во-вторых, дороги часто были небезопасны, и при недостаточной застрахованности этого пути от черкес, калмыков и пр. крупный торговый капитал устремлялся сюда гораздо меньше, чем мелкий. Это имело два последствия. С одной стороны, это сказывалось в непостоянстве торговых связей с Доном, с другой—оно укрепляло взаимные отношения донского казачества с мелким посадским и служилым людом государевых городов, так как торговали хлебом именно эти слои. При большом наплыве населения на Дон и при задержке торговли неминуемо происходили голодовки. Таковы причины голода 1646—1647 гг. Голод мог наступить и благодаря неулову рыбы. В распростных речах 1641 г. читаем: «А учинилась хлеб-

---

[1] А. Орлов, Исторические и поэтические повести об Азове, М. 1906 г., Тексты, стр. 106—107.

[2] Яковлев, Засечная черта Московского государства XVII в., М. 1916 г., стр. 11.

ная скудость от того, что нынешние зимы рыбе лову не было, для тово, что зима была добре студена, и лед был в гирле толст, промерзло до песку и ловить было немочно». В таких случаях старшина писал: «помираем голодною смертью, наги и боси и голодни, а взять окроме твоей государевой милости негде». Беда усуглублялась тем, что мешочникам, с Дона приезжавшим за хлебом в степные города, целовальники «запасцу им с собой на Дон для своей нужи никакова иметь не велят», либо берут с них пошлины «не в силу». В результате голода—«многие скудные люди розно порозошлись в запольные речки, а иные и неведомо куды, для того ести и поести нечево». Зимой 1640 г. «многие бедные люди ели кобылятину, а иные де кормятся рыбой». В это же время зажиточные казаки покупали ржаную муку за 3 рубля четверть. При большом завозе хлеба цена быстро падала. В 1647 г. очевидец рассказывал о приходе на Дон многих торговых людей. При нем покупали мех ржаной муки (поменьше четверти)—7 алт., сухари—8 алт., пшеничную муку—25 алт. и т. д.

Голодовки на Дону постоянно вызывали брожение прежде всего в верхних городах. Именно здесь голод сказывался особенно сильно. В 1655 г. после Покрова пришли на Дон 10 будар торговых людей и их запасы «верхних городков казаки *на ходу* раскупили... не допуская и до нас, в Войско». Покупали те, кто еще мог покупать. Голытьба же поднималась и начинала «воровать», т. е. организовываться и выступать против московского торгового капитала[1]. Такова история знаменитой Риги.

В 1658 г. в Москве прошел слух, что на Дону начался мор. Тотчас были закрыты заставы, но кое-кто, очевидно, успел привезти хлеб и спекулировал им, про-

---

[1] Донские дела, кн. I, стр. 249 и 533—536, кн. II, стр. 49, 64—66, 126, 163, кн. III, стр. 209—210, 580; кн. V, стр. 51—69.

давая «мешочик муки ржаной в полтора четверичка московских в 2 р.». Войско жаловалось на голод и писало, что казаки «переезжики иноземцы, турки и татаровья, да и Греки, и иных разных земель люди» собираются разойтись по своим землям.

В эту пору в верхних городках «заворовали». Торговые люди били челом, что «воровские» казаки, объявившиеся из «верховых казачьих городков», разоряют на Волге их учюги и рыбные ловли, грабят их суда и суда персидских купцов: «с Персидским шахом ссорят, и путь на море в Кизылбаши отняли». Эти казаки имеют свой городок, ниже р. Иловли, на Паншинском острове. Городок зовется Ригой. Здесь они зимуют, а весной снова идут на Волгу. Поход «воровских» казаков был организован с участием ростовщического казачьего капитала. Двое пойманных казака, родом из Соколинского города, жившие в работниках в верхнем Сиротине городке, были отпущены их хозяином, донским казаком Ф. Немировским «для зипуна; и то де он ведал, что им быть на воровстве...» На Волге казаки разграбили струг с солью, принадлежавший человеку московской гостинной сотни Ф. Горохову, и два струга людей кн. К. М. Черкасского. Приказчиков «били и пытали, на огне жгли...; работных людей они отпустили, а иные де пошли сами к ним охотою в казаки». Характерно письмо «воровского» атамана к царскому рыбопромышленнику, которое напоминает нам письма разинцев: «От атамана Парфения Ивановича и от всего Войска Донского и Яицкого Ив. Турченину. Были атаманы—молотцы на твоем учюге, и на учюге твоем ничево нет. И приказали атаманы—молотцы выслать 50 в. вина, 10 п. патоки, 50 мехов пшен. муки, да земли и опоки, что серебро льют. А вышли де на Четыре Бугра; а будь не вышлешь, и атаманы—молотцы хотят оба учюги выжечь у Вару и у Рустубу; да и насадам вашим по Волге не хо-

дить. А буде ты, Иван, станешь бити челом воеводе, и ты на нас не пеняй...»

В ноябре 1659 г. Московское правительство, под угрозой задержки хлеба, потребовало от Войска разорения Риги. Из войсковой отписки 14 апреля 1660 г. видно, что Ригу после упорного боя взяли и сожгли, повесив 10 человек главарей и отдав остальных рижан на поруки в разные города, с приказом явиться на лето в Черкасск. Но рижане туда не пошли, а вновь вернулись на Волгу. Характерно, что рижане «воровской пересед держали во все лето», не пропуская торговых людей в Черкасск[1]. Эта история с Ригой показывает, насколько первый поход Разина на Волгу не представлял собой чего-либо исключительного. Голод, брожение голытьбы, организация их похода при участии отдельных ростовщиков, ограбление судов, с угрозой подрыва торговли с Персией, с присоединением ярыжек, грамоты воровских атаманов, воздействие Москвы на дюжее казачество с угрозой неприсылки жалованья и прекращения торговли хлебом,—это те моменты, которые мы встретим и в начальном периоде разинского движения. Роль *верхних городков* вырисовывается здесь совершенно отчетливо. Для понимания разинщины крайне существенным является тот факт, что именно *здесь* скапливаются социально-революционные элементы *в виде беглых крестьян и холопов*. В середине XVII в. в казачество вливаются *новые слои*, часть которых входит в регулярное казачество, записывается в особый реестр, который до нас сохранился, а другая часть остается вне войскового круга. В 1646 г., готовясь к войне с Крымом, царь велел Ж. Кондыреву передать Донскому войску отряд военных людей, набранных в Туле, Воронеже и др. городах, всего 3 205 чел. Когда их приняли в круг, переписали, распределили по сотням, то оказалось, что их всего

[1] Донские дела кн. V, стр. 658, 695, 755—758.

2 165 чел. Значительная часть отряда разошлась. 300 чел. под начальством сотника Кирюшки Большого, получив в Белгороде деньги, порох и свинец, ушли «воровать» на Донец. Другая часть, составленная из шацких и тамбовских людей, в количестве 1 000 чел. ушла, захватив струги, под начальством Федьки Безчастного. Третья часть «белгородцы, чещевцы, ельчаня, осколоня, курченя и иных тв. гос. многих украйних городов, подняв знаменя, от нас пошли к Руси ж степью».

Царь велел «тех воров» ловить, бить кнутом и вешать[1]. *Так вполне легально образовался слой «воровских казаков», осевших в верхних городках.* Это были от дядей племянники, от братьев братья и т. п. люди, считавшиеся свободными. В действительности же среди них было много крестьян и холопов. К атаману одного отряда этих людей Андрею Покушелову приезжали «многие боярские беглые холопы; а стоял он, Андрюшка в лесу, блиска Окатова монастыря, и тех холопей беглых держал у себя в хороньбе в лесу». Одновременно помещики Тульского, Соловского и Веневского уездов жаловались: «Бежали от нас людишки наши и крестьянишки на Дон в казаки, разорили нас до конца, взяли животов наших»[2]. В 1648 г. царь прислал новый отряд в 1 000 чел. под начальством А. Лазарева. Тот выстроил возле Черкасска особый земляной городок и хотел жить «с Донскими атаманы и казаки в совете», но, конечно, донское казачество не могло питать к нему дружелюбных чувств. Перехватив посланное отряду жалованье, казаки ускорили разложение среди прибывших солдат. В ночь на 5 июня «по подговору казацкому» от Лазарева ушло 470 солдат. Через некоторое время ушли и остальные: «остались на Дону против твоего государя повеления и жить к казакам в городок перешли». Лазарева огра-

---

[1] Донские дела, кн. III., стр. 53—54, 143—149, 182—183, 364.

[2] Донские дела, кн. II., стр. 889, 1083—1090.

били его же холопы, ушедшие к казакам, а его претензии на них чуть было не повлекли за собой кровавые последствия. Беглых Лазареву не отдали, ссылаясь на свое право о невыдаче беглецов с Дона, однако круг их не оставил в Черкасске, а выслал в верхние городки. Вот биография одного из лазаревских солдат, впоследствии пойманного правительством. Родом крестьянин с. Чучкова, Шацкого уезда, вотчины боярина В. И. Стрешнева; несколько раз был на Дону, откуда бегал в Азов, принимал мусульманство, вновь вернулся на Дон, участвовал в Смоленской войне; последнее время жил в Москве «из найму за Яузою в новой Алексеевской слободе у ямщика Д. Филиппова...»[1]. Этот рассказ показывает, что из себя представляли эти лазаревские солдаты, влившиеся в донское казачество. Вместе с тем он свидетельствует о тесных связях Дона с окраиной Московского государства. Помимо пути по Дону (старого пути международной торговли) казаки пользовались иногда *сухопутной Азовской дорогой*, шедшей через р. Донец на Воронеж, Ряжск и Москву. По этому пути шла торговля хлебом, солью, лесом и дровами, необходимыми для казаков, которые продавали в свою очередь рыбу, скот, восточный товар.

В середине XVII в. верхнее донское казачество установило тесную связь с Шацким и Тамбовским уездами, в частности с *Верхоценской волостью*, где казаки покупали хлеб. Путь шел с Дона по Хопру до Хоперской пристани (п. Новохоперск) и оттуда волоком в р. Цну. Здесь расположились крупные торговые села Чернеево, Конобеево, Морша. В Морше сходились пути с Дона и Саратова, с р. Хопра, Вороны и Медведицы. В 1667 г. крестьяне писали: «на то село Моршу всегда, государь, бывают товаром выходы большие». Донской

[1] Донские дела, кн. IV, стр. 37, 43, 237, 239, 241—242, 917—919. То же явление — Акты Московского государства, т. II, стр. 411.

казак, как потребитель местного хлеба, стал столь заметной фигурой, что г. Тамбов оказался построенным не на татарских сакмах, а на казачьих проходах для того, «что донским казакам водяным и сухим путем с Дону и с Хопра выезд будет на Тамбов». Наконец донское казачество оседает здесь даже в качестве купца. В 1668 г. из 48 тамбовских лавок часть принадлежала донским казакам. В Шацке и Тамбове живут семьи донских казаков, здесь же есть и донские монастыри, построенные войсковой казной: Чернеев и Борщев монастыри. «А около того монастыря слободки, вкладчики и крестьяне, твои ж гос. холопи, наша братья Донские казаки...»; здесь и бобыли «наша же братья, казачишка Донская, которая в твоей государевой службе исслужились, пришли разорены и обвоеваны без остатка...»[1]. *Следовательно, связи Дона со степными городами в середине XVII в. носили довольно тесный характер*, а это обстоятельство наряду с отмеченными особенностями *деления на дюжих* и *голутвенных* казаков, *нижних* и *верхних* городков, должно нам многое объяснить в разинщине. Мы считаем, что даже простое движение голутвенного казачества в верхних городках *в своей основе* было движением в значительной степени *крестьянским*.

7. МОСКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ НА НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ

Волга в XVII в. была очень оживленным торговым путем. Астрахань, замыкавшая этот путь и открывавшая новый путь в восточные страны, была главной цитаделью московского торгового капитала. Олеарий сообщает, что здесь сосредоточено девять приказов,

[1] Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губ., 1926 г. стр. 22—26; Донские дела, кн. V, стр. 327—328, кн. III, стр 436—441, кн. IV, стр. 329.

по 500 стрельцов в каждом. Каменная крепость была защищена 500 орудиями. И Олеарий, и Стрюйс, и Майерберг были удивлены широкой торговлей Астрахани. «В городе не только русские, но и персияне и индейцы, все имеют по своему рынку. Так как и бухарские, крымские и ногайские татары, а также армяне, со всякими товарами ведут тут большую торговлю и промыслы, то, как говорят, город этот и приносит ежегодно его царскому величеству большую сумму,—даже одних пошлин 12 тысяч рублей». Действительно, в Астрахани сходились также торные торговые пути: на Бухару и Хиву морем до Караганской пристани или степью через яицкие степи и калмыцкие улусы. Через крайнюю крепость Московского государства Терок Астрахань соединялась с Кавказом. Но основная дорога шла в Персию Каспийским морем. *Именно в ней был особенно заинтересован московский торговый капитал в лице царя, его близких бояр и гостей.* Торговля персидским шелком составляла *царскую монополию,* также и торговля селитрой, шедшей из Персии.

Связи московского торгового капитала с персидским были довольно тесными. Послы говорили турецкому визирю, что между Москвой и Персией «искони вечная дружба и никогда недружбы не бывало, да и быть нельзя, потому что персидские торговые люди в Московском государстве имеют непрестанные свои купецкие промыслы и ни на малое время без тех промыслов обойтиться им нельзя». Под опекой монополистического торгового капитала торговали с Востоком и более мелкие представители торгового капитала. Среди купцов, товары которых пострадали в 1646 г. от урченского хана, были монастырский служка, несколько стрельцов, воротник. Вклады этих купцов колебались от 1 270 руб. до 72 руб. [1].

---

[1] Олеарий, Описание путешествия в Московию, Спб. 1906 г., стр. 402; Стрюйс, Путешествие (Русский архив, 1880 г., кн. I, стр. 83);

Помимо обслуживания международной торговли, Волга и ее естественные богатства служили источником для накопления крупного торгового капитала. Рыбные промыслы на низовьи считались *монополией царской казны*, интересы которой представляли отдельные капиталисты: в Астрахани—Муромец и Дубенский, в Яике—симбирец С. Трофимов и т. д. Соляные разработки и так наз. «учюги» принадлежали также либо царю, либо патриарху, астраханскому Троицкому монастырю и гостям. О размерах соляной и рыбной торговли дает представление факт вывоза гостем Г. Никитниковым в 1635 г. до 100 тысяч пудов рыбы и 1 млн. пуд. соли; причем одних пошлин в Н.-Новгородской таможне он уплатил 11 400 рублей. Вокруг этих крупных монополистов группировались более мелкие торговцы. Заурядная компания Гладкова и Бокова имела, например, капитал в 30 тыс. рублей[1].

Колонизация Волги неразрывно связана с движением московского торгового капитала на восток. В начале VII в. гость Надей Светешников захватил в свои руки разработку соли в Самарской луке. В 1660 г. его вдова продала это так наз. «Надеино Усолье», уже населенное крестьянами и бобылями, за 6 500 руб. царю, а тот его подарил Сторожевскому монастырю. В средине XVII в. здесь уже возвышались два острога[2]. Еще более интересно продвижение капитала на Яик, о чем дает понятие записка, связанная с именем гостя М. Гурь-

---

Майерберг, Путешествие, М. 1874 г. Полное собрание законов, т. I, 742; Акты истории, т. IV, стр. 49—51; Забелин, Посольское путешествие в Турцию (Русская старина, 1877 г., т. XX, стр. 22).

[1] С. Коломинский, Торговля солью на Руси в XVI—XVII вв., стр. 108, 114, 118; Богородицкий, Очерк торговли Н.-Новгорода в XVI и XVII вв., стр. 35; Костомаров, История торговли в Московском государстве, 1889 г., стр. 227 и 278.

[2] Об участии мелкого люда в рыбных промыслах у Гераклитова, История Саратовского края, стр. 103; об Надеинском Усолье. Перетяткович, Поволжье в XVII и XVIII вв.

ева. Она интересна тем, что указывает на главных врагов московского торгового капитала в лице так наз. «воровских» казаков на Яике и Волге. До 1640 г. на Яике жили эти казаки, рассказывает записка: «из Яика реки выезжали грабить на Хвалынское море и на Волгу реку, и ежелеть грабили и разоряли везде государеву казну и всяких русских и иноземных торговых людей грабили и побивали». Ничего нельзя было с ними поделать: бросят свои струги, а сами уйдут степью на Яик, где «*у житейских казаков* в казачьих в городкех им, ворам, всегда были готовы и иные струги и запасы и порох и свинец, и совсем их сподобливали, и те воры и опять выезжали из Яика на море и на Волгу воровать». Следовательно организация этих походов яицких казаков была подобием донской организации. Так было до 1640 г., когда гость М. Гурьев «дерзнул на великое дело»—привез деревянный город из верховых городов и поставил его на Яике. Затем он построил еще «каменный город», ставший ему более 200 тыс. сер. руб. С тех пор «воровство» утихло. Характерно, что записка подчеркивает крупное экономическое значение построения Яицка. «А яитцкая прибыль велика не откупом, а велика яитцкая прибыль от многой яитцкой рыбы в пошлинах да и от икры». За 27 лет М. Гурьев внес в государственную казну доходов от яицкого учюга и икры 500 тыс. руб. Дальше московскому гостю чудились великолепные перспективы проникновения торгового капитала Москвы на восток: «от того от Яика города пути подошли близко к индейским землям к богатым, а мошно быть и торговать великим с Индейскими и з Бухарскими с людьми, да и Китайские городы блиско ж поддались через те ж городы, а все те пути хорошие людные и смирные»[1].

«Воровское» казачество, составлявшее главным образом из беглых крестьян и холопов, было *главным*

[1] Материалы Центроархива (Записок гостя Гурьева 1667 г.).

врагом торгового капитала на Волжском пути. Дневник Олеария, проезжавшего по Волге, весь проникнут этим чувством страха перед казаками. В встречных рыбаках ему постоянно чудились казаки. По дороге гольштинское посольство встретило виселицу, поставленную на высокой горе: на подобных виселицах вешают «воровских» казаков. «Говорят, впрочем, что никто не остается висеть долее 8 дней, как его успевают скрасть с виселицы его собратья...»[1]. С Дона на Волгу было два основных пути. Первый путь по так. наз. «Переволоке», который был загражден построением г. Царицына в конце XVI в. В 1632 г. донские казаки грозились сжечь Царицын, так как от него «чинитца теснота великая, везде де их казаков на переходах побивают». Он стал им «пуще Азова». В XVII в. Царицын стал для донского казачества соляным рынком, но воеводы в город не пускают казаков, сажают в тюрьмы. Воевода А. Львов «глупый, плут и лихой... дурует для своей бездельной корысти», а у них на Дону «от бессолицы многие оцинжали и переопухали»[2]. Другой путь шел по р. Камышенке. О нем помнит не только народная песня. Котов пишет в своем дневнике: «А тою р. Камышенкою ходят на Дон. А ходу Камышенкою рекою 3 версты, а там волоку 20 в.—казаки струги волочат. А там р. Иловля потекла в степь и выпала в Дон»[3]. На Камышенке в середине XVII в. было построено временное укрепление английским инженером Ш. Бейлем. «А как на осень с осенними пойдут с астраханск. товары, так и острожек сожгут». Однако, несмотря на эти укрепления, донские, волжские и яицкие казаки, крестьянский состав которых несомненен, объединялись в крупные отряды и громи-

---

[1] Олеарий, Описание путешествия в Московию, Спб. 1906 г., стр. 379, 383—385, 392.

[2] Донские дела, кн. I, стр. 344; кн. IV, стр. 661—664.

[3] Н. Петровский, Новый список путешествий Ф. Я. Котова (Известия отд. р. яз. и словесности Акад. наук, IV, кн. 4).

ли торговые караваны. Деятельность атаманов Ив. Самары, Паршика и Ив. Кондырева в эпоху перед разинщиной пользовались большой известностью на Дону. *Революционный характер их выступлений также не подлежит сомнению.* На кругу у Ивана Самары казаки говорили: *«По государевой воле их вешают по всем понизовым городам». Однако местная ограниченность связывала их инициативу в самой основе* [1].

В заключение еще один любопытный факт. Обычным путем возврата донских «воровских» казаков с морских походов был путь через Астрахань, так как дорога через Кавказ или Яик была очень тяжелой и долгой. Но это возвращение требовало их «легализации» и, следовательно, жертв. Здесь они расставались с большею частью ясыря и своих добытков, которые переходили в руки местной администрации, духовенства и купцов. Традиция создала даже определенное место стоянок «прощенных воров»: у Болдинского устья или у Жареных Бугров. Повидимому, в этом секрет «нерадения» астраханских воевод во время возвращения С. Разина из первого похода. Аналогичная картина встречается и в Терках, во время воеводства там кн. Хилкова. *Здесь местные представители торгового капитала предавали общие интересы московского торгового капитала на Волжском пути ради своих непосредственных интересов наживы.*

8. ГОЛУТВЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТОРГОВЫМ КАПИТАЛОМ НА ВОЛЖСКОМ ПУТИ

Первый период разинщины

Скопление крестьянства и голод на Дону—основа, с которой начинает развертываться революционное движение среди верхних казачьих городков. 14 мая 1667 г.

---

[3] Донские дела, кн. III, стр. 424, 569—70; кн. IV, стр. 253—254, кн. V, стр. 481.

царицынский воевода сообщил правительству, что «во многие де в Донские городки пришли с Украины беглые боярские люди и крестьяне, с женами и с детьми, и от того де ныне на Дону голод большой». Он знал уже, что в Паншине и Качалинске собралось около 2 тыс. казаков, собирающихся итти на Волгу. Еще в феврале на зимовье струга нижегородского человека С. Аникеева явились двое казаков, пограбили струг и пошли нагорной стороной на Качалинск, разыскивая спрятанные по речкам «воровские» струги. Один из казаков был беглый крестьянин Шацкого уезда. В апреле «воровские» казаки имели своего атамана в лице Степана Тимофеевича Разина. Он был родом *из Зимовейска, верхнего городка*, расположенного на правом берегу Дона между г. Есауловым и Верхним Курман-яром. Из войсковой отписки 5 ноября 1652 г. нам известно, что отец его *Тимофей Разя* был донским казаком, что оба они собирались ехать на богомолье в Соловки. Но отец внезапно умер, и Степан ездил один. В 1658 г. Ст. Разин лежал больным на Валуйке, отстав от станицы атамана Н. Васильева, ездившей в Москву. Через три года он встречается нам, как один из двух послов Войска к калмыцким тайшам, и затем опять видим его едущим в Соловецкий монастырь вместе с казаком Пр. Кондрачевым[1]. Стрюйс передает легенду о том, что Разин мстил за своего брата, казненного в 1665 г. в Малороссии кн. Ю. А. Долгоруким за попытку самовольного ухода его казаков. Повидимому, это только легенда, хотя кроме брата Фрола, Степан имел и других родственников—однофамильцев. Характерно, что в движении, возглавленном Степаном Тимофеевичем, принимала участие его родня. *Мать* Степана—«названная вдова *Матрена Говоруха*», была взята правительственными войсками в жестоком бою на р. Донце в

[1] Эти сведения об отце С. Разина и о посольстве Степана к калмыкам в Донских делах (кн. IV, стр. 551—552; кн. V).

Репинском юрту. *Дядя* Степана Тимофеевича по отцу Никифор Черток был одним из крупных атаманов разинского войска. Родом он «*воронежец*, мать и жена его на Воронеже, *а на Дону жил он «три года» в бурлаках*. Это указание тем более ценно, что, как известно, первоначальное предприятие Разина субсидировалось как раз *воронежскими посадскими людьми*. Киевский воевода Шереметев передавал распростные речи войскового дьяка Абрама Иванова: «Воронежцы посадские люди Ив. Горденов, Троф. Хрипунов ссудили вора Стенку порохом и свинцом, как пошол на Волгу. И ныне они (в 1668 г.) Ивашко на Воронеже, а Трофимко на Дону, ис старшин некоему названой сын, а тот старшина ныне атаман, и тогда был он ж, а Степан Разин ему названой же сын, ведает про то он же Аврам подлинно. Да от многих Воронежцов воровство, порох и свинец привозят, и ворам продают, а они у воров рухлядь покупают да и не воровать Воронежцам нельзя, *потому что у многих на Дону сродичи*».

Из этого известия видно, что Разин был связан родственными узами с Воронежем, выходцем из которого его отец, повидимому, и был. С другой стороны, *он был названным сыном войскового атамана Корнея Яковлева*. Все это вместе взятое объясняет: 1) его роль в Войске, где он выполняет ряд ответственных поручений, 2) его связь с верхними казачьими городками и посадом Воронежа. Не забудем также, что его дядя Черток был на Дону бурлаком, а названный отец—глава дюжих казаков. Это дало возможность Степану стать во главе движения «воровских» казаков, не возбудив на первых порах особой тревоги в среде дюжего казачества. Царская грамота на Дон в июле 1667 г., написанная А. Л. Ордын-Нащокиным, прямо обвиняет старшину *в попустительстве* С. Разину. «А ныне что так отменно в вашем войсковом совете учинилось, и нераденье на весь свет показали, удивлению такое бесстрашие по-

длежит... А от вас ни проезжих станиц, ни ведомства никакова в присылках к нам, в. г., нет и на Волгу к воеводам нашим не пишете, и за теми ворами не посылаете, и злого того их совету не разоряете, и такое забвение приняли есть на ся запомнением страшного суда божия, также и нашие, в. г., опалы не боясь...» Донская станица атамана Аверкиева была сослана правительством в Холмогоры[1]. Между тем движение Разина быстро стало принимать характер революционного выступления. Впрочем, не препятствуя Разину вербовать сторонников, старшина могла руководствоваться и тем *соображением, что лучше дать выход скопившейся массе крестьян и холопов с Дона, чем удерживать их на Дону.* В начале мая отряд Разина, выросший до 1 000 человек, стоял на буграх, залитых полой водой, выше г. Паншина, между р. Тишиной и Ловлей. Из Паншина разинцы взяли себе ружья, порох, свинец, телеги и деготь; у них было уже 4 черноморских струга.

Посланные из Царицына двое попов для уговаривания Разина не добрались до лагеря. Воевода жаловался на свое «малолюдство», так как правительство требовало от воевод волжских городов, чтоб они не пропустили «воров» на Волгу и море. Между тем, на Каспийском море уже бродили отдельные казачьи отряды. 20 апреля ими был остановлен торговец А. Луковников, возвращавшийся в Астрахань с персидскими товарами. Посланный из Астрахани разъезд нашел лишь дымившийся стан казаков, которые в количестве 70 человек ушли вновь на море.

В первой половине мая Разин выплыл из Камышенки на Волгу и вскоре близ урочища «Каравайные горы» остановил торговый караван, со стругами патриарха, гостя Г. Шорина и со стругом ссыльных людей, шедших под надзором В. Кореитова. Интересен состав этих ссыльных: подъячий А. Наумов с 2 своими людьми,

[1] Материалы Центроархива (Донские дела, 7175 г., № 5).

1 стрелец приказа А. Матвеева, 2 беглых астраханских стрельца, 1 новокрещен с женой, 1 солдат полка Д. Крафорта, 2 терских и 3 московских стрельца, 1 гулящий человек. Разинцы порубили приказчиков, расковали ссыльных, которые «пуще прямых донских казаков» стали расправляться с конвоем. За исключением подъячего, новокрещена и одного стрельца, *все ссыльные присоединились к разинцам; присоединилось также бо ярыжек* и патриарший сын боярский Лаз. Жидовин. Интересное наказание постигло Кореитова. Он был выброщен на плес голышем с казной [1]. Это было повторением того обычая, которому следовали судовладельцы по отношению к больным и строптивым бурлакам. В одной порядной читаем: «если в струговой работе будет худ или который (рабочий) заскорбеет, и того больного довести до города и до людей, и на *пустоплесье не покинуть* [2]. Царицын безмолвно встретил разинцев. Пушки не стреляли, так как воевода вдруг «уверовал», «что такого атамана «ни пищаль, ни сабля, ништо не возмет». Он откупился от них, выдав им наковальню, мехи и кузнечную снасть. Поделив на Сарпинском острове добычу, Разин повел весь караван вперед, уже, повидимому, решив итти на Яик, куда его звало письмо казака Ф. Сукнина. Он отправил туда 4 своих казаков с вестью о своем приближении. Пройдя г. Черный Яр, Разин свернул в приток Бузун и, разбив по дороге воеводу Беклемишева, высланного для уговоров, выплыл в начале июня в Каспийское море. Вообще впечатление от высылки астраханских отрядов таково, что как будто бы их высылали преднамеренно на неудачу мелкими группами. Ружинский плыл на стругах, Г. Авксентьев

---

[1] Материалы Попова, стр. 22; Греков, Новые материалы о движении С. Разина, стр. 206—207; о связи Дона с Воронежем—см. Багалей, Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства, М. 1887 г., стр. 39.

[2] Калужские губернские ведомости, 1872 г., № 30.

обходил берег, Б. Северов догонял Разина. Все это делалось неохотно и изолированно. Разин легко разделался с Северовым, после чего взял Яик, благодаря тому, что в гарнизоне было много сочувствующих движению, в частности, якобы сам голова стрельцов. «В Астрахани воеводам о прибавошних о немногих стрельцах на Яик челобитье было многое Михайлова племянника Гурьева, да не изволили послать ничего». Почему Разин двинулся на Яик? Ответ на это дает записка гостя Гурьева: «потому, государь, что и ныне казаки награбили товаров Кизильбашских на море и на Волге и около Астрахани и Терка, и к ним ворам по те ж товары по Кизильбашские из нынешнего из верхнего городка и с казацкого и с Украинцами к ним приезды будут для покупки по прежнему ж, как бывало в старину до Михайлова до городового заводу. А им ворам что надобно, того всего к ним привезут за те их за Кизильбашские товары, и никакая скудость их воров не изнимет, и до тех мест покамест за ними каменной город будет». Разинцы казнили Яицкого голову Яцына и часть стрельцов, из московских приказов, не присоединившихся к движению, и открыли торговлю с калмыками: «торги между ними были безпрестани»[1].

Московское правительство проявило несомненную дальнозоркость, уже в ту пору объявив мобилизацию стрельцов *московских* приказов. 19 июля 1667 г. после заседания с боярами в «Столовой» царь назначил боярина князя И. С. Прозоровского воеводой в Астрахань и дал ему под начальство 4 приказа стрельцов. 6 августа был смотр его войскам: «великий государь после вечерни ходил в Симонов монастырь и изволил смотрить боярина и воев. кн. Ив. Сем. Прозоровского с товарищи, и дворян, и приказы стрелецкие, что отпущены на стругех для промыслу над воровскими Волжскими и

[1] Материалы Центрархива.

Яицкими казаками»[1]. Кроме того Прозоровский получил еще один полк «солдатского строю» под свою команду; на обеспечение его армии были взяты запасы дворцового хозяйства и приказа Тайных дел.

Князь Хилков, астраханский воевода, должен был произвести немедленную мобилизацию местного дворянства (1½ тыс. чел.), татар и ногайцев. В Астрахань должны были быть направлены также отряды пеших служилых людей с Симбирской черты, Самары и Саратова. Из Красного Яра взяли 100 пеших стрельцов. Сам Хилков должен был сдать городовые ключи своим товарищам И. Ф. Бутурлину и Я. М. Безобразову и ехать немедленно в Москву. Характерно недоверие московского правительства к воеводам: «печатать... наши, в. г., дела обоим вместе, а дьяки б в то время были тут же, а одному никому безо всех печатать не велел». Но Хилков медлил с отъездом, а Прозоровский с приездом, так что смена астраханского руководства произошла лишь поздней осенью 1667 г.

Вооружаясь, московское правительство не отказывалось и от использования дипломатического пути. Через Донское войско была послана грамота Разину. В ноябре в Яицке собрался круг и выслушал обещание о прощении их «вин». Разин заметил, что он готов повиноваться государю, но если это подлинная грамота царя, то пусть пришлет еще вторую подобную грамоту. Зато посланцы от Прозоровского (из Саратова) встретили враждебный прием: сотник московских стрельцов Никита Сивцов был брошен в воду. *Этим различным отношением к двум посольствам Разин подчеркнул лойяльное отношение к донскому кругу и резко-враждебное—к царским воеводам и боярам.*

Наплыв калмыков для торговли в Яицк, повидимому, вызвал слух об осаде его 10 тыс. калмыков. Слух этот

[1] Дневальные записки приказа Тайных дел (Чт. О. И. Д. Р., 1908 г., кн. II, стр. 245—246).

вызвал надежду Москвы на ликвикацию Разина с помощью чужих рук. Еще до приезда Прозоровского Хилков получил приказ послать Безобразова на помощь калмыкам, которым предполагалось обещать казачьи пожитки в качестве добычи. Слух оказался неверным, Безобразов был разбит, а часть стрельцов и солдат перешли к разинцам.

В это время на Дону шло брожение. Повсеместно появлялись казацкие отряды, собиравшиеся к Разину. 100 казаков атамана Алешки Пропокина стояли в 50 вер. от гребенских станиц; другой отряд в 400 человек пробирался с Дона на Куму. Казак М. Волоцкой набрал уже 40 человек и «иных прибирает», хочет итти к С. Разину «воровать вместе». В апреле 1668 г. атаман Сережка Кривой проехал с большим отрядом из города Качалинска на Царицын, где имел стычку со стрельцами; 30 апреля он разгромил рыбную ватагу, после чего в протоке Карабузуне имел сражение с астраханским стрелковым головой Авксентьевым, разбил его: сто стрельцов перешло к Кривому, который соединился затем с Разиным на Каспийском море. Летом 1668 г. между Новочеркасском и Пятиизбным городком на р. Лиске набрал 300 человек атаман Васька Ус и пошел было на Волгу, но ехавшая из Москвы станица, везшая государево жалованье, вернула казаков обратно и «на Дону дала им поруки». Ус через некоторое время поступил со своим отрядом на службу в полк боярина князя Г. Г. Ромодановского, за что царская грамота усиленно хвалит старшину[1].

Персидский поход Разина начался в ночь на 23 марта 1668 г. на 24 стругах. Мы не будем излагать его подробно, отметим лишь последовательно маршрут его похода: устье Терека, где он соединился с Сережкой Кривым, Дербент, Ширван, Баку, Свиной остров близ устья р. Ку-

---

[1] Материалы Центроархива (Донские дела), а также Акты исторические, т. IV.

ры, Решт, Фарабат, Астрабад, полуостров Миян-Кале, где разинцы зимовали в шаховом лесном заповеднике. Весной 1669 г. Разин воевал восточное «трухменское» побережье Каспийского моря, где погиб Сережка Кривой, после чего вернулся на Свиной остров и здесь одержал победу над войсками персов, кумаков и черкесов (3 700 чел.), находившихся под начальством Астыринского хана. Разинцы вышли из персидского похода с огромной славой:

> «прошли-то они, изошли всю орду азиатскую,
> Киргизскую, Трухменскую, Коцыльбацкую».

Для нас этот персидский набег Разина интересен главным образом с точки зрения тогдашней международной обстановки. Когда в Реште казаки потерпели поражение и были окружены большой персидской армией, они вдруг стали просить шаха о принятии их в персидское подданство и о даче им земель для поселения (на р. Куре или на Ленкуре). Персидское правительство колебалось. Москва узнала об этом колебании и потом при переговорах с персидскими послами указывала на попустительство шаха по отношению к разинцам.

Московский посол Томас Брейн привез к шаху Аббасу грамоту царя от 9 мая 1668 г.: «Чтоб ево шахово величество тех воров во своих краях, естли они там объявятся, велел побивать и в плен имать нещадно». Интересы торговли с Московским государством прекратили колебания шаха: посол казаков был затравлен собаками. Усталые, больные лихорадкой, вернулись разинцы к устью Волги.

Здесь Разин встретил две бусы кизилбашского купца Сеина Хаибека Мамулибекова сына, который вез несколько аргамаков, 363 тай и 28 сундуков товаров. Терский воевода держал его у себя целый месяц и выпустил как раз тогда, когда казаки возвращались обратно. Купец писал позднее в своей челобитной:

«и как будем на Руслубе, блиско Астрахани, пришел к ним Стенка Разин, а с ним 24 струга, и сказал, что прислали к нам их Астраханские воеводы, велели животы ваши осмотреть и запечатать, а вшед на бусы учали грабить и шаховы грамоты поимали, а аргамаков взяли, нас оставили нагих и босых». 3 серых аргамака и 3 золотых ковра впоследствии оказались у Разина, получившего их, повидимому, на дуване. 7 августа отряд казаков появился на митрополичьем учюге «Басарга», где они забрали себе продовольствие и рыболовные снасти. Их приход не был неожиданным для воевод. Повидимому трехтысячный отряд стрельцов с пушками, на 50 стругах, был подготовлен заранее под командой кн. С. Львова, и при первом же известии о приходе Разина он был послан на казаков. Разинцы бросились уходить от стрельцов в море. Тогда к ним послали гонца с обещанием прощения. Во всей этой истории много нелогичного, и объяснить ее мы бы не могли, *если бы нам не был известен сложившийся обычай прощать «воровских казаков», возвращавшихся с добычей, ради этой добычи.* Кроме того здесь имело место еще одно обстоятельство, на которое намекает хронограф Аверина. Разин заявил, что «он имеет при себе великие богатства и сокровища персидския, всякия дрогия вещи, которые он везет к Его Царскому Величеству; да к тому ж обещавает не только взятые им в Каспийском море острова в подданство к России привесть, но и другие многие победы тамо обещавает». Царь якобы дивился и приказал принять Разина и послать достоверные вести в Москву об захваченных островах. *Следовательно, в Разине думали увидеть второго Ермака.* Действительно, в Москву была послана разинская станица из 7 человек во главе с Лазарем Тимофеевым. Обращение воевод и митрополита с Разиным также наводит на мысль, что в нем видели не столько провинившегося человека, сколько желанного гостя. В честь

принесения казаками повинной Прозоровский распорядился (17 августа) палить из всех пушек «Орла», большого корабля, имевшего иноземный экипаж и стоявшего на якоре в Астрахани. Правда 19 августа он отказал 3 казакам, явившимся от Разина, в особых почестях для их вождя. Но отношение его к казакам было настолько дружелюбным, что вызывало сомнение со стороны персов, не подослан ли Разин в Персию с его согласия. Ограбленный купец Сеин Хаибек подал жалобу воеводе на Разина, прося возвратить ему товары. «И воевода челобитную нашу изодрал, для чего де Стенку написали вором: он де холоп великого государя, и его Стенку почитали и честь воздавали, а в животах нам отказали и бейте челом в. г., а мне де у него животы взяв, вам отдать нельзя, и ему де вина отдана; а за ваши де животы велит государь заплатить из своей госуд. казны». 25 августа Разин сдал у приказной избы 10 знамен, бунчук, 31 пушку, пленных персидских офицеров и ханского сына, оставив у себя 95 чел. пленных и все товары. В стане разинцев под городом открылся оживленный торг. Астраханский люд, немцы, приезжие купцы старались подешевле купить распродававшийся товар. Стрюйс сообщает, что фунт шелка стоил 3 коп.; он сам купил золотую цепь, длиной в сажень, только за 40 р. Казаки ходили одетые до того все роскошно, что одежда самых бедных была сшита из золотой парчи или шелка. Народ падал ниц, приветствуя Разина, и называл его «батько». Персы говорили впоследствии «в Астрахани воеводы и дьяки с ним, Стенкою, пили, ели, прохлаждались, и дарились и торговали». Кн. Львов пользовался особой приязнью атамана. Впрочем и другие начальники «денно и ночно с ним вместе тешилися». Дружба длилась, повидимому, до тех пор, пока все ценное не распродали. Сохранилась легенда, что И. С. Прозоровский, намекая на свои связи в Москве, стал требовать у Разина одетую на нем шубу.

Тот, негодуя, отдал ее, прибавив: «возми, брат, шубу, только б не было в ней шуму». Отношения между казаками и администрацией города стали портиться, повидимому, не только от корыстолюбия воевод. Разин не терял времени для того, чтобы сделать себя и свое войско популярным в городской бедноте. Стрюйс сообщает, что он привлек раздачей денег сочувствие «большей части простого народа и солдат.» *Дело, конечно, заключалось не столько в этой раздаче, сколько в том, что подвиги Разина, совершенные им на торной торговой дороге, в борьбе с торговым капиталом Московского и Персидского государств, носили уже революционный оттенок.* Прозоровский поспешил расстаться с опасным приятелем: «и взяв с него Стенки многие поминки, отпустили...» В общем, персидский купец так определил поведение астраханских воевод: «приняли его честно, пили и ели вместе, животы и ясырь привезли в Астрахань с радостью и отпустили его из Астрахани честно на Дон».

Конвой 50 стрельцов Леонтия Плохова был не конвоем, а скорее почетной свитой. В Москве это прекрасно поняли, и выговаривали воеводам, что они «воровских» казаков не допросили и к присяге их не привели, грабленное не вернули и отпустили их на Дон без царского указу». Надо было взять их под стражу московских стрельцов, товары отобрать и вернуть купцам, Прозорский оправдывался, что 1) он дал им нравоучение не «воровать», 2) таков обычай, чтоб прощать «воровских казаков», 3) все было сделано по совету митрополита Иосифа. Чтобы хоть несколько поправить дело, Прозоровский послал капитана Видероса уговаривать Разина «отстать от воровства».

Ответ Разина носил уже совершенно *иной* характер. *В нем прозвучала решимость борьбы с боярством и приказными людьми, новая программа действия.* «Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю

ни о нем, ни о царе... Я князь, рожденный свободным и независимым; власть воеводы слабее моей. Наверное он не знает об этом, а для того чтобы поведать ему о том, я и приготовлюсь навестить его». Пусть передача слов Разина не точна—их классовый социальный смысл несомненен. Он не тронул сотников *провинциальных* стрелецких приказов, попавшихся ему на дороге. Зато пятисотенного и пятидесятника из стрельцов *московских* приказов он долго держал у себя, ругал их голов и грозился итти на них боем [1]. В Царицыне он хотел расправиться с Унковским, притеснявшим донских казаков, ездивших за солью. Воеводу все же выдрал какой-то казак за бороду в приказной избе. *Заключенные в тюрьмах освобождались; гонец с царскими грамотами в Астрахань был брошен в воду.* На просьбу Л. Плохова вернуть пушки и перебежчиков Разин отвечал, что о пушках ничего не сказано в царской милостивый грамоте донским казакам, а о выдаче заметил: «*того у казаков не повелось, чтоб беглых людей выдавать*». Разницы вступили на новый путь борьбы [2].

9. ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕСТНОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ

Второй период разинщины

В мае 1668 г. тамбовский воевода Я. Хитрово передавал правительству слух, что «хочет де он, Стенка, итить де к тебе, в. г., к Москве с повинною со всем своим войском, а итить де, г., тому Стенке Разину к Москве мимо Тамбова». Воевода недоумевал, что ему

[1] Позднее С. Разин говорил московским стрельцам: «вы де мясники, слушаете бояр, а я де вам чом не боярин? Разинцы говорили, что они пойдут против бояр и «мясников».

[2] Материалы Центроархива; Материалы Попова, стр. 33—40 и др.; Хронограф Аверина (Москвитянин, 1841 г., кн. IV, стр. 167—168; Стрюйс, Путешествие (Русский Архив, 1880 г., кн. I, стр. 90—94); Акты исторические, кн. IV, стр. 383—384 и др.); Дополнения к Актам историческим, кн. VI, стр. 16—25.

делать с разинцами, пропускать ли их к столице или биться с ними. Разин стал на Дону в Кагальнике, построив на острове свой земляной городок. Память о его зимовке сохранялась долго. Изучая известия, относящиеся к этому периоду, видно, что Разин стремился обособить верхние казачьи городки от нижних, противопоставив прежней столице Черкасску новую столицу верхнего казачества—Кагальник. Сюда он тайком вызывает жену из Черкасска; здесь он задерживает торговых людей, едущих на Дон с товарами, «чтоб тот торг для всякой живности у него был»; зазывает к себе зимовых казаков, т. е. казаков, возвращающихся с летних промыслов в свои станицы. Сын боярский М. Чекунов передает настроение верхнего казачества таким образом: «Донские де казаки Ст. Разину с товарищи, что они пришли на Дон, ради и называют де его Стенку отцом, и изо всех де Донских и Хоперских городков казаки, которые голутвенные люди и с Волги гулящие люди идут к нему Стенке многие». В нижнем казачестве, однако, также нарастает движение среди рядовых казаков в пользу Разина, в связи с сокращением государева жалованья и невозможностью организовать обычный пиратский набег за ясырем: «ныне многие в войске русские казаки и хохлачи говорят, что им на Волгу ити будет воровать, а на Дону де жить им не у чего: вел. де государя жалования в дуване досталось по куску на человека, а иным и двух кус денег по 30 алт., сукна по 2 арш. человеку, а иным по аршину, и те де прокормитца нечем, а потому еще на море путь заперт и зипуна взять стало негде»[1]. *Таким образом господствующим настроением в донском казачестве становится революционное брожение с еще не выявленной точно програмой действия.* Дюжее казачество стояло за соглашение с Москвой. Когда в сентябре 1669 г. дон-

[1] Материалы Центрархива (Донские дела и столбцы Разр. приказа); Материалы Попова, стр. 189—190.

ская станица А. Михайлова привезла цареву грамоту в Черкасск, войсковой атаман Корней Яковлев прочел ее кругу и уговаривал «вспокоитца и дурость отложить и в. г. служить по прежнему». «И тое де речь им Донским казакам в кругу говорил трижды со слезами», так что наметили было отправить новую станицу в Москву. Но «Волские де казаки закричали, за чем де посылать станицу к Москве, разве де похотел в воду которые поедут». Волжские казаки удивлялись приезду волуйского вожа на Дон вместе с михайловской станицей: «будто де вы и сами дорогу не знаяте, знатное де дело отпущены вож и провожатые для проведования вестей». То же самое повторилось весной 1670 г., когда с царской грамотой приехал жилец Г. Евдокимов. Вначале круг решил послать станицу к государю; на другой день приходит С. Разин с голутвенными казаками, требует Евдокимова к ответу: «от кого он приехал, от вел. государя или от бояр?» Евдокимов был признан за лазутчика и брошен в воду. В ответ на упреки К. Яковлева Разин сказал: «ты де владей своим войском, а я де владею своим войском». Власть фактически находилась в руках Разина, который пробыл здесь 2½ недели и вновь поехал в верхние городки. К. Яковлев только тайным образом решился похоронить труп царского посланца. Однако и в среде казачества, шедшего за Разиным, не было еще единства программы действия. *Известная областная ограниченность сказывалась здесь довольно определенно. Только немногие отчетливо ставили задачи революционной борьбы против крепостничества.* Как раз весной 1670 г. «у Стенки Разина в Черкасском круг был, и ясаулы де докладывали в кругу, что под Озов ли итить, и казаки де в кругу про все умолчали, а *в другой де докладывали, по Русь ли им на бояр итить, и они де любо молвили небольшие люди*, а в третьей де докладывали, что итить на Волгу, и они де про Волгу

завопили». Следовательно, большинство казачества хотело следовать уже проторенным путем—идти на Волгу и здесь подрывать интересы торгового капитала Москвы; лишь небольшой отряд в 200 чел. под командой Леско двинулся под Царев-Борисов. В эту пору Разин имел переписку с запорожскими казаками и с вождями казацкого движения на Украине—с Дорошенко и Серко. В них он хотел найти союзников[1]

Дальнейшие события мы изложим как можно короче. 13 апреля 1670 г. Разин во главе 7-тысячного войска подошел к Царицыну и спустил здесь струги, поручив команду над ними В. Усу. Сам он начальствовал над конницей и пехотой. Жители Царицына отперли ворота. Тут же был захвачен торговый караван. Собравшийся круг опять выявил разногласия среди казаков: меньшинство предлагало итти прямо на Москву, большинство высказывалось за поход на Астрахань. *Здесь все еще господствовала местная ограниченность. Однако революционный характер выступления уже не был завуалирован так, как в начале первого похода. Задача взятия Астрахани и последующей борьбы с московским правительством ставилась теперь как главная задача.* В соответствии с этой задачей предварительно был предпринят поход на тысячный полк стрельцов, шедший под командой головы И. Лопатина в Царицын, для подкрепления местного гарнизона. 5 июня в семи верстах от Царицына (близ Денежного о-ва) 5 тыс. разинцев обступили со всех сторон стрелецкий полк и с помощью городской артиллерии разбили их. Пленные стрельцы были посажены гребцами на казенные суда; среди них начали агитировать, призывая их присоединиться к восстанию. После этого начался поход на Астрахань. Команду над стругами

---

[1] Материалы Центрархива (Донские дела, 1669 г., № 12); Материалы Попова, стр. 127—129.

принял Разин. В это время к нему прибыла делегация от астраханских солдат (10 чел.), шедших навстречу казакам во главе с кн. Львовым. Их было 2600 чел. на 40 стругах. Они уже решили присоединиться к разинцам и «боярина, и воевод, и приказных, и иных чинов добрых людей побить». Поэтому участь сражения разинцев с отрядом кн. Львова была решена: солдаты добровольно присоединились к восстанию. Львова казаки хотели посадить в воду, но «он де, Стенка, в кругу у казаков об нем, князь Семене, бил челом, чтоб ево в воду не сажать» [1].

В это время Прозоровский готовился к осаде Астрахани. Он спешно послал гонцов в Москву через донской круг; починил валы и раскаты; выставил пушки, поручив команду над артиллерией англичанину Бойлю; привел в военный порядок корабль «Орел», где был голландский экипаж. Помимо этого он мобилизовал всех иноземных торговых людей, которые, впрочем, проявили свою инициативу. Персидский посол Юсуф писал в 1672 г. А. С. Матвееву: «И как казаки были под городом, и мы пришед к воеводам Астрахани, учали говорить, что против тех воров и изменников стоять за одно и битца с теми ворами; а которые животы шахова величества и купчинины и торговых людей все собрав привезли к воеводам, а они в Белый город положили в онбар». Действительно, восточные купцы с своими людьми защищались отчаяннее всех: они стреляли в казаков за недостатком пуль серебряными монетами—самопожертвование для купцов очень значительное. Прозоровский должен был озаботиться о самом гарнизоне. Он начал с комсостава. Иноземным офицерам были розданы богатые подарки. На жалованье стрельцам был произведен заем у Астраханского митрополита, в размере 2600 рублей. Не обошлось и без

[1] Материалы Центроархива; Материалы Попова, стр. 14—15.

торжественного молебствия. Казалось после того, как спустили воду из митрополичьих прудов на солончак, окружавший Белый город, что Астрахань неприступна. Но за Разиным было сочувствие масс, и это решило дело. По совету *астраханских жителей* А. Лебедева и С. Куртникова, он провел войско от Жареных Бугров по р. Болде, Черепахе и Кривуше и начал приступ со стороны «поля». Характерно, что ему помогали самые разнообразные слои Астрахани: двое *нищих* пытались поджечь Белый город; нагайский *мурза* Янгурчей, не желая биться против Разина, скрылся из города в степь под Терек; послами Разина были *поп* из церкви Воздвиженья и *холоп* кн. Львова. *Стрельцы встретили разинцев на стенах братанием.*

22 июня Астрахань находилась в руках восставших.

Первой задачей разинцев было *подавление прежнего господства*. Надо сказать, что сказания, составленные с официальными целями, значительно преувеличивают число жертв. Повидимому, подавление старого порядка было произведено не с достаточной решительностью, так как в Астрахани и после первого восстания продолжалась контрреволюционная агитация, свившая гнездо в Астраханском монастыре. Это стоит в связи с общей оценкой личности Разина, который не принадлежал к «левым» в тогдашнем движении. В частности, он был чем-то связан с местным митрополитом: у него он оставил на сохранение свои пожитки. Персидский купец Сеин Конбек рассказывает: «И пришел к нам от Стенки человек, от митрополита другой человек, учели говорить, что их прислал Стенка да митрополит, чтоб нам здатца и притти к митрополиту, а Стенка у митрополита» [1]. Это впрочем, не помешало разинцам провести *конфискацию царской казны* и това-

[1] В частности, в день именин царевича Федора Алексеевича у митрополита был «банкет», на котором присутствовал Разин со своими атаманами (больше 100 чел.).

ров гостинных русского, персидского, индийского и бухарского дворов. *Дела приказной избы были сожжены, причем Разин обещал* пожечь дела в Москве «на верху». Аманатный двор был распущен. Население города было разделено на тысячи, сотни, десятки с выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками[1].

Со взятием Астрахани мы вступаем в период развертывания собственно крестьянской революции. Речь Разина стрельцам, в передаче Стрюйса, гласила: «Наконец, друзья, вы свободны, а ваш поступок избавляет вас от притеснений господ... Их притеснения так жестоки и тяжки, что нужно удивляться, как вы столь долго переносили и не тяготились ими...» Крик стрельцов—«Да поможет ему бог уничтожить всех мучителей». *Так была преодолена инерция местной ограниченности и была выдвинута задача всеобщей борьбы с крепостническим порядком.* «По дорогам только и встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему. Только и речи было, что об истреблении дворян: каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину, который хвалил и награждал их с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян) и не допускать их до самовластия. Таким образом поместья пустели. Так как благородное происхождение считалось главным преступлением, то дворяне должны были для сохранения жизни спасаться в городах, в холопском платье»[2]. Этот рассказ Стрюйса довольно хорошо передает социальный характер движения, если не считать того, что не столько С. Разин поощрял восставших, сколько восставшие крестьяне сами поднимали движение на более высокую ступень.

---

[1] Материалы Центроархива; Материалы Попова, стр. 245—253.

[2] Стрюйс, Путешествие по России (Русский Архив, 1880, кн. I, стр. 96—97.

10. РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ТРЕТИЙ ПЕРИОД РАЗИНЩИНЫ

(Вторая половина 1670 г.)

20 июня 1670 г. С. Разин двинулся в поход на Московское государство. В Астрахани остались атаманами В. Ус, Ф. Шелудяк и Иван Тверской. На Дон было отправлено около 2 тыс. чел. казаков с астраханской казной, с целью создать там твердую опору для развертывания движения.

На кругу, собранном Разиным в Царицыне, был поставлен вопрос о том, каким путем наступать на Московское государство. Казаки решили, что «итить де им р. Доном на Русь и их украинские города не можно, потому что де Дон река коренная, и она де запустошит украинские города, которые к Дону близко и у них де на Дону запасов не будет». Кроме того, казаки говорили о многолюдстве украинских городов, об обилии там дворян и детей боярских.

Путь степью также был отвергнут, потому что «степью идучи, есть нечева и запасов везти им не на чем». Так было решено двинуться по Волге, тем более, что Волга, по выражению разинцев, «ныне стала их казачья». Движение разинцев по Волге сопровождалось присоединением к восстанию всех городов, вплоть до Симбирска. Везде жители сами восставали против воевод и приказных, расправлялись с ними и избирали атаманов. Впрочем уже наметился обычай «отпечалования» воевод. Когда Разин был в семи верстах от Саратова, «саратовцы де, пришед к воеводе, говорили, что де мы тебя у Стенки отпечалуем». Встреча Разина в Саратове носила торжественный характер: «ево де вора Богородицкого монастыря игумен и саратовские все жители встречали с хлебом». Войско Разина уже насчитывало 10 тыс. чел. и быстро увеличивалось. Из казачьих городков, разбросанных по Хопру, пошли к

Разину «многия казаки, которыя *голыя люди и зерщики*», а также и *ярыжки*, нанятые было «для работы ярыжныя» на струги торговых людей, приехавших на Дон торговать[1].

В центре тактического развертывания революционной борьбы находился *Симбирск*. Не взяв его, Разин не хотел итти дальше, боясь иметь в тылу эту сильную крепость. Она была построена в 1648 г. Б. М. Хитрово и состояла, как обычно, из двух частей: кремля, возвышавшегося на венце Симбирской горы в форме четытрехугольника, и острога, защищавшего посад. 4 сентября разинцы стали в 3 в. от огрода, на Чювичинском острове; ночью они поднялись и стали выше Симбирска с версту «под пустынею», т. е. повидимому, под Успенским монастырем, находившимся вне острога. Лагерь был разбит «на старом городище», под которым, вероятно, подразумевается один из 2-х городков, расположенных при скрещении оврагов Поливного и Суходола[2].

5 сентября разинцы вступили в бой с отрядом Ю. Барятинского, загородившего путь к острогу. Бой длился целый день и кончился победой разинцев, что видно из челобитной самого Барятинского: «стоял я, холоп твой, в обозе под Симбирском, и вор С. Разин обоз у меня, х. т., взял и людишек, которые были в обозе, посек, и лошади отогнал, и тележенки, которыя были, и те отбил, и все платьишко и запас весь побрал без остатку». Барятинский, сделав попытку прорваться к кремлю, где сидел воевода И. Б. Милославский с московскими стрельцами и «с синберяни добрыми людьми», принужден был затем отойти к г. Тетюшам. Острог

[1] Материалы Центроархива; Соловьев, Ст. Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии, Симбирск 1908, стр. 29.

[2] Материалы Попова, стр. 87; Сборник «Ульяновск». Наш город, стр. 65.

перешел на сторону Разина. Низы посада Симбирска явно сочувствовали движению, так как вооруженные посадские лишь для вида стреляли в разинцев холостыми зарядами. Зато отчаянное сопротивление разинцам и посадским оказали боярские холопы, повидимому челядь: «синберяни почели сечь людей боярских, кто тут был, а людей, государь, боярских всех я поставил по стенам с пищалями, и в остроге, гос., было людей на всякой сажени по осми человек; и бились с люди боярскими многое время». После взятия острога положение разинцев было очень благоприятным. Наоборот, Милославскому его положение казалось шатким. «И только г., замешкаютца твои, в. г., полки, чаять от него вора над Синбирском великой беды, п. ч. в Синбирске, г., в рубленом городе один колодезь, и в том воды не будет на один день, в сутки не прибудет четверти аршина». Однако предусмотрительный царский тесть запасся заранее водой; а самое главное—его гарнизон состоял из привилегированной царской гвардии и с классовой точки зрения был вполне надежной опорой царского прательства [1].

В то время как Разин стоял под Симбирском, от его войска постоянно отходили отряды, шедшие помогать крестьянству в его борьбе с помещиками. *Один большой отряд под начальством Мишки Харитонова двинулся по юго-западному направлению, по Симбирской черте, на гг. Корсунь, Атемар, Инсар и Саранск.* Из этих городов только Саранск оказал сопротивление. Здесь был собран круг, который решил продолжать наступление по черте до Тамбова. Поэтому отряд повернул круто на юг и занял *Пензу*. Сюда в это время явился другой отряд из Саратова. Он шел под командой саратовского атамана Г. Савельева, но им казаки были

---

[1] Материалы Центроархива; Соловьев, Ст. Разин и его сообщники, стр. 30—33.

недовольны и заменили его выборным атаманом Васькой Федоровым, донским казаком из беглых солдат. Настроение царских воевод прекрасно передает письмо нижнеломовского воеводы А. Пекина с просьбой известить царя, «чтоб указал в сенодик написать с женою и детьми». Предчувствие оказалось верным: жители города отослали его к разинцам, которые подняли его на копья. Следуя по черте, этот отряд занял *г. Наровчат, оба Ломовых и Керенск*, всюду встречая поддержку в лице крестьянства и посадского люда.

В это время крестьянство всей округи поднялось почти поголовно. Можно сказать, что местные крестьянские волнения сливались в один поток благодаря этим разинским отрядам. *Но неправильно было бы представить себе дело так, что разинские отряды поднимали крестьян. Кое-где это было но как общее правило инициатива исходила от местного крестьянства, которое уже до прихода разинцев поднялось против помещиков, избивая их, разоряя и сжигая их усадьбы.* До нас дошли сведения об отдельных революционных крестьянских отрядах и их предводителях. В Кадомском уезде прославился отряд крестьянина Чирки из с. Острогожского; отряд Мишки из с. Жуковщины; в Шацком уезде—отряд Шилова из с. Конобеева. Крестьяне мобилизовали по 1 чел. с каждого двора, а в случае нужды обещались итти все поголовно.

Другой отряд разинцев под начальством Максима Осипова двинулся от Симбирска на северо-запад на Алатырь. Здесь в осадных дворах в рубленом городе засел воевода А. Бутурлин с разными людьми, местными помещиками и с «боярскими многими людьми». Против него поднялись мордва, черемисы, чуваши и русские «их же помещиков люди и крестьяне». Воеводы доносили: «Синбирские де и Корсунские черты стрельцы и казаки и уездные люди, помещиковы и вотчинниковы крестьяне, и мордва и чуваша, в. г., приспили и при-

ложились к вору и изменнику к Ст. Разину, и многих де тех городов дворян и детей боярских крестьяне помещиков своих побивают и в чем их грабят и ныне воюют Алатырский уезд по ту сторону р. Алатыря от Сури реки, и Алтырского уезду уездные люди помещиковы и вотчинниковы крестьяне и мордва Верхосурского стану пристали к ним же». Алатырь был взят: воеводы и дворяне сгорели в соборе, куда они скрылись во время приступа. Разинцы зажгли острожную башню, вошли в острог, и «от того рубленый город начал гореть весь». Из Алатыря часть отряда повернула на Темников, воевода которого бежал, зато были побиты его родственники и подъячие. Между Темниковым и Кодомом уже действовал крестьянский отряд Стеньки Белоуса, быстро расправлявшийся с помещиками. Главная же ветвь войска М. Осипова пошла на *Курмыш, а оттуда на Мурашкино*, по предложению восставших мурашкинских и лысковских крестьян. Характерно, что в 15-тысячном войске было только около сотни донских казаков; остальная масса состояла из местных крестьян. Уже одно это доказывает, насколько была горючей почва для взрыва крестьянской революции. Характерным эпизодом в лысковском крае была *осада Макарьевского Желтоводского монастыря*, экономическая подоплека которой нам уже известна. Здесь отметим лишь некоторые детали.

1 октября на лысковском берегу Волги появились разинцы и обстреляли из пушек монастырь. Затем они трижды посылали к архимандриту парламентеров с требованием сдать монастырь, но тот отказал, надеясь на помощь из Нижнего-Новгорода. Через неделю восставшие переправились через реку и ночью осадили монастырь: «от восточныя страни из-за кузничных изб, от южныя страни из гостина двора из рядов, от западныя страни с огорода из огородных келей, от всех же стран пушки нарядиши». Первый приступ был отбит,

но архимандрит отпустил задержанных было парламентеров, видя «яко еще множество людей к ворам на помощь из оного пола Волги преплывще». После этого М. Осипов отвел свои войска в Лысково. Дальше интересна одна деталь. «Сказание о нашествии на обитель» передает нам какие-то туманные излияния о гордости, вдруг охватившей монахов. Челобитная архим. Пахомия с братией утверждает уже более определенно, что «работные люди бобылишки наши», защищавшие монастырь, якобы разбежались от «лютого и неистового свирепства» казаков. Оба эти известия показывают, как искажали факты уже в ту пору победившие крепостники. В действительности дело было так: после отъезда разинцев от монастыря «монастырские крестьяне, которые были в осаде и с ворами бились, били челом архимандриту и келарю о жалованье из монастырской казны, что нужно, а жены их живут в лесах, и они де им отказали, ничево им из монастырской казны не дали, и те де крестьяне из монастыря разошлись, и на четвертый де день после казачья договору прислали с Лыскова в монастырь те же воры двух попов с воровскими писмами, и то де писмо прочтя келарь и с ним старцы и конюхи, ввечеру из монастыря многи побежали в Нижней, а после де того на утрее из того монастыря изменили к ворам конюх Кирюшка Жидовин, да Петра Годунова 2 чел. иноземца поляки Пашка Лазовской, Ивашка Госевской да малый Пронка татарин, лет в 12». Следовательно, монастырские крестьяне (150 чел., да 30 чел. страдников) разошлись вовсе не из страха перед разинцами, а из каких-то других соображений: их участие на стороне врагов революции, повидимому, следует объяснить той взаимной конкуренцией и борьбой, какая происходила между лысковцами и монастырем и которая, повидимому, задевала их интересы. Есть известие, что б бегстве архимандрита в Н.-Новгород разинцами сообщили черный по Лаврентий Гудок, да коню-

щенный старец Иродион. По их указанию разинцы «в церквях на иконах оклады и церковную утварь и всякую монастырскую казну и Петра Годунова и иных людей животы» собрали и отвезли в Лысково. Здесь все это было организованным порядком раздуванено. Кроме того были экспроприированы монастырские ульи, скот, рыбная ватага. Братья впоследствии жаловалась: «А лысковцы и лысковской и иных сколних волостей крестьяне, которые с казачишками монастырь грабили, здувану свои паи оставили в домах своих; и иные, государь, от них вершены, а теми грабленными животы владеют жены и их дети и братья и племянники; а иные, государь... крестьяне бегали по лесам, а ныне живут в домах своих и теми нашими грабленными животы владеют».

Не менее активно участвовали крестьяне и других волстей. Администрация вотчин Троице-Сергиева монастыря била челом: «как был вор Ст. Разин под Синбирском и от него де были засылныя воры в Мурашкино и в Лысково и в троецкия де вотчины в села в Варварское и Андрейково. В с. Мурашкино они, воры, приезжали и в с. Варварской на монастырском дворе стояли 2 сутки и что было старинных вотчин крепостных писем и в денежных и в хлебных платежах приказных отписей и всяких вотчинных писем, и те все писма они, воры, передрали и сожгли, и монастырский овес лошадьям ставили и попа Офанасия и подъячего Никитку грабили животы их все без остатку». Вначале кажется, что волнение как-будто произошло извне. На самом деле, инициаторами опять-таки были местные крестьяне: «*пущие бунтовщики тех же троицких вотчин крестьяне*». В тесной связи с этим движением стоит *восстание крестьян в с. Ворсме, Павлове и Богородицком.* Муромский воевода А. Шехонской доносил: «учинилось смутное время в вотчине кн. М. Я. Черкасского в с. Павлове»; здесь побили много служилых людей. О восстании в этом крае есть рассказ одного попа,

шпионившего в пользу царских войск. В Богородицком и Ворсме стоял отряд атамана Савки Федорова, состоявший из 5 тыс. чел. казаков и 3 тыс. чел. местных жителей; «караул у них на Оке реке по перевозкам поставлен». В октябре 1670 г. поднялись крестьяне Криволочья и послали в Богородицкое сообщить, чтоб казаки шли на Лисенский перевоз, где стояли царские войска. В это время в Изболецкую слободу прислали «воровское письмо». Поп взял его и передал царским людям, которые поручили ему агитировать среди изболецких жителей. Внезапно явившиеся разинцы (20 чел. казаков и 400 чел. крестьян) схватили попа и повели в круг, упрекая его в передаче вестей царским воеводам. Если бы не он, говорили казаки, *«и мы пошли за Оку реку в Гороховский да в Вязниковский уезды и там бы де у нас казаков много было*, а ты изменяешь царевичу государю Алексею Алексеевичу и Никону Патриарху и батюшке нашему Степану Тимофеевичу и за то де ты вел ся казни». Это известие интересно тем, что ясно показывает надежды восставших крестьян на поддержку уже в XVII в. промысловых сел Гороховского и Вязниковского уездов, за которыми шел также промысловый Шуйский уезд. Крупным центром движения было также с. *Горбатово на Оке*, вотчина Суздальского Спас-Ефимьева монастыря. Здесь крестьянский отряд достиг 5 тыс. чел., среди них только 20 чел. казаков. Во главе движения стояли староста села Борис Артемьев, соцкий, целовальник и какой-то Иван Юрлов. Они переписывались с атаманом Иваном Григорьевым, прозвищем Нечайко, по вопросу об укреплении застав по реке. Наиболее крупная застава разинцев стояла у Лисенского перевоза через Оку и у Ветчаковского перевоза через р. Кудму. Нижегородский летописец сообщает: «от тех воров присланы были воры лазутчики в Нижний-Новгород два человека», но жители их схватили и выдали воеводе Голохвостову,

который их тотчас повесил. Под воротами города постоянно появлялись разинцы, требуя сдачи города. *Колебания внутри нижегородского посада были, повидимому, очень значительны.* Лишь 12 ноября к царскому воеводе Ю. Долгорукому явились нижегородский земский староста Ив. Коновалов с 12 выборными посадскими людьми и «с плачью» просили дать им подкрепление. Для нас важно в данном случае то, что эта просьба значительно запоздала. Посад запросил подкрепления, тогда, когда опасность для Н.-Новгорода уже отпала. Повидимому, посад ожидал решительного перелома в ту или иную сторону, прежде чем на что-либо решиться. В действительности, почти вся округа была охвачена пламенем революционной борьбы. К северо-востоку от Нижнего отряды разинцев шли по *течению р. Керженца.* В челобитье игумена Керженской пустыни преч. богородицы Авраамища читаем: (в 1670 г.) «воровские казачишки разорили нас, богомольцев твоих, без остатку, книги и ризы и всякую церковную утварь поймали и келья сожгли». К северо-западу от Нижнего разинские отряды достигли *Городца.* Здесь убегавшие из Поволжья дворяне и монахи, направляясь на Юрьев-Поволжский и Кинешму, встретили отряды вооруженных крестьян: «в деревне Борку крестьяне воруют, и по них из луков стреляли и воровским ясаком кричали и одного из них подстрелили в ногу». Брожение шло также в Суздальском уезде. «Жены дворянские» из Суздальского, Шуйского и Луховского уездов спасались в суздальской крепости. Таким образом языки огромного пламени перекидывались глубоко в центральную Россию [1].

Из Курмыша часть казаков из отряда М. Осипова двинулись на Ядрин, Василь и Космодемьянск. В Кур-

---

[1] Материалы Центроархива; Материалы Попова, особенно стр. 120—121; 222—223; 263—268; Соловьев, Ст. Разин и его сообщники, стр. 37—39.

мыше и Ядрине воеводы были жителями «одобрены»; из Василя воеводы бежал, а в Космодемьянске вместо убитых воеводы И. Побединского и подъячего В. Богданова выбрали «кузмодемьянского посадского человека Ивана Шуста да ямского охотника Замятенку Лаптева, да стрельца М. Хопелева, да с ними де ведают вместе донские казаки Иван Сорока и Пронка... которые пришли от вора Ст. Разина». Таким образом управление города составлялось: 1) из выборных лиц от посада, 2) из комиссаров, назначенных С. Разиным и его уполномоченными. Тюремные сидельцы были выпущены и отправлены агитировать среди крестьян в Ветлужском крае. Отряд разинцев, занявший Космодемьянск, состоял из 15 тыс. чел. Во главе его стояли атаманы: донский казак, родом симбирец, Ивашка Васильев, Серко Черкошенин, М. Ф. Мумарин, черемисский пристав из Космодемьянска и казак Илюшка Иванов или Пономарев, бывший человек кн. Ю. Буйносова-Ростовского из Кадома. От этого отряда отошли два последних атамана и, собрав 30 чел. из посадских города, ямщиков, кузнецов и черемисов, ушли ночью на стругах *на Ветлугу*. Повидимому, либо они были недовольны своим положением в войске, либо их просто сместили. На Ветлуге их отряд был встречен как желанный гость. Их явно поджидали. В с. Николаевском, вотчине Б. М. Хитрово, крестьяне и казаки пограбили барский двор, взяли много оброчных денег; управляющий вотчиной был крестьянами «одобрен», зато десятского убили «по мирской сказке». После рассылок «прелестных грамот», крестьян собралось около 400 чел.; их разбили по сотням и десяткам, сделали 5 красных знамен из пестряди. Атаманом стал Мумарин, податаманом Ил. Пономарев. Когда отряд двинулся на г. *Унжу*, он уже состоял из 400 чел. конных и более 300 чел. пеших. «Вор Илюшка Иванов с лесные дороги от Ветлужской волости с Лапшанги в Унежский городок в обедню внезапну приез-

жали с разным боем и знаменами, и назывались казаками, и на кружечном дворе государева питья вина и пива безденежно пили и в бочки с собою имали». В сочувствии к разинцам был обвинен целовальник, принесший перед этим «воровское письмо», и земский староста Т. Григорьев, который «вместо бирича на Унже на посаде клич кликал», собирая народ для прочтения этого письма. Однако должно отметить, что в Ветлужском крае крестьяне были сравнительно мало втянуты в движение. В этом отношении весьма характерно письмо самого Илюшки Иванова в Космодемьянск:

«Великого войска Донского и Запорожского государю моему батюшку Прокоф. Ивановичу, да Ивану Андреевичу товарищ ваш Илюшка Иванов сын челом бьет, и со всем своим войском. Как вас, государей моих, Господь Бог сохраняет? А про меня изволите видеть, и я октября в 26 день дал бог, здоров со всем своим войском, и у меня которая люди войския были чювашского города, черемисы, и я их выслал 30 чел. к вам в город, а русских 100 ч., а тепере у меня войском люди небольшия, и аз рад бы к вам в Кузмодемьянск назад воротился, и меня чернь не отпускает, и что здесь на Ветлуге кричат, бояре появитца, и где чернь наедут и рубят. Аз теперь на Ветлуге стою на Баках. Потом вам много челом бью, здравствуйте о Христе во веки».

Иванов собирался итти на Макарьевский Унженский монастырь, когда его настиг отряд галичского воеводы Нарбекова и разбил, взяв более 70 чел. в плен. Илюшка бежал вместе с 150 чел. товарищей; уйдя от погони, они решили разойтись по деревням, сбирая «охочих людей» на весну. Общий сбор был назначен «на великий мясоед» *в Вятке и в Соли Камской. После этого агенты разинского движения были пойманы в уездах Соликамском, Вятском, Усольском,* и *Устюжском.* Илюшку поймали в Усолье Леденском, а Мума-

рина, одетого в богатый кафтан, схватили в Устюге Великом в январе 1671 г. Однако, несмотря на сравнительную слабость местного крестьянского движения, воеводы и помещики чувствовали себя беспокойно. Соликамский воевода писал уже зимой 1671 г.: «в такое нынешнее шаткое время от таких пришлых ярыжных голых людей жить конечно опасно и страшно, потому что у Соли ярыжных голых людей безмерно много». Действительно еще в мае 1671 г. было поймано в Вятском уезде 63 разинца: «а шли де они к Соли Камской с ворами Илюшки Иванова с товарищами ево для воровства, Соль Камская разорять людей побить и животы пограбить, а воровав у Соли итти было на Каму и на Волгу для такова же воровства»[1].

Третий разинский отряд, отошедший от Симбирска, пошел по берегу Волги, помогать крестьянам расправиться с помещиками. В Тетюшском у. волновалось *дворцовое село Чинчерино.* Крестьяне этого села в ноябре 1670 г. пришли в город Тетюши и, убив местных приказных, вернулись обратно. Свияжский у. частью находился в руках царских воевод, однако в разинском войске участвовало «свижских мурз и татар и черемиссы с 3 000 ч.». В Чебоксарском у. шла ожесточенная война в течение целого года так же, как и в Кокшайском и Цивильском уездах, где главная масса восставших состояла из черемисов и чувашей. *Из русских сел выделяется своей активностью с. Сундырь, вотчина крутицкого митрополита.* Местные крестьяне отказались итти в осаду в Кокшайск, выбрали себе старшиной В. С. Щепина да атамана Фильку Белогуза с товарищами, ездили за помощью к казакам, стоявшим в Цивильске; после этого «срубили» своего приказного человека, порвали крепостные записи и вместе с чу-

---

[1] Материалы Центроархива; Голубев, К истории бунта С. Разина в Заволжьи. (Чт. О. И. Д. Р., 1897, кн. III, стр. 7—23.)

вашей и черемисой в течение 3 недель осаждали Кокшайск. 21 октября митрополичьи крестьяне взяли кружечный двор, стоявший за Волгой, и увезли из него мед. И позднее, к концу XVII в., сундырские крестьяне отличались подобной же активностью. Надо отметить, что это было значительное торговое село [1].

Помимо отрядов, посланных Разиным по описанным трем направлениям, в ряде местностей действовали отряды, возникавшие самостоятельно, по собственной инициативе, боровшиеся с крепостничеством и торговым капиталом. 14 октября 1670 г. «в Шатцком уезде в нашем государевом дворцовом с. Сасове да в Кадомском уезде объявились воровские люди и собрався тех уездов разных сел и деревень с пашенными мужиками, села и деревни жгут, и крестьян, которые к их воровству не пристали, побивают и разоряют». В Тамбовском у. интересна история сложения разинского отряда из местных служилых людей. «Тамбовские служилые люди, идучи в Шатцкий, в Тамбовском уезде в Верхоценской волости забунтовали и тебе в. г. изменили, на твою государеву службу в Шатцкой не пошли, и выбрали себе атаманом тамбовского полкового казака Тимошку Мещерекова». После этого они захватили казну, но осажденные в Рыбинской волости воеводой Хитрово «повинились» и целовали крест. Через несколько дней отряд вновь поднял красные знамена и осадил Тамбов (29 октября). В течение четырех дней восставших служилых людей уговаривали отстать от Разина; наконец привели к присяге «атамана Т. Мещерекова да со слободы *лутчих* людей по человеку». В ноябре отряд Мещерекова вновь присоединился к

---

[1] Материалы Центроархива; С. Порфирьев, Разинщина в Казанском крае (Изв. О. А. И. и Этн. при Каз. унив., т. 29, вып. 5—6. К. 1916 г., стр. 309—312 и др. (О Сундыре в к. XVII в. (Чт. О. И. Д. Р., 1909, кн. I, стр. 141—157 и в начале XVII в. у Перетятковича, Поволжье в XVII—XVIII вв., од. 1882 г., стр. 35.

разинцам; вместе с донскими и хоперскими казаками, ломовцами и тамбовцами, Мещереков осаждал Тамбов. С 11 ноября по 3 декабря: «денно и ночно жестокие приступы и город зажигали безпрестанно, и острог взяли, и башню острожную и острог и дворы многие пожгли». В городе сидело 344 чел. московских стрельцов и детей боярских, которым удалось отсидеться до выручки. *История Мещерековского отряда очень показательна с точки зрения выявления позиции мелкого служилого люда. Он присоединяется к движению под влиянием революционного крестьянства, но инициатором и вождем этого движения он не был.* Движение разинцев, дошедших до Тамбова по Симбирской и Саранской черте, встретилось с потоком движения, шедшего с Дона. *Донским движением руководил родной брат Степана Разина—Фрол и его названный брат Леско Григорьев Черкошенин. Оно было направлено на «украинские» города.* Один воронежец рассказывал, что, будучи в Марковском юрту, его встретили «воровские казаки Стенкин брат Фролко с товарищами в больщих и малых в 50 судах». Они взяли его с собою и везли до устья р. Икорца, откуда отпустили на Воронеж: «а сказывали де ему те воровские казаки: что они идут в Русь к Коротояку и к Воронежу и под иные твои, в. г., города выводит твоих государевых бояр и воевод и приказных людей».

Казаки приказывали передать воронежским посадским людям, чтоб они животов своих не хоронили. Интересно, что Фрол Разин, наоборот, просил его передать Ем. Синицыну, чтоб тот «животов своих в город не возил». Это наводит на мысль, что Фрол хотел предупредить какого-то своего друга из Воронежа в секрете от казаков; еще одно соображение в пользу происхождения семьи Разиных из Воронежа. 27 сентября отряд Фрола (2 тыс. чел.) осадил *Коротояк*, поставив струги «у земленего валу, в крепких местех, в лесу в

воденых заливах». В три часа дня он начал бой с рейтарами Полтева и казаками сумского полковника Г. Кондратьева. Вечером к царским войскам подошло подкрепление в лице полк. кн. Г. Г. Ромодановского, которое изменило положение и заставило разинцев отступить обратно на Дон. Другой донской отряд под начальством Федьки Шадры занял г. Рыбное, где на их сторону перешел местный полковник: он находился в деревне, когда к нему приехали казаки «и ночью от нево полковника в город воровские казаки обманом въехали и караульщиков порубили и многие пакости починили». *В Острогожске* стоял полковник Ив. Дзинковский. К нему принесли письмо, адресованное на имя роченского сотника Якуба. Дзинковский распорядился прочесть его вслух: «и в том де письме писано от вора Ст. Разина ко всем черкасам, чтоб они и всякого чину люди шли к вору к С. Разину». Дзинковский разрешил охотникам из своего полка итти за разинцами; более того он дал им литавры, знамя и послал 400 черкас с 2 сотниками занимать Олшанск. Разинцы, придя в город, посадили воеводу в воду, а с полковником «целовались». Однако на следующий день в Острогожске совершился контрреволюционный переворот. *Восстание жителей, с поддержкой разинских войск, произошло также в городах Чугуеве, Змееве, Царев-Борисове, Колонтаеве, Мерехве, Опошне, Маяцком остроге, Балаклее. Однако везде восстание пользовалось лишь кратковременным успехом* [1]. Причину этого явления следует искать не только в том, что в этих местностях почти не было крестьян, так как мелкий служилый люд мало сравнительно отличался от крестьян. Очевидно здесь действовала какая-то особая причина. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что причина заключалась в экономической неоднородности местного

---

[1] Материалы Центроархива.

населения. Полк. Дзинковский в Острогожске насчитывал 4 269 чел. обоего пола или 833 семейства. Миклашевский приводит следующие цифры: бесскотных — 55 хозяйств, односкотных—276 хоз., 2—3 скотины—297; 4—5 скотин—143 и свыше 6 скотин—112 хозяйств.

	безлош.	1-лош.	2—3-лош.	4—5-лош.	6 и более
Русские переведенцы	0,2%	5,2%	57,7%	28,8%	8,4%
Черкасы	7,2%	32,1%	34,9%	14,8%	10,1%[1].

Так как главное участие в восстании Дзинковского принимали черкасы, т. е. менее обеспеченные в основном своей массы казаки, то противниками переворота были, очевидно, главным образом русские переведенцы. Главный фермент движения представляли батраки, жившие у богатых казаков. В поход на Ольшанск добровольно пошли «*батраки* Федка и Федора Горкушина, *батрак* Фомка, да Максимка Чигирина да Ер. Чекмазева *батраки* ж». Таким образом дюжее казачество и здесь, как на Дону, было в основном контрреволюционной силой, в противовес революционному батрачеству. Кроме того на стороне разинцев участвовали в этом краю *рабочие* на Торских соляных озерах.

С Дона вышел также большой отряд, состоявший из 4 тыс. казаков и 9 тыс. калмыков, под начальством атамана *Никиты Чертенка*. Под Тамбовом он соединился с местными крестьянами из Верхоценской волости. Части этого отряда проникли глубоко на север, перейдя р. Плову. Ночью 7 октября разинцы подошли к г. *Черни*, но были от него отбиты. Воевода Черни Телегин послал за ними разъезд, но казаки быстро с ним покончили. Появление разинцев в Тульском крае

---

[1] Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. Заселение с.-х. южн. окраины в XVII в., М. 1894, стр. 178; Д. Багалей, Очерки из истории колонизации южной окраины Московского государства, М. 1887, стр. 121—122, 247, 451.

взволновало помещиков. Были мобилизованы служилые люди из Тулы, Коломны и Богородицка. Разинцы отступили по Муравскому шляху, *между Ефремовским и Новосильским уездами.* Везде к ним присоединялись крестьяне; горели помещичьи усадьбы. Другой разинский отряд действовал в Ефремовском у., но был разбит стрелецким головой Замятниным и отошел в степь за р. Сосну. Мобилизованные царские войска медленно, но все же вытеснили разинские отряды, следуя за ними до Ст. Оскола и Маяцкого города. В одном из боев между ними была захвачена и казнена мать С. Разина—Матрена Говоруха [1]. Так развертывалась крестьянская революция, охватившая уже половину тогдашней России почти сплошным пламенем.

11. СТРОИТЕЛЬСТВО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ, ПРОГРАММА И ТАКТИКА ДВИЖЕНИЯ

Хронограф (Аверина) сообщает, что Разин хотел «искоренить всякое чиноначалие и власть и учинить то, чтоб всяк всякому был равен». Однако Разин не только не отрицал власть, а, наоборот, создавал ее, только в иной классовой форме. Не видно также, чтобы он и его товарищи были приверженцами коммунизма, хотя бы в форме коммунизма потребления. Дуван, правда, делился поровну, но атаманы, есаулы и особо отличившиеся получали больше «в почесть». Принцип дувана, конечно, указывает на признание частной собственности и никаких попыток использования добытых запасов коллективным путем мы не встречаем. Разин сам очень бережно относился к своим добыткам, которые еле уложились на 13 подводах. Среди его рухляди, хранившейся в Царицыне у посадского человека Дружины Потапова,

---

[1] Материалы Центроархива; Попов, История возмущения Ст. Разина («Русская Беседа» 1857 г, кн. II, стр. 72—73).

был сундук, «а в нем дороги и платья его 5 кафтанов дорогильных, три зорбалова, а дорогов пятьдесят». По сравнению с долей обычного разинца, его добытки были значительны. После казни П. С. Прозоровского казаки получили по 6 янсырей шелку и по 2 сафьяна; после казни Астраханского митрополита—по 2 янсыря.

Разинцы боролись не против господства частной собственности вообще, а против его определенной формы—крепостной системы, за свободное крестьянство, за господство мелкой собственности.

Я приведу грамоту Разина, еще не напечатанную, которая противополагает «мирским кровопивцам» «всю чернь», т. е. все низы народа. Слово «чернь» в ту пору имело другой оттенок в своем значении, чем теперь. «Черные волости», «черные люди»—это *свободные* волости и люди, без помещечьего и барского гнета. Сознание свободы крестьянства, утраченной благодаря «мирским кровопивцам», чувствуется и в известной речи Степана Тимофеевича, которую приводит Стрюйс.

«Пишет вам Степан Тимофеевич *всей черни*. Хто хочет богу да царю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, я выслал казаков, и вам бы *заодно изменников выводить и мирских кровопивцев выводить*, и мои казаки како промысь станут чинить, и вы бы *итить к ним во совет и кобальныя и опальныя шли бы в полк к моим казакам*».

Кто же эти «мирские кровопивцы и изменники»? Хронограф пишет: «на бояр, воры все чернь травили». Упрекая в 1671 г. симбирского воеводу П. В. Шереметева в переписке с разинцами, московское правительство так передавало содержание этих писем: «будто у великого государя есть бояре изменники, боярин же кн. Ю. А, Долгоруков,—боярин же и оружничей Б. М. Хитрово». В мае 1670 г. один крестьянин, ходивший драть лубки, встретил в ценском лесу двух казаков, которые ему рассказывали о намерениях восставших: «идут де они к

Москве к вел. государю поклонитца, а боярам де они не поклонятца». В полном соответствии с этими указаниями грамота Брюховецкого на Дон в 1668 г., призывая казаков не прельщаться «обманчивым» московским жалованьем и быть «в братском единомыслии с господином Стенькою», все дело борьбы понимает как борьбу против «московских цариков—безбожных бояр»[1]. Этот *упор против боярства* необычайно показателен.

Если припомнить, что во главе правления государством, так же, как и во главе колонизации крепостников на востоке стояли бояре, хотя и нового происхождения, то станет понятно, почему центральное место среди врагов крестьянской революции оказалось отведенным для бояр. *Второе место естественно заняла местная администрация*, агенты правительства, его местное олицетворение. Жители Цивильского и Ядринского уездов объединялись на такой платформе: «дворян и начальных людей и подъячих побивать и дома их разорять вместе». Хронограф дает такое перечисление категорий, против которых выступал Разин: «Будто по указу вел. государя, он идет с ним (царевичем) Волгою от Астрахани и под Москву для того, чтобы побить на Москве и в городах бояр, и думных, и ближних, и приказных людей, и дворян и детей боярских, и стрельцов, и солдат, и всякого чину служилых людей, и торговых, и людей боярских, будто за измену». В этом перечислении спутаны самые различные общественные слои. Если брать дело, как оно фактически сложилось в крестьянской революции на местах, то это перечисление почти верно. Но с точки зрения программы разинского движения это не вполне так. Мы находим в разинских прокламациях стремление привлечь на свою сторону не только «чернь», но и дворян и детей боярских, и татарских мурз. В

---

[1] Материалы Центроархива; Акты Археографической экспедиции, Спб., 1836 г., т. IV, № 186, а также уж не раз цитированные источники (Стрюйс, Хронограф Аверина и др.).

письме Разина в Цивильск читаем: «а которые цывильские дворяне и дети боярские и мурзы и татаровя похотя заодно тоже стоять за дом преч. богородицы и за всех святых и за вел. государя... и за благоверных царевичев..., и вам бы, чернь, тех дворян и детей боярских и мурз и татар и чернь не тронуть и домов их не разорять»». *Следовательно, предписывалось не только самих дворян не трогать, но и их «чернь», т. е. крестьян и холопов. Но революция сама сделала излишней такую постановку вопроса.* Крестьянство в свои массе оказалось революционней своего идеолога. *Фактически крестьянская война обрушилась именно на помещика*, и здесь остановить ее было невозможно. Где не было налицо самого помещика или вотчинника, там гнев крестьян падал на его *приказчиков*. В Галичском уезде «во многих вотчинах приказчиков почали убивать, и помещиковых и вотчинниковых и иных приказных людей крестьяне держат у себя в чепях и в железах и во всяких крепостях»...

Видное место среди «мирских кровопивцев» отводилось, повидимому, гостям и верхам крупных посадов. В делах Тайного приказа упоминается царский промышленник С. Трофимов: «в бунтовое время вор С. Разин с товарищи ево разорил и учуг и примысел ево разграбил». Ил. Иванов, собираясь в Устюжский край, ставил себе задачей, по мнению воеводы, «воевод и приказных подьячих и *лутчих посадских* побить и животы пограбить, и чернь с собой взять». Для его отряда, быть может, этот упор на «лутчих посадских» связан с тем, что его отряд состоял, как мы знаем, в своей основе из кузмодемьянской городской бедноты. Но что гости и «лучшие» люди, т. е. верхи посадов, не пользовались особой симпатией в глазах и всей остальной разинской массы, это едва ли требуется доказывать.

Наконец мы видим, что при углублении крестьянской революции внутренняя борьба захватывает и кре-

стьянство. Здесь очень трудно выяснить, по какой линии идет эта диференциация. Но есть несколько подобных известий: «воры во многих селах и деревнях *людей добрых*, которые к воровству их не пристали, побивают и дома их грабят и всякое разорение чинят». Возможно, что *здесь борьба шла против местных скупщиков и ростовщиков*, без которых немыслима, по словам тов. Ленина, докапиталистическая крепостная деревня [1].

Под какими же лозунгами идет крестьянская революция с XVII в.? *Формула, принятая Разиным, значила: за царя, но против бояр. Жизнь добавила еще: и против помещиков вообще.* В церквах разинские попы молились за царевича Алексея Алексеевича да за патриарха Никона да за батюшку Степана Тимофеевича и все войско. Иногда добавляли: и за царя Алексея Михайловича. Иностранцы сообщают, что среди волжского флота Разина плыли две лодки, одна, обитая красным бархатом, другая, обитая черным бархатом. В первой сидел 16-летний юноша, которого выдавали за царевича Алексея Алексеевича, убежавшего от рук бояр; во второй— патриарх Никон. Оба имени были выбраны довольно удачно. О вступлении «в совершеннолетие» царевича было объявлено по всему государству 1 сентября 1667 г., а после этого он вскоре умер. Но можно легко было представить дело так, что он бежал за помощью от бояр к С. Разину. Английский аноним сообщает, что юноша, изображавший царевича, был одним из пятигорских черкасских князей, взятых в плен казаками[2]. Если мы зададимся вопросом, почему и разинщина не смогла пройти мимо самозванства, то нам придется припомнить некоторые факты. XVII в. знал много самозванцев и после смуты. Наиболее известный из них Тимошка Ан-

---

[1] Материалы Центроархива; Известие о бунте, взятое из Русского хронографа (Ежем. соч. Ак. Н., 1763, ноябрь, стр. 420).

[2] Чт. О. И. Д. Р., 1838, кн. III, стр. 10—11. (Известие о бунте.)

кидинов выдавал себя за сына Василия Шуйского, а иногда за самого Шуйского. Он побывал в Польше, Турции, Риме, Запорожье, Швеции и Гольштинии и причинил много беспокойства Алексею Михайловичу, пока в 1652 г. его не выдал гольштинский герцог. Но если не считать, что крестьяне Ингерманландской и Кексгольмской областей встречали его с хлебом-солью, то можно сказать, что вся его деятельность протекала на международной арене, а в России его не знали. Факт обилия самозванцев в XVII в. свидетельствует, конечно, о неверии народа в дворянского царя. «Не за них де он стоит», говорили в низах. Один чумак в Переяславле Рязанском говорил в 1637 г.: «ныне де государь царь на Москве, а и он де бывал наш брат мужичий сын». Характерно, что самозванство появлялось в отдельных деревнях: в Тверском уезде в 2 селах крестьяне с красными фатами и пищалями носили на носилках человека, у которого на голове была корона, и называли его царем. Сон молодицы Агапейцы еще более интересен: приснился ей св. Никита и приказал переставить избу и выстроить сени: тогда ее отец станет царем. Отец отнесся к делу серьезно и предпринял эту перестройку, но вместо царства попал в тюрьму[1]. Нам думается, что самозванство, как форма политической идеологии, коренится в особенностях тогдашнего производителя, который не мыслил общественной связи иначе, как с помощью царя. *В этом отражался объективный факт процесса образования всероссийского рынка, концентрации и объединения местных рынков.*

Выдвижение имени Никона связано с церковной оппозицией. В разинщине участвовали и раскольники и сторонники никоновского направления. Это показывает,

---

[1] Форстен, Сношения Швеции и России в XVII в. (Ж. М. Н. П., 1898, февраль, стр. 224—228). Сведения о самозванцах в XVII в. см. у Родеса, а также в цитированных работах Заозерского и Новомбергского.

что *религиозное движение занимало в ней второстепенное и подчиненное место.* Однако пройти мимо него было бы неправильным. В противоположность распространенному мнению о господстве раскольнической идеологии среди разинцев мы утверждаем обратное. На Дону раскол в 60-х годах XVII в. почти не существовал. Его только что начал здесь пропагандировать Иов Тимофеев, выученик патриарха Филарета; в 1672 г. он построил «с ведома войска» пустынь возле Нижнего Чира[1].

На Волге раскол тоже не проявлял себя сколько-нибудь заметно. Лишь в Нижегородском крае, в Керженских лесах, раскольническое движение было сильным. Здесь в разинщину «многие с женами и детьми на овинах пожигались»; другие избегали официальной церкви. Тоже было в Закудемских селах. Так что лишь в нескольких местах Нижегородского края да еще в соловецких событиях раскольники проявили себя в связи с разинским движением[2]. *Показателем слабости элемента раскола в разинщине является и то, что она шла под именем Никона.* Рижские газеты сообщали, что Разин находится в союзе с Никоном и требует возврата ему патриаршего престола. Разинцы постоянно напоминали, что они идут за патриарха Никона, пострадавшего от бояр. Так же ставит вопрос грамота Брюховецкого на Дон в 1668 г. Пойманный поп Пимен сознавался, что он «похвалялся бывшим патриархом Никоном».

Разинцы говорили, что когда они возьмут Москву и побьют бояр, то посадят Никона вновь на патриарший престол, «а нынешнего де патриарха бранят они, воры, матерно. А Никон де патриарх к С. Разину на Дон пи-

---

[1] Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в., стр. 71.

[2] Нижегородский летописец, изданный Гациским, Н.-Новгород 1886, стр. 71—75 и Храмцовский, Краткий очерк истории и описания Н.-Новгорода, ч. I, стр. 91.

сал, чтоб он Стенька, собрался с воровскими казакками, шел на бояр в Москве, а его де, Никона, согнали с Москвы напрасно»[1].

Сам Никон в 1675 г. говорил, что к нему в Ферапонтов монастырь были присланы трое «воровских казаков»: Федька, Евтюшка, а третьего имя он позабыл. Что спустя пять лет Никон помнил имена казаков, наводит на мысль о его хорошем знакомстве с ними. Казаки звали де ево, Никона, с собою, чтоб с ними шел к Кирилову монастырю. А их де пришло по него 200 чел.; а есть де готово 500 ч. И чтоб Ст. Наумова убить до смерти и Кирилов монастырь разорить; и с тою б казною и с пушки и с запасы итти на Волгу». Эту связь Никона с восставшими подтверждал Ст. Разин на допросе. «Приезжал к Симбирску старец от него, Никона, и говорил ему, чтоб ему итти вверх Волгою, а он, Никон, с свою сторону пойдет для того, что ему тошно от бояр; да бояре ж переводят государские семена». Старец передавал Разину, что у них якобы наготове 5 тыс. чел. на Белоозере. В бою под Симбирском он собственноручно заколол какого-то сына боярского и затем ушел. Это показание Степана Тимофеевича подтвердили Фрол Разин и его товарищ Лазорка[2]. По всем этим данным связь Никона с разинским движением очень вероятна. *Никон был привлечен, как «жертва» бояр.* Всем было известно, что царь не дал ему суда на Б. М. Хитрово, который избил его стряпчего кн. Мещерского[3]. Могло иметь значение и его происхождение из крестьян Лысковской округи. Аввакум так характеризовал своего врага: «я Никона знаю, недалеко от моей родины родился, между Мурашкина

---

[1] Материалы Центроархива.

[2] Дело о патриархе Никоне, изд. Археографической комиссии, Спб. 1897, стр. 346—347; 356, 369.

[3] Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, Спб. 1909, т. I, стр. 399.

и Лыскова, в деревне; отец его черемисин, а мать русалка, Минка да Монька; а он, Никитка, колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводие с книгою поводился, да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы [1]. В деле связи Разина с Никоном мог сыграть роль «духовный отец» Ст. Разина старец Феодосий, родом «боярский человек Федька Андреев», который одно время служил у Никона дьяконом в Воскресенском монастыре [2].

Лозунгом разинцев был лозунг «Нечай». Его кричат, идя в атаку или на приступ. Говорили, что под ним подразумевался царевич, «нечаянно» спасенный от бояр.

Получалось, что разинцы идут по приказу царя и для его защиты. Грамота атамана Леско Григорьева в Харьков так и ставила вопрос: «В нынешнем во 179 г. октября в 15 день по *указу вел. государя* (титул) и по грамоте ево великого государя *вышли мы*, великое войское донское, з Дону Донцом ему, в. г., *на службу, потому что у него, в. г., царевичев не стало от них изменников бояр, и мы, в. в. д., стали за дом пр. богородицы и за ево в. г. и за всю чернь*, и вам бы, атаманам-молотцам Грицко полковник со всеми городовыми людьми и с мещанами стать с нами, в. в. д., воедино за дом пр. богородицы и за ево в. г. и за всю чернь, потому, чтоб *всем от них, изменников-бояр, в конец не погибнуть*».

Иностранные газеты передавали такую платформу, на основе которой Разин согласен помириться с царем: «1) чтоб царское величество его царем казанским и астраханским почитал, 2) чтоб он великий государь на его войско из своей царской казны дать указал 20 бочек золота, 3) желает он же Стенка, чтоб в. г. ему *выдать изволил осми человек ближних его бояр, кото-*

---

[1] Русская историческая библиотека, т. 39, стр. 894.

[2] Материалы Центроархива.

рых он за прегрешения их казнити умыслил, 4) последиж желает, чтоб прежний патриарх, который ныне у него бывает, паки в свой чин возвратить изволил»[1].

Но мы видели, что крестьянская масса поставила вопрос более радикально и в огромном революционном размахе поставила вопрос вплотную, быть или не быть крепостной системе.

Вопросы строительства власти восставших до сих пор объяснялись как простое перенесение форм казацкого самоуправления в новую обстановку. Действительно разделение жителей городов на сотни и десятки, организация круга и раздел добычи составляют черты, характерные для казацкого устройства. *Но за этим скрывалось нечто новое, отличное от обычаев донского круга.* Управление городов составлялось из представительства двух слоев: посадского люда и казачества. Представители первого слоя выбирались жителями города. Это были выборные власти. Представители второго слоя выделялись из среды казаков атаманом отряда и гораздо реже кругом. Это были назначенные лица, представлявшие Великое войско донское, как бы комиссары С. Разина. Сочетание этих двух порядков организации власти на местах следует объяснить революционной обстановкой. Повидимому, на долю разинских комиссаров выпадали задачи главным образом военной подготовки. Число выборных и назначенных лиц было различным, в зависимости от количества жителей. В острожках, где посадских людей не было, там власти выбирались непосредственно на кругу: «выбрали в Лысогорских острошках атамана, лысогорца ж, Колипку Бочкова, а есаула Ф. Здоровнева, и приказали де им быть в Лысогорских острошках с лысогорцы ж». В деревне организация власти захватывала лишь крупнейшие торговые села. Здесь управление из рук боярского

---

[1] Материалы Центроархива; Материалы Попова, стр. 39—40.

приказчика переходило в руки мира, представленного старостой, соцкими и целовальниками. Впрочем и здесь, в случае приближения царских войск, рядом с миром становились комиссары из среды казачества. Нельзя думать, однако, что казачество составлялось обязательно из донских, яицких или запорожских казаков. Известен ряд случаев, что «прелести ради» казаками назывались местные крестьяне, принимавшие казацкий военный строй. *Таким образом и в деревне мы имеем дело с попыткой создания революционной диктатуры.* В дер. Дуванах, например, управление составлялось из трех атаманов: крестьянина С. Васильева; Я. Корнилова и цивильского мельника Ивашки Беспалого. Управление Такебейской волости образовалось из мордвы: 1 атамана, 2 прапорщиков и 1 есаула и т. д.

Интересный момент в деле перехода власти составляет так. наз. «*одабривания*» воевод. Как только власть переходила к восставшим, немедленно созывался круг и обсуждался вопрос об участи местной царской администрации. Иногда жители «одабривали» воеводу, т. е. находили, что он их не притеснял; тогда его устраняли от управления и иногда отпускали на свободу. Как это происходило, показывает эпизод в Острогожске. Вначале привели подъячего Ив. Горелкова: «на крик прибежали русские и всякие грацкие многие люди, и сказали про него, что он к ним, грацким людем, был недобр». Его тотчас же убили. Потом созвали круг относительно участи воеводы: «и грацкие де люди учели его одабривать, а иные де говорили всякие речи». Так как получились разногласия в оценке деятельности воеводы, то его посадили в воду. Эта процедура показывает, что организация власти на местах шла в определенном порядке. После суда над администрацией или одновременно с ним восставшие расправлялись *с приказной избой и крепостными документами.* Их рвали и жгли. В многих *городах после разинщины нельзя было найти*

Уложения. Его уничтожали с особым рвением. В селах уничтожались оброчные и платежные книги[1]. Уничтожение крепостнических документов, однако, не означало отрицания разницами всякого письма. Наоборот, агитация посредством прокламаций была ими доведена до большего совершенства. Разинские подъячие умели переводить крымские письма на русский язык и писать немцам письма на их языке.

Царское правительство в своих грамотах особенно напирало на безбожие разинцев и в этом оно успело: по крайней мере, буржуазная историография выставляла Разина атеистом, а следуя по ее стопам, так изображают дело и некоторые авторы популярных брошюр. Между тем *Разин вовсе не был атеистом.* Он с духовенством вообще был близок. В частности, как мы знаем, он имел у себя «духовного отца» старца Феодосия, впоследствии строителя Холкова монастыря в Яблоновском уезде. Этот старец «всякие воровские С. Разина замысла ведал, и от стрельбы по Стенку клады дал, и по Черкасскому городку с ним, Стенкою, хаживал с кинжалы и которые люди к воровству не приставали, и тем многия пакости и поругания чинил». Так характеризовало старца нижнее дюжее казачество. Известно, что Разин делал богатые вклады в казачью церковь. И в этом случае крестьянская масса оказывалась иногда более передовой, чем ее вождь. В Тамбовском крае крестьяне вместе с помещичьими домами жгли церкви и поповские дома. Впрочем, отношение Разина к духовенству могло диктоваться политическими соображениями, так как светское духовенство и отчасти черное, в особенности так наз. «бесместные», т. е. безработные попы, принимали деятельное участие в движении, и их Разин не хотел отталкивать. Что же касается венчания вкруг «вербы», которое предлагал Разин, то

---

[1] Материалы Центроархива.

в этом не было ничего атеистического потому, что это был исконный донской обычай заключения гражданских браков. Ригельман рассказывает: «Если кому жена была уже немила и неугодна или ненадобна, оных менять, продавать и даром отдавать мог, водя по улицам и вкруг крича: «Кому люба, кому надобна? Она мне гожа была, работяща и домовита. Бери, кому надобна!» И если выищется кто оную взять, договаривались ценою или какою меною, по случаю ж и за понадку, отпустя ее из рук, отдавали. Когда ж взять никто не выискивался, то и так на волю отпускали» [1]. Эта торговля женами так же, как и заключение браков вокруг вербы, находит себе полное объяснение из экономических и политических особенностей донского казачества. Жены донских казаков зачастую добывались из числа пленных рабынь, а попов для венчания до середины XVII в. на Дону достать было никак нельзя [2].

Система наказаний, введенная казаками, также была отражением донских обычаев. Ригельман приводит целую скалу этих наказаний, из них наиболее распространенным было временное сажание и бросание в воду. Известны случаи введения разинцами всеобщей трудовой повинности, например в Царицыне при устройстве надолб и чинке крепости.

Формы тактической борьбы разинцев были очень разнообразны. *Большинство из них свидетельствует о значительной сознательности крестьянства, о их умении обдумывать заранее возможности борьбы.* Везде на больших дорогах и речных переправах разинцы выставляли свои *дозоры и заставы*, преграждавшие пути сообщения с Москвой и между царскими отрядами. На заставах осматривали проезжих, не гонцы ли, нет

---

[1] Материалы Центроархива; А. Ригельман. История о донских казаках, Москва 1846, стр. 9—10.

[2] Соколовский, Экономический быт земледельческого населения России, Спб. 1878, стр. 217—218.

ли писем. В целях борьбы восставшие крестьяне *использовали засечную черту;* иногда они вновь насекали лес, строя ряд заграждений [1].

В бою под с. Ключищами, Нижегородского у., разинцы были разбиты и бежали за первую линию укреплений, представлявшую собою засеку на большой дороге, длиной с версту. Выбитые отсюда, они скрываются за «великий ров», вырытый на Курмышской дороге, и за вал с крепкими шанцами, укрепленный частым лесом и дубовыми надолбами. Третья линия заграждений была устроена в с. Маклакове и Минине. Здесь разницы защищались по дворам и гумнам. Такие же засеки были устроены под с. Семицами и под с. Устьем. В Шацком уезде «первая засека от с. Алдалова с версту, а другая засека от первой засеки верст с 7 на Омесеевском лесу, а третья засека переезжаючи лес близко Зарубкина; а на тех засеках стоит человек по сту». В деревнях строились *баррикады.* На речках ломали мосты, чтоб затруднить движение царских войск. В наступательных действиях разинцы также показали значительное искусство, *за исключением организации* осады. И Симбирск, и Желтоводский монастырь не были взяты разинцами, несмотря на ожесточенные приступы, применение огнеметов и артиллерии [2]. Это было слабым местом военной техники разинцев. Кроме того разинцы испытывали недостаток в оружии и снарядах. Они пытались организовать это дело. Про одного атамана писали: «зделано де у него три пушки деревянных». Осаждая Симбирский кремль, Ст. Разин заботился о производстве оружия и заготовке фуража и лошадей для кавалерии: «в Симбирску *он Стенка делает бердыши всяких чинов людми денно и нощно безпрерывно,* и загонщики де

---

[1] Кабанов, Разинцы в Нижегородском крае (сборник статей в в честь М. К. Любовского, 1917, стр. 418—419.

[2] Материалы Центроархива, а также см. Материалы Попова, стр. 155 и 163.

по всему Симбирскому у. разосланы и поместных де людей, дворян и детей боярских и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и *лошадей берут*» [1].

Однако, несмотря на все усилия, все же военная техника восставших в области артиллерии и осады крепостей была значительно ниже техники царских войск, особенно стрелецких приказов, обученных иностранными специалистами.

12. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РАЗИНЩИНЕ

Национальное движение угнетенных народностей составляло одну из главных сторон крестьянской революции. Участие их было не одинаково. *Преимущественное значение имел момент классового расслоения внутри племен*, благодаря чему в то время, как племенная аристократия оставалась нейтральной или враждебной разинцам, угнетенные слои целиком поднимались на их сторону. Наиболее безучастными к движению оказались астраханские татары. Причина их нейтральности заключается в их связи с торговым капиталом, так как большинство так наз. «юртовых» татар состояло из торговцев, заинтересованных в устойчивых торговых отношениях. «Кочевые» астраханские татары остались нейтральными в силу недоверия к казакам, нередко уводивших от них гурты скота. Нагайцы и калмыки, неизменно находившиеся в отношениях «разбойничьей» торговли между собой и с казаками, в 60-х годах XVII в. были охвачены острой племенной враждой. «В степи у Черных калмык с Волжскими калмыками и у Едисанских мурз и татар, и у Большого и Малого Нагою с мурзами и с татарами и у Малибашев с Енбулаками междо-

---

[1] Соловьев, С. Разин и его сообщники в пред. нынешней Симбирской губ., стр. 35.

усобие великое и сеча была». *Разин сделал вполне правильную попытку привлечь местные астраханские племена на свою сторону роспуском аманатного двора.* В этом случае Разин порвал с традиционной русской политикой по отношению к инородцам. Характерно, что донской круг в это же время требовал от своих союзников-инородцев заложников. Правда, Разину пришлось воевать с некоторыми родами. Он разгромил весь Едисанский улус в 1670 г. по р. Сарпе. В челобитной 1678 г. едисанских и юртовых татар мы читаем: «улуския наши людишки от С. Разина разорены без остатку... оскудали и одолжали всякими долгами, а жон своих иззакладывали, и детей своих испродавали». Прежде гоняли 20—40 тыс. коней к Москве, «а ныне у нас только коней по тысячи и меньше выганивают». Также воевал Разин против калмыцкого хана Аюки. *Все эти войны носили определенно выраженный классовый характер.* Дело в том, что Аюка находился в союзе с башкирами, поднявшими восстание против русского владычества еще в 1664 г. под руководством старшины Сеита. Но затем Аюка перешел на сторону Москвы и вместе с Ботырем действовал против Разина и башкирцев, в союзе с донским кругом. Летом 1670 г. Аюка имел тайное свидание с саратовским стрелецким сотником и уговорился ждать прихода царских людей в Ураков караул, выше Камышенска. За услугу он требовал себе подарков[1].

Таким образом местные племена естественно разделялись, несмотря на их взаимную распрю, на два лагеря: союзных и враждебных разинцам. То же деление было и внутри племен. Так, башкиры, будучи дружественными по отношению к разинцам, в то же время внутри себя заключали элементы, враждебные движению. «Лучшие люди тархана и башкирцы Ишма-

[1] Материалы Центроархива; Материалы Попова, стр. 196 и 247.

мет да Конкас Девлетбаевы с товарищами» оставались верными царскому правительству. Сеитово восстание обнимало Уфимский и Прикамский край. В 1670 г. башкиры заградили путь московским стрельцам в 130 вер. от Саратова, напав на них с горной и луговой сторон Волги «большими людьми в бударех во сте и больше». Под Самарой башкиры и калмыки отогнали городское стадо и пожгли часть укреплений. Появлялись они также под Казанью. Значение Сеитовского восстания заключалось в том, что оно отвлекало вооруженные силы Москвы, в частности прекрасную конницу из полоцкой шляхты, на службе у Камской черты. Южнее отдельные башкирские отряды доходили до Пензы [1].

Наибольшую активность в движении проявила мордва, черемиса и чуваша; и значительно меньшую—казанские татары. Хронограф сообщает: «А черта вся и во всех городах низовая вся горная страна Татара, Мордва и Чуваша, и до Нижнего Новгорода... к воровству уклонилися»... [2] Преобладающая масса мордвы, черемисы и чуваши представляло собою крестьянское население, между тем среди татар было значительно больше землевладельческой знати и купцов. В XVII в. татарские мурзы оказались крупными землевладельцами в исконных мордовских землях. В свою очередь, мордовские мурзы закабаляли своих иноплеменников, по примеру русских. Поэтому и здесь движение диференцировалось не столько по линии национальной, сколько по линии классовой.

Национальное движение местных инородцев не прекращалось весь XVII в. В 1615 г. правительство отказалось от сбора пятины с чувашей и черемисы из-

---

[1] Ма ериалы Центроархива; Материалы Попова, стр. 238—239; Витевский, Неплюєв и Оренбургский край до 1758 г., т. I, Казань 1897, стр. 130—131.

[2] Ежемесячные сочинения Академии Наук, 1763, ноябрь, стр. 418.

за боязни восстания [1]. Но по мере русской колонизации гнет инородцев все увеличивался. В 1639 г. терюхане (мордва Нижег. губ.) и часть арзамасских ердзян, под влиянием сбора ямских денег, не дождавшись уборки хлеба, забрали скот и скрылись в лесах Муромских и Саливарских; часть же бежала на низовье Волги [2]. К поборам и закабалению инородцев присоединилось принудительное крещение. Особенно отличился на этом поприще рязанский епископ Мисаил, убитый в окрестностях с. Конобеева [3].

В разинщине инородцы-крестьяне вели борьбу, по своим формам аналогичную борьбе русских крестьян. «Уездные де ясошные люди из Цывильского у. с ясаком и насыпным хлебом по цывильским высылкам в город не едут, а в иные де в цывильские деревни, и высыльщиков черемиса к себе не пустила». Также строили баррикады и засеки: на р. Ериксе «по обе стороны засечены засеки, а в тех де засеках сидели чюваши и черемисы». Часть инородцев—служилые люди и помещики—остались верными правительству. Их деревни и усадьбы были сожжены. Служилые татары с нагорной стороны Волги убежали от разинцев в д. Уртьясу на казанском берегу [4]. Разин считал необходимым привлечь на свою сторону мурз и служилых людей. В письме к «казанским посадцким бусурманам и обызам начальным, которые мечеть держат, бусурманским вероисповедцам, и которые над бедными сиротами и над вдовами милосердствуют», Разин писал: «Слово наше то: для бога и пророка и для государя и для войска быть

---

[1] С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег (Чт. О. И. Д. Р., 1909, кн. 1, № 47, стр. 156—157.)

[2] Перетяткович, Поволжье в XVII и XVIII вв., Одесса 1882, стр. 197—198.

[3] Дубасов, Очерки из истории Тамбовского края, вып. I, М., 1883, стр. 8 и сл.

[4] Материалы Центроархива.

вам заодно; а буде заодно не будете, вам бы не пенять после. Бог тому свидетель, ничево вам худого не будег и мы за вас родеем»[1]. Однако казанские мурзы ничем не выразили своего сочувствия разинцам, и не потому, что там была штаб-квартира царских войск. Дело в том, что характер движения был настолько революционный, что помещики любой национальности чувствовали себя почти одинаково. Однако все же чувашские и черемисские мурзы и обызы гораздо в большей степени участвовали в движении, чем русские дворяне и дети боярские. Последние участвовали более или менее заметно только в Слободской Украине, в остальных же местах это были единицы. Интересно, как распространялось движение среди инородцев. Сторожа, состоявшая из 2 чуваш: сотника и толмача, встретила у перевоза чуваш, кричавших им с другой стороны и переехавших затем к ним на луговую сторону. Обменявшись клятвой не стрелять друг в друга, приехавшие «обыз Иштерьячко с товарищи» положили на песок письма, завязанные в лубках, и говорили со сторожей, призывая чувашу и татар луговой стороны присоединиться к Ст. Разину[2]. С какой программой выступали в разинщине эти племена, показывает наказ, данный ядринским воеводой Феофилом Бобровичем, посланным для уговора черемисы: «а после выговору допросить их, черемису, против кого они стоят, и с кем бьютца, и по чьему указу и на кого надеяся, *безгосударственные земли нигде нет*, и для чего в домех своих не живут, а по лесам туляютца». *Национальное освобождение от эксплоатации русского торгового капитала было несомненной целью этих угнетенных народностей.* С этой точки зрения интересно воззвание Ф. Бобровича.

[1] Письмо Ст. Разина к казанским татарам, сообщ. Соколовым (Известия О. А. И. и Этн. при Казанском унив., т. VIII, вып. 3, стр. 44—45).

[2] Порфирьев, Разинщина в Казанск. крае, стр. 301.

«Что всуе шатаетеся и по что помышления входят в серца ваши? Видите милость в. г... и не разумеете? Деды и отцы ваши страдали и смерть ни во что вменяли... за вел. государей московских, а вы како не помните?.. Милость, а не ярость великого государя возвещаю вам. Что бегаете? Обратитесь, а бог мира будет с вами и в. г. милость воссияет вам».

Воевода не знал или не хотел знать, что черемисские деды и отцы никогда не бились за московских государей. Путь черемисских походов на Галич и Кострому оставался торным почти весь XVII в., а волнения черемисы и чуваши известны и после разинщины [1].

13. ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Крестьянская революция, шедшая под знаменем Разина, вызвала большой интерес к себе в Западной Европе. Шурцфлейш пишет, что не только Московия, но и вся Европа находилась в состоянии неизвестности, ожидая исхода борьбы. В газете «Голландский Меркурий» был напечатан ряд корреспонденций о разинском движении. Интерес не исчез и после разинщины. В течение второй половины XVII в. в Голландии движения Разина касались многие издания. Был перепечатан приговор по делу Разина. В Германии, в Аугсбурге появились портреты Степана Тимофеевича, изображавшие его то в восточном, то в казацком костюме, продававшиеся довольно дорого (приблиз. 50 к. за экз.). Несмотря на это, спрос на них был настолько велик, что было выпущено 12 изданий (приблиз. 10 тыс. экз.). Кроме того продавался портрет Разина, гравированный на меди П. Фюрстом; он стоил 10 руб. Особенный интерес к движению проя-

[1] Исторические и юридические акты XVII и XVIII вв., собр. М. Семевским (Чт. О. И. Д. Р., 1869, кн. IV, стр. 24), и материалы Центроархива.

вила Швеция. Русские дипломаты упрекали шведов в печатании «авизов», в которых унижалось царское достоинство: «и такие-то полные лжи куранты подданными короля распространялись по всей Европе»[1].

Таким образом Разинщина имела международное значение. И это вполне понятно, если почти вся страна была охвачена брожением. В указе 28 февр. 1670 г. воронежскому воеводе царь писал: «ведомо нам, в. г., учинилось, что многие боярские и всяких чинов людей холопы, бегая с Москвы и из городов, приставают к донским станичникам и уходят разными дорогами на Дон». Были устроены заставы для того, чтобы удержать этот поток холопов, убегавших к Разину. Каким образом это происходило, видно из челобитной думного дворянина С. Полтева: «в прошлом г., во 172 г., своровав бежали от меня, холопа твоего, людишки мои кабальные К. Матвеев да Г. Яковлев из Веневской моей деревни, разоря ее, побрав лошади и платье и всякую рухлядь, съехали на Дон к донским казакам, и как вор С. Разин пошел на воровство на Волгу и на море, и те, г., беглые мои людишки с ним же вором С. Разиным были на Волге и на море воровали. И услышав людишки мои Арт. Леонтьев, Д. Михайлов, что те беглые мои людишки пошли... воровать, и те людишки мои, Арт. и Данилка, покрав с Московского моего дворишка лошади и платье и деньги и всякую служилую рухлядь ушли к вору С. Разину. И как вор С. Разин прошол с моря на Дон и человеченко мой Гр. Фролов, сведав, что те беглые мои люди пришли с моря, бежал к ним и вору к С. Разину на Дон. А в нын. 180 г. те воры людишки мои беглые прислали к Москве товарища своего моего беглого человека А. Леонтьева, а бегая

---

[1] Посольство К. фон Кленка, Спб. 1900 г., стр. XXII—XXV, С. Адрианов, Русский социалист XVII в. (Исторический Вестник, 1895, октябрь, стр. 204—205); Форстен, Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (Ж. М. Н. П., 1899, июль, стр. 321).

он переложил себе имя Ивашко, подговаривает у меня отцов своих и матерей и братьев и сестер и жен своих и детей и иных достальных людишек моих»... Эта челобитная наглядно показывает, что разинцы вели агитацию внутри угнетенного населения в центре страны. Среди разинцев мы находим крестьян из самых разнообразных местностей: *Московского*, *Одоевского*, *Елецкого*, *Коломенского*, *Костромского*, *Тотемского*, *Устюжского* и др. уездов. В числе сосланных в Верхотурье разинцев большинство принадлежало к «государевым пашенным крестьянам *Устюжского*, *Вычегодского и Важского уездов*». По всей России заметны отзвуки разинщины. Повсеместно проявлялась глубокая симпатия к восставшим. В *Пронском* уезде крестьянин с. Кисвы С. Бессонов сказал: «где де вам Стеньку Разина разбить»; за это он был бит кнутом, после чего ему вырезали язык. В Севске в сношениях с разинцами был обвинен дьяк Л. Самсонов, у которого конфисковали имущество. В *Ельце* было привлечено двое посадских людей по обвинению в сношениях с «воровскими» казаками. В *Сокольске* неизвестный человек, пойманный позднее в Москве под именем нищего пустынника В. Аверьнева, организовал «воровской двор», где местные драгуны сносились с разинцами. В *Карачеве* в сношениях с С. Разиным обвинялся приказной человек И. Шепелев. В *Веневе* помещики жаловались на самого воеводу, читавшего разным людям «прелестную» грамоту. В ней писалось, что Разин велит всем целовать крест царевичу Алексею Алексеевичу и патриарху Никону и «только де выведем помещиков да в городах воевод и приказных людей, а черных де людей, он, Стенка, не ворошит». В ряде украинных городов, особенно в *Ельце и Курске*, мелкий служилый люд отказался итти воевать с разинцами. Елецкий воевода Бибиков доносил в сентябре 1670 г., что «ратные люди учинились тебе, в. г., непослушны..., у городовых воро-

тах на карауле, опричь посадских людей, стоять некому, для того, что стрельцы и казаки все в Курском уезде за ослушниками». В *Брянске* в распространении «воровских нарядных писем» обвинялся горододелец Ф. Надеин; «воровской ясак» чудился помещикам даже в Свинском монастыре. Сидевший в Брянской тюрьме стрелец Янка Потулов кричал, что воеводу и стрелецкого голову С. Разин обязательно повесит: «его де Янка прислал С. Разин на задор». *Мценский* торговый человек Ф. Волчков предлагал встретить разинцев «хлебом-солью». В *Рыльске* был посажен в тюрьму и наказан батогами местный приказной человек С. Карпов, выразивший сомнение в поимке С. Разина «о чем бога молить, чего не бывало». В *Оскольском, Яблоновском, Землянском и Воронежском уездах крестьяне образовали партизанские отряды*, которые побивали царских разных людей и помещиков: «кричат воровским ясаком и хвалят вора С. Разина». Воевода Нелединский писал про эти отряды: «А знатно, г., что тут збираютца и плутают по дорогам и твоих, в. г., разных людей грабят тутошных деревень жилецкие люди, и что в тех местах деревни селятца вновь, а в иных приходят из твоих, в. г., волостей, а иные из-за нашей братии крестьяне, и выбежав от воровства селятца в тех пустых воровских местах, а от городов те деревни верст по 50 и станы и приезды к себе держат»[1]. Ниже этих городов, к югу, была уже сплошная полоса восстания. На Украине разинское движение тоже одно время стало разрастаться. В *Харькове, Богодухове и Полтаве* власть переходила на короткое время к разинцам. Когда разинских послов арестовали в Богодухове, сами жители потребовали их освобождения. Население *Миргородского и Гадяцкого*

---

[1] Материалы Центроархива; Описание документов и бумаг М. А. М., стр. 10, кн. 11, № 437, кн. 13, № 276, 382, кн. 15, № 387, 403, 430. кн. 16, № 654, 655, 1013; кн. 18, № 243.

полков говорили, что поступят, как полтавцы, решившие на своей раде восстать против царя [1]. Из Запорожья вышло много казаков, принимавших участие в разинщине. Ромодановский доносил 17 октября 1670 г.: «воровские де казаки своим воровским собранием разширяюца и в украинных городех жители приставают к ним многие безпрестанно».

Разинщина отозвалась даже и в западной области Московского государства. В *Смоленске* один человек, приговоренный к повешению, до самой смерти утверждал, что умирает с тем, что видел царевича у С. Разина. Казак Д. Кореневский, выпивая на одном мещанском дворе, говорил смольнянам «непристойные воровские слова о С. Разине». За это его было велено «бить на коне кнутом и по слободкам в проводку нещадно при многих людех, чтоб впредь неповадно было иным так воровать» [2].

Революционное брожение шло и в Москве. Койэт рассказывает: «Чтобы привлечь жителей на свою сторону, Разин обещал им свободу от тяжкого ига бояр, которых он называл притеснителями населения. Ему удалось этим достигнуть того, что даже в Москве нашлись лица, которые с похвалою о нем говорили, как о человеке, стремящемся к их свободе и благополучию. Дело дошло даже до того, что некий старик на вопрос, что следует делать, если Стенька подойдет к Москве, неосторожно ответил: его следует встретить с хлебом и солью»... О положении в Москве мы можем судить лишь по намекам. Уже осенью 1668 г. начались в городе большие пожары. *Английскому анониму и Койэту было известно восстание разинцев в 12 милях от Моск-*

---

[1] Материалы Попова, стр. 2; Эйхгорн, О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством (Чт. О. И. Д. Р., 1899, кн. I, стр. 806).

[2] Материалы Центроархива.

вы[1]. Алексей Михайлович находился в большем смятении и провел почти весь 1670 г. в с. Коломенском, под защитой московских стрелецких приказов А. С. Матвеева. В Москве остались управлять городом и государством бояре кн. Г. С. Куракин, Г. С. Черкасский, Я. Н. Одоевский и И. А. Воротынский. В действительности же все управление сосредоточилось в приказе Тайных дел, куда сходились все нити по руководству подавлением революции. Находили в Москве и «подметные» разинские грамоты. Одну из таких грамот нашли в лавке седельного мастера С. Семенова под рогожами[2].

К северу от Москвы разинские письма оказались в *Костроме*, которая находилась на границе района крестьянской революции. На таком же положении находились «рязанские» города. Жители *Скопина* участвовали в разинщине в первый ее период. Из царской грамоты на Скопин узнаем, что они «по прелестным письмам» С. Разина были у него для того, «что итить ему было под Озов, заслужить вину свою 176 году, и они, узнав, в нем Стенке измену, пришли назад на Скопин». В *Муроме* в 1670 г. происходили постоянные пожары, связывавшиеся с деятельностью восставших[3]. По известию хронографа (Аверина) С. Разин «города все низовые по р. Волге *по самую Рязань* и с уездами под свою власть прия, и намерен итить к Москве»[4]. О настроении воевод и помещиков этого края можно судить потому, что *Касимовский* воевода бежал, бросив на произвол судьбы город[5].

---

[1] Посольство Кунраада фон-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, Спб. 1900, стр. 453—454.

[2] Московск. древнехранилище, столбец Разрядного приказа, приказный стол № 426, л. 1—4.

[3] Материалы Центроархива; Русская Историческая Библиотека, т. 21, стр. 163—164.

[4] Москвитянин, 1841, ч. IV, М., стр. 165.

[5] Материалы Центроархива.

Следы брожения мы можем отметить также в северо-восточной части Замосковного края. В июле 1671 г. в *Шуе* схватили беглого стрельца, крестьянина д. Батарева, который поджигал посад. У него оказались товарищи; они, «мстя нам ево поимку в Шуе на посаде двор Ивашки, Корнилова сына, мельника зажгли». Зажиточные шуяне ожидали от них «пожегу и подмету, всякого от них воровства»[1]. *Тотемский* воевода А. Я. Непейцын уже 14 марта 1671 г. ходатайствовал о починке города «для бережения от воровских казаков». В *Соли Вычегодской* поймали разинца, крестьянина из вотчины И. Львова. В одном из северных острогов у майора С. Келена видели «воровские казачьи зговорные письма на четвертном столбце сажени за две и больши»[2]. Крайним северным пунктом, где отозвалась разинщина, был *Соловецкий монастырь*. Старец Пахомий показывал на допросе в 1677 г.: «в монастырь де в разиновщину пришли многие капитоны и чернцы и бельцы из понизовых городов... да у них же в монастыре собралось московских беглых стрельцов и донских казаков и боярских беглых холопей и крестьян и разных государств иноземцев». По мнению новейшего исследователя, руководящей роли в Соловецком восстании разинцы не играли[3]. С этим, повидимому, можно согласиться, так как Соловецкое востание было борьбой против московского экономического и религиозного централизма, за феодальную независимость монастырской вотчины, и в этом отношении представляло прямую противоположность экономическим задачам разинщины.

Наконец разинские прокламации были у *ижорских и карельских крестьян*, т. е. по-тогдашнему за границей,

---

[1] Старинные акты, служащие преимущественно к описанию Шуи, Москва 1853, стр. 213.

[2] Материалы Центроархива.

[3] Савич, Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь 1927, стр. 256—274.

в Швеции [1]. Сопоставляя все эти известия, иногда намеки, все же можно убедиться в том, что *крестьянская революция охватила в той или иной форме всю страну и в этом смысле эта революция была общенациональной.*

14. ПОРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД РАЗИНЩИНЫ)

С 30 сентября 1670 г. Алексей Михайлович производил смотр 60 тыс. дворян, собранным под Москвой, в течение 8 дней. Повидимому, смотр должен был показать силу правительства и народу и иностранцам. Рейтенфельс раcказывает про богатство всадников, роскошь убранства их коней, еле двигавшихся под тяжестью серебра и золота, в сопровождении многочисленной свиты холопов. Мобилизация господствующего класса была объявлена 1 августа именным приказом с Постельного крыльца. Всем служилым людям предписывалось немедленно явиться в свои полки. Нетчикам грозили смертной казнью и конфискацией замель. Главнокомандующий армией «понизовых» городов кн. Урусов был отозван в Москву, а его обязанности были переданы кн. Ю. А. Долгорукому. В стране было объявлено осадное положение. Жителям предписывалось строить осадные дворы в крепостях и готовить запасы. Несмотря на внешнюю помпу дворянского смотра, дело с царской армией складывалось неважно. Ю. Барятинский жаловался на то, что дворяне не являются в свои полки. Г. Г. Ромодановский доносил с Белгородской черты: «ратные люди дворяня, и дети боярские, и копейщики, и рейторы, и солдаты и казаки разбежались мно-

[1] Попов, История возмущения С. Разина (Русская Беседа, 1857, кн. II, стр. 39).

гие, а Коморицкие де драгуны збежали все до одного человека»[1].

Перелом наступил в октябре 1670 г. Невиданный размах крестьянского движения заставил господствующий класс сплотиться и напрячь все силы для его подавления. В то же время этот же размах, за счет территориального расширения крестьянской революции, несколько сузил основную опору этой революции. Мы уже видели, как в интересах поддержки крестьянского движения от армии С. Разина все время отходили довольно крупные отряды. Более 3 тыс. чел. он потерял на приступах Симбирска. Все это значительно ослабило основную военную единицу восстания. Вместе с тем углубление классовой борьбы вызвало значительные колебания как внутри разинских армий, так в среде союзников и попутчиков революции, в частности посадского населения понизовых городов. *Эти три факта: сплочение господствующего класса, децентрализация разинских военных сил и колебания внутри классов, участвовавших в восстании, подготовили почву для гибели революции.*

1 октября 1670 г. Ю. Барятинский с новыми силами подошел к Симбирску, с его юго-западной стороны, и стал у болотистой реки Свияги. В противоположность донесениям царских воевод, рядовые участники сражения сообщают, что у Разина в это время было малолюдно. Он взял с собою для боя с Барятинским только 700 чел., которые сражались так, что «люди в людях мешались и стрельба была в притин». Бой был решен превосходством царской артиллерии. Разинцы потеряли 4 пушки, 14 знамен и 120 чел. пленных. Сам Разин был «рублен саблею и застрелян из пищали». Этот бой значительно ослабил разинцев. 3 октября Ю. Барятин-

[1] Материалы Центроархива; Рейтенфельс, Сказание о Московии св. герц. Тосканскому, стр. 128—129; Полное собрание законов, т. I, стр. 845—847.

ский смог навести два моста через Свиягу и соединиться с осажденным Милославским. Расположение разинских войск было таково: Разин стоял под городом возле острога; струги стояли на Волге выше Симбирска против монастыря. Здесь же был разинский обоз. В остроге сидели симбирцы и национальные войска: чуваши, татары и мордва, сосредоточенные у Казанских ворот.

Чтобы помешать новому приступу кремля, Барятинский послал полк А. Чубарова «чинить окрики от Свияги реки». Дальнейшие события воеводы передавали так: «и на него де вора Степку пришло такое страхованье, что он в память не пришел и за 5 часов до свету побежал в суда с одними донскими казаками и астраханцев и царицынцов и саратовцев и самарцев покинул у города ж и *их обманул*, а велел де им стоять у города, и сказал им он, будто он пошол на твоих, в. г., разных людей». Это место из донесения казанского воеводы Урусова стало для буржуазной историографии центральным пунктом в ее объяснении поражения разинщины [1]. Об *измене* Разина писали, не задумываясь, почему вдруг на него нашло такое странное «страхование»? *Между тем, никакой измены и не было.* Маневр Барятинского за Свиягой был истолкован разинцами как попытка царских войск захватить их струги. Когда из города прибежал к Разину перебежчик и сообщил ему об этом намерении воевод, Разин тотчас бросился к берегу «с легкими людьми» и поспел занять струги. «Достальные шли к стругам *отводом*, и государевы люди тех всех побили, а которые метались в струги, и те все от тяжелости потонули и с стругами, и меж себя воры за суды кололись, потому что в суды наметалось их много». В это время Милославский сделал вылазку в острог и не будучи в состоянии быстро одолеть разинцев, засевших в остроге, зажег его [2].

---

[1] Материалы Попова и Материалы Центроархива.

[2] Соловьев, Ст. Разин и его сообщники, стр. 44 и 46.

Поражение Разина под Симбирском в корне изменило обстановку. Милославский признавался впоследствии, что, не поспеши Барятинский, Симбирск был бы взят. Теперь же основная военная сила крестьянской революции была разбита. Один арзамасский крестьянин, который был в Самарской луке на рыбных ватагах, рассказывал, что в октябре 1670 г. он видел, как «пробивался С. Разин в небольших стругах». «У Самары и выше Самары и Усолья плывут по Волге воровских казаков многие побитые тела»... Казаки говорили между собой «неведомо де где им зимовать». В Самаре Разина не приняли. Он остановился ниже ее, в тихих водах Соснового острова, где стал звать себе на помощь калмыков.

Весть о поражении Разина подействовала двояким образом. Часть крестьянства решила, что все потеряно, и спасалась в лесах: «плачут и не ведают, где детца, боятца того, чтоб государевы люди их не посекли... и ныне от страху живут по лесам». Другая часть, повидимому меньшая, стала биться с царскими войсками еще более ожесточенно. 13 октября конобеевские крестьяне получили письмо от С. Разина, в котором он назначал сбор казакам отряда Митюшки Семенова и «собирался итить под Москву бояр побивать... а срок де положен у Стенки у Разина, будет де в 5 или 6 дней не будет он Стенка в с. Конобеево, и они б де ево не дожидались, а шли б назад, п. г. де он, Стенка, пойдет назад на ту на р. Волгу». Но поражение Разина имело еще и то последствие, что оно усилило децентрализацию разинских сил. Атаманы стали биться каждый на свой риск и страх. В Надеинском Усолье стоял Ромашка с 500 чел., собираясь итти на Урень; в с. Рождественном, Самарского у. был стан атамана яицких казаков Максима Бешенного и Мишки Насосного и т. д.[1]. Койэт подчеркивает, что разинцев разбивали врозь: «они ока-

[1] Материалы Центроархива.

зывались разделенными, враждовавшими друг с другом» [1].

Подавление крестянской революции изображалось до сих пор наиболее подробно, поэтому здесь можно быть кратким. Царские войска расположились в Поволжье в 4 основных пунктах: Казань—Симбирск—Арзамас—Нижний. Главная квартира в ноябре была в Арзамасе. Здесь стоял кн. Ю. Долгорукий. Он послал своих помощников по следующим направлениям: Щербатова с 1900 чел. московских стрельцов, дворян, арзамасских стрельцов и посадских людей на Темников; Лихарева из Кадома в Темников, где ему сойтись с Щербатовым и двинуться на Саранск; Панина из Алатыря также на Саранск; Ю. Барятинского по Симбирской черте; Д. Барятинского с полковником М. Кровковым в Ядрин и Курман. *Им постоянно приходилось иметь дело с рецедивом крестьянского восстания. Подавленное крестьянство вновь поднималось и с еще большей силой вело борьбу. Вся беда его заключалась в том, что объединительные организационные связи крестьянской революции значительно ослабли. Крестьянская революция вновь стала распадаться на локальные крестьянские восстания, из тесных пределов которых она было поднялась.* Крестьянская революция потерпела поражение в крупнейших боях под Мурашкиным (22 октября) Веденяпиным и Тамбовом. *Отход зажиточного посадского населения проявился совершенно отчетливо. «Лучшие»* люди Темникова (4 декабря) сдали свой город воеводам, выдав попа Савву, старицу Алену, 18 крестьян—активных участников движения. Тоже в г. Красной слободе, где лучшие люди выдали 56 разинцев, и в других городах Поволжья. Характерно, что то же явление мы наблюдаем в Лыскове. Очевидно от движения поспешили отойти кулацкие слои тогдашней

---

1 Посольство Куприады фон-Кленка, Спб. 1900, стр. 454.

деревни. Население приводилось к присяге по «чиновной книге»; постои войска разгоняли его. Расправа с восставшими была ужасной, так что современникам она казалась «изображением ада». До нас дошли отдельные цифры о наказаниях разинцев. В Н.-Новгороде казнили 29 чел. крестьян и 57 чел. били кнутом; из них одному отрезали левую руку по запястье, другому по два пальца на ноге и руке. На юге было казнено казаков и жителей городов в Маяцком — 18 чел., в Цареве-Борисове — 8 чел., в Болыклеи — 12 чел., в Чугуе—2 чел., в Нижегольском—1 чел., Мохначах—2 чел., Богодухове—2 чел., Харькове—2 чел., на р. Донце—9 чел., по дорогам 52 чел. Кроме того приведено к вере в Чугуе 1 024 чел., из них 483 чел. дворян, детей боярских и родственников; в Болыклеи—189 чел., в Цареве-Борисове—174 чел., в Маяцком—122 чел. и т. д. Масса разинцев была сослана на вечное житье в Холмогоры, Верхотурье и Сибирь, и при этом не столько сами разинцы, большинство которых было казнено, сколько их семьи. По отношению к выдающимся деятелям революции были применены особые наказания. Знаменитая «крестьянская дочь» Алена, старица и атаманша, была сожжена в срубе. По данным Койэта, в течение 3 месяцев не менее 11 тыс. чел. было казнено палачами. Кроме того масса восставших была побита в боях, сожжена, погибла от ран, брошена в воду (деятельность Косогова) и т. д. Цифру погибших разинцев иностранцы определяли в 100 тыс. чел.

Картина подавления революции может быть иллюстрирована донесением полк. М. Кравкова: «Декабря в 28 д. с Чебоксар пришли в цивильский уезд в Богатыревскую волость и никово в деревне в Богатырях не изъехов людей, и лошадей и животов и хлеба нет, и по дорогам поимана чюваша меж деревень на переезд дер. Богатырей; и они в винах своих в. г. добили челом и шертовали... И дек. в 31 д. пришел из дер.

Богатырей того же уезда в Убекеевскую волость дер. Досакое и та деревня пустая, людей и лошадей и животины и хлебов нет, а многие дороги из деревни в леса набиты, и я по тем дорогам послал в разъезд и наехали в лесу засеку... И генваря в 2 д. пришел в воровскую дер. Карасоси и никакова в той деревни людей и лошадей и животов и хлеб не застали и ту деревню велел зажечь»...

Расправа с побежденным крестьянством продолжалась 1671 и 1672 годы. Деятельное участие в ней приняли сами помещики, и в частности бояре. Одна из самых одиозных фигур боярства—Б. М. Хитрово бил челом государю на крестьян своей вотчины с. Барышской слободы, Алатырского уезда, которые «от своего малоумия пошатались, а за шатость им никаково наказания не учинено». Он просил розыска и казни. *Контрреволюция действовала так усердно, что за эти годы в Нижегородском у. убыль крестьянских дворов выразилась в 10 тыс. дворов.* Не отставал в этом направлении и приказ Тайных дел: «по твоему в. г. указу Терюшевской волости на бортниках и на Мордве тягло и всякие твои в. г. подати велено править за 2 года и бортники и Мордва ели мякину и траву...; в 1673 г. в Терюшевской волости «правили стрелецкий хлеб за 3 года да со всякого двора по полтине да с выти по меру *безо всякое пощады* да тое, г., Терюшевской волости крестьяне и Мордва возили твой гос. хлеб с Алатыря на Сергач на Бутоне Мойдани на своих подводах и мололи своими деньгами». *Результатом поражения разинщины было усиления крепостничества, рост эксплоатации крестьян, их обеднение, упадок их хозяйства* [1].

В феврале 1671 г. С. Разин с необльшим отрядом товарищей прибыл на Дон. К этому времени контрреволюция в Поволжье уже торжествовала. Движение

---

[1] Материалы Центроархива.

продолжалось только на Украине, где, однако, не было широкой крестьянской базы. В эту пору разногласия внутри разинцев встали во весь рост.

На Дону теперь определились три направления, элементы которых были заметны и раньше. *Первое направление отражало собой интересы рядового донского казачества, получавшего государево жалованье, т. е. нижнего казачества по преимуществу. Оно было вовлечено в революционный поток попутно и теперь хотело возвратиться к старому положению вещей: получать государево жалованье и делать пиратские набеги на Азов и Черноморье.* Несколько различные, но по существу одинаковые взгляды имели разинцы, вышедшие из среднего посадского люда южных «украинных» городов. *Объективно эти взгляды отражали собой идеологию дюжего казачества и донской войсковой старшины.*

Второе направление представляло собою интересы голутвенного казачества, верховых казачьих городков по преимуществу. Их представлял С. Разин. Это направление хотело обеспечить себе господство на Дону и на низовьях Волги, укрепиться здесь, образовав *союз с запорожскими и яицкими казаками.* Задачи непосредственной немедленной борьбы с Московским государством *отлагались* до известной благоприятной обстановки.

Третье течение может быть названо «левым». Оно требовало теперь же продолжать борьбу против боярства. Оно было представлено *в Астрахани* Ив. Красулиным, Константиновым и др. вождями *местной городской бедноты, беглых холопов, ярыжек, работных людей.* Оно складывалось уже давно. Еще весной 1670 г. в Астрахани к С. Разину приходили многие жители и говорили, что приказные и дворяне «перехоронились, чтоб он повелел им, сыскав их, побить». Разин ответил, что когда он уйдет из города,

тогда они могут делать что хотят. Характерно, что казнь сына И. С. Прозоровского была произведена Разиным только 13 июля, т. е. спустя 3 недели после взятия Астрахани, очевидно, под воздействием какой-то силы.

3 августа 1670 г. в городе произошла вторая революция, произведенная городской беднотой и работным людом, во главе с вождями «левого» направления. Атаман, поставленный С. Разиным, Ф. Шелудяк бежал в Царицын. Митрополит был взят под надзор. Повидимому, поводом для недовольства послужила недостаточная борьба атаманов с контрреволюционной пропагандой митрополита Иосифа, который распространял царские прокламации. Жители говорили: «Кого схватить, если мы воры, то все». Весной 1671 г. положение еще более обострилось. Жители решили призвать к себе Ф. Шелудяка, имевшего крупную военную силу и, повидимому, переменившего тактику. Присланный от него казак Каченовский заявил на кругу (11 мая), что Шелудяк поручает казакам убить митрополита и кн. Львова за их переписку с Доном и кн. Черкасским (Терек). Когда митрополита привели в круг, В. Ус обратился к Каченовскому и сказал: «Что же ты стоишь, говори, зачем прислан от войскового?» Каченовский ответил: «Я прислан с речами. Зачем ты переписываешься с Тереком и Доном; по твоим письмам они от нас отложились?» Митрополит отрицал переписку и советовал покаяться перед царем. Это взволновало народ: «зачем пришел к нам с крестом; мы сами христиане, он хочет оградить себя крестом». Характерно, что один из казаков запротестовал против казни митрополита и был тотчас убит. Митрополит, кн. Львов, астраханский голова И. Л. Протопопов, подъячий И. Ворьяков и посадские люди А. Комаров и Н. Мусорин были казнены. Если вспомнить, что кн. Львов был близок к С. Разину, то станет понятным, что руководители астра-

ханского переворота шли гораздо дальше, чем течение, представленное С. Разиным. Через 2 дня на новом кругу согласие между этими течениями было восстановлено путем отказа «левых» от классовой борьбы внутри Астрахани, но зато с признанием необходимости «идтить им вверх к Москве и побивать и выводить изменников бояр». Договор был подписан представителями различных слоев и отдан на хранение в Троицкий монастырь. Эта новая попытка похода на Москву, возглавленная Ф. Шелудяком, как известно, потерпела крушение под Симбирском. Шелудяк вернулся в Астрахань, которая затем была осаждена царскими войсками под начальством Милославского, и 27 ноября 1671 г. была взята[1].

Борьба на Дону между двумя направлениями в казачестве весной 1671 г. стала решительно склоняться в сторону победы правого крыла и дюжего казачества. Основной причиной этой победы был *голод на Дону*, который, несколько лет тому назад действуя революционно, теперь способствовал торжеству контрреволюции. Прибежавшие с Дона в Воронеж работные люди рассказывали, что «им, казакам, от ево, Стенкина, воровства хлебным запасам стала скудость большая». Дело в том, что царское правительство запретило вывоз хлеба на Дон до тех пор, пока казаки «не отстанут от воровства». Экономическая зависимость решила дело. В начале июня 1671 г. войсковой круг доносил царю: «по твоему в. г. указу и по грамоте ходили мы, холопы твои, всем войском по Дону до

---

[1] Материалы Попова; Попов, История возмущения С. Разина («Русская беседа», 1856, кн. II, стр. 36—37; 57—58 и сл.); Акты исторические, т. IV, стр. 69; «Дополнение к Актам историческим, т. VI, стр. 427—435. Новые материалы о движении С. Разина, сообщенные Б. Грековым (Летопись занятий Археографической комиссии, в. I (34), Л. 1927 г.), стр. 321; 238.

Кагалника городка для вора и изменника С. Разина с товарищами. И б. м. и т. в. г. с. Кагалник городок со всеми куренями сожгли». Очевидец рассказывал следующие подробности: «С. Разина атаман К. Яковлев таким же дровяным и камышным сухим приметом в Кагальнике городке добил, как де учали приходить близко и приметывать дрова и сухой камыш к *городовой* стене, и он де Стенка, увидя то, что уж вскоре тот городок зазжен будет, здався и из города вышел».

Фрола выдали «верховые атаманы и казаки». Контрреволюция победила и на Дону. За свою услугу дюжее казачество получило государево жалованье: 3 тыс. руб., 4 тыс. четв. хлеба, 200 вед. вина, 150 пуд. пороху и свинца. Вместе с тем был прислан на Дон полковник Косогов с армией, который привел казаков к присяге «по чиновной книге», несмотря на протесты и возмущения «молотших» казаков и голутвенных людей.

Братья Разины были отвезены станицей К. Яковлева (76 ч.) в Москву через Курск и Серпухов. Им выслали на помощь еще 100 московских стрельцов, с приказанием итти «неспешно, на день верст по 7—8». Особенно правительство заботилось о присылке в Москву Лазаря Тимофеева и какого-то Ларка «наипущих воров и заводчиков». Первого привезли отдельной станицей, а второй бежал в Азов.

Казнь С. Разина описывалась так часто, что нет необходимости освещать все ее детали. Отметим лишь одно замечание Рейтенфельса: «Дабы предупредить волнения, которых царь опасался со стороны уцелевших случайно заговорщиков, площадь... была, по приказанию царя, окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в средину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск». Степана четвертовали, а Фрола Разина, закричавшего «слово государсво», в течение 6 лет держа-

ли в тюрьме, после чего казнили. Его голову, посаженную на шест, видел на Болоте Койэт [1].

15. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗИНЩИНЫ

Причины поражения крестьянской революции уже определились в процессе изложения фактического материала. Основной причиной была разнородность сил, действовавших в крестьянской революции, выражением которой явились три направления в среде разинцев, разнородность, которая усложнила задачу преодоления крестьянской разобщенности и ограниченности. Вместе с тем глубоко затронутые и поставленные под решительный удар основы крепостного хозяйства всколыхнули господствующий класс, заставили его напрячь все силы и использовать все средства для подавления революции. Все углублявшаяся борьба крестьянства против помещиков, и вотчинников, которая стала затрагивать и посад, наряду с консолидацией господствующего класса вокруг московского торгового капитала, заставили городскую буржуазию пойти на соглашение с правительством, обещавшим ей различные льготы (см. напр. грамоту в Юрьев-Польский), предавая интересы крестьянства. К этим причинам внутреннего порядка присоединилась неблагоприятная международная обстановка.

К началу крестьянской революции Московское государство уже вышло из войн с Польшей и Швецией. С Крымом также был установлен мир. Из шертной записи крымских послов 1670 г. видно, что Москва обещалась присылать ежегодно дань крымскому хану и царевичам и прекратить казацкие набеги на Черное море. Едва ли приходится сомневаться, что уступающей

---

[1] Материалы Центроархива; Воронежские Акты, т. I, В. 1851, стр. 69; Рейтенфельс, Сказание о Московии, М. 1905, стр. 119; Посольство К. фан Кленка, стр. 456 и 514.

стороной была Москва и что главную роль играло стремление московского правительства нейтрализовать крымцев. Крымский посол Мустафа Ага говорил думным людям: «А что де ныне царского величества Донские казаки учинились противны, и они де учинились противны и ханову величеству, и то де ханову величеству ведомо подлинно, что Донские казаки воры». Однако думные люди не доверяли Крыму и говорили меж собой: «чаять де от него Стенки в Крым присылки». Однако казаки почему-то не решились опереться на хана, хотя тот сам прислал письмо к В. Усу и Ф. Шелудяку, чтоб они были с ним ханом за-одно». Это письмо было послано затем к С. Разину под Симбирск. Может быть эти связи в конце концов и наладились бы, если бы не столь быстрое поражение Разина под Симбирском. Хан вышел в степь и здесь ожидал событий. В общем этим союзником разинцы не воспользовались сколько-нибудь реально.

На Персию Разин опереться не мог, так как 1) интересы персидского и московского торгового капитала были тесно связаны между собою и 2) по своему прошлому походу в Персию Разин не мог пользоваться симпатиями персов. Восточные ханства, вроде Бухары, Хивы, Коканда и т. п., были слишком отдаленны да и мало втянуты в международную политику. Таким образом разинщина совершалась в условиях довольно устойчивого международного положения Московского государства[1]. Попытка Разина опереться на украинское казачество (Дорошенко, Серко) не удалась также, вследствие внутренней борьбы внутри этого казачества.

Последствия разинщины были огромны. Поражение второй крестьянской революции необычайно усилило гнет реакции и реставрировало еще более упорно на-

[1] Полное собрание законов, т. I, стр. 834—844; Акты археографической экспедиции, т. IV, № 180; Акты исторические, т. IV, стр. 404; Материалы Центроархива.

туральные основы крепостного хозяйства. Попыткой согласовать интересы сохранения этой основы с тенденциями развития торгово-денежных отношений явилась петровская реформа, второе издание хозяйства Тайного приказа, но на несравненно более широкой базе. Поражение революции усилило крепостное право и повело к обнищанию крестьянства, а кое-где и к вымиранию. Мы уже видели, что в 70-х годах XVII в. население отдельных уездов Поволжья сильно сократилось, а убыль крестьянских дворов с 1678 г. по 1710 г. равняется 19,5% для всего государства. Если даже уменьшить эту цифру до 10%, то все же смысл этой цифры останется тем же[1]. Мы связываем этот факт не только с петровской реформой, но и с разинщиной, которая в значительной степени обусловила эту реформу.

Крестьянство восставало и после разинщины, в 80—90 годах XVII в. Ряд локальных волнений может быть отмечен в ряде местностей. Но подняться до крестьянской революции они не смогли. На Дону также продолжалось брожение, главным образом в верхних городках, вплоть до Булавинского восстания. В отписке И. Хитрово с Дона в 1673 г. читаем: «многие воры Стенкины станицы Разина, которые ушли из Астрахани и с черты, живут по Дону в верховых казачьих городках». Через 10 лет атаман М. Сколозуб собрал около 3 000 чел. казаков около Пяти Изб и Паншина «и в том числе многие были казацкие бурлаки и Запорожские хохлачи и иные многие гулящие люди». Среди казаков опять было три направления: одно хотело итти на Азов, второе на Царицын, третье на украинные города. Это не единичное повторение разинщины на Дону. Однако старого размаха движение не получило, хотя расслоение внутри казачества все углублялось, и

---

[1] Цифры взяты у М. Клочкова, Население России при Петре Великом по переписям, т. I, Спб. 1911, стр. 256 и др.

во время Булавина обнаружило всю свою значительность.

Разинщина на Дону имела два последствия: 1) она усилила классовую диференциацию среди казачества, 2) увеличила зависимость Дона от Московского государства. Характерно, что все Донское войско было приведено к присяге и дало обещание «в Крым и в Колмыки и в Литву и в Немцы и в иные государства не отъехать и ис города и ис полков без указу в. г. и без отпуску не съехати».

Однако, несмотря на то, что поражение разинщины в общем усилило позиции крепостников на ближайший период времени, она не прошла незаметной для угнетенных масс, как прошла она позднее для буржуазной историографии. Имя Разина сделалось навсегда одним из самых популярных имен среди эксплоатируемого крестьянства. Его именем назван ряд урочищ по Волге, из которых так наз. «Стенкин бугор», повидимому, действительно был его станом. В Бол. Мурашкине также известен «Стенкин остров»—бугор в 1½ верстах от села. С его именем связан ряд народных песен и преданий, отражающих эпоху борьбы крестьянства против торгового капитала и крепостного хозяйства. И поэтому немудрено, что восставшие против крепостничества брли себе как образец Степана Разина. Циклер во время стрелецкого бунта говорил, что он пойдет с донским казачеством «для московского разорения и будет чинить, что и Стенка Разин»[1].

---

[1] Материалы Центроархива; К. Федоров, Село Б. Мурашкино, М. 1891, стр. 27; Зайковский, Бугор Ст. Разина (Труды саратовской ученой архивной комиссии, 1908 г., вып. 24); В. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. III, изд. 1924 г., стр. 305—315; Н. Аристов, Моск. смута в правление царевны Софьи Алексеевны, В. 1871, стр. XXIII, XXV.

БИБЛИОГРАФИЯ РАЗИНЩИНЫ

I. Акты и документы по разинскому движению

1. Акты исторические, т. IV.
2. Дополнения к Актам историческим, т. VI.
3. Акты археографической экспедиции, т. IV.
4. Полное собрание законов, т. I.
5. Известие взятое из Российского хронографа (Ежем. соч. Академии наук, 1763, ноябрь).
6. Хронограф Аверина («Москвитянин», 1841 г., изд. 4-е).
7. Нижегородский летописец, изд. Гациским, Н.-Н. 1886 г.
8. Материалы по истории возмущения Стеньки Разина (изд. Поповым, 1857 г.).
9. Смертный приговор С. Разину (Чт. О. И. Д. Р., 1869, 1).
10. Письмо Разина к казанским татарам (Известия О. А. И. Э., т. VIII вып. 3).
11. Воронежские акты, собр. Второвым и Александровым-Дольник, Воронеж, 1851—1853 гг., 3 части.
12. Новые материалы о движени Разина (Летопись занятий ист.-арх. ком., вып. 1 (34), Л. 1927).
13. Русская историческая библиотека, т. XVIII, XXIV, XXVI, XXIX, XXXIV (Донские дела, кн. 1—5).
14. Русская историческая библиотека, т. XXI — Дела Тайного приказа, кн. I.
15. Описание документов и бумаг. М. А. М. Ю. Кн. 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19.
16. Дело о патриархе Никоне, Спб. 1887.
17. Дневальные записки приказа Тайн. дел (Чт. О. И. Д. Р., 1908, 1—2).
18. Исторические и юридические акты XVII—XVIII вв. (Чт. О. И. Д. Р., 1869, 4).

II. Известия иностранцев.

1. Путешествие по России Стрюйса (Русский Архив, 1880 г., кн. 1).
2. Известие, касающееся подробностей бунта, поднятого Разиным (Чт. О. И. Д. Р. 1895, 3).

3. Посольство К. фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алекс., Спб. 1900.
4. Рейтенфельс, Сказание о Московии, М. 1905.

III. Литература по разинщине.

1. Ригельман, История донских казаков. М. 1846.
2. Попов, История возмущения Разина («Русск. беседа», 1857, 1—2).
3. Костомаров, Бунт С. Разина (Собр. соч., кн. 1).
4. Соловьев, История России, т. XI.
7. Голубев, История бунта Разина в Поволжьи (Чт. О. И. Д. Р., 1894, 3).
6. Дубасов, Очерки по истории Тамбовского края, М. 1883.
7. Порфирьев, Разинщина в Казанском крае (Изв. О. А. И. Э., т. 29, вып. 5—6).
8. Кабанов, Разинцы в Нижегородском крае (сб. статей в честь Любавского, 1917 г.).
9. Он же, Две версии осады Макарьевского монастыря (сб. Ниж. У. А. К. 1916, т. XVII, вып. 3).
10. Соловьев, С. Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губ., Симбирск, 1908.
11. Тхоржевский, С. Разин.
12. Его же, Народные волнения при первых Романовых.
13. Никольский, Разин и Разинщина, Спб. 1911.
14. Уланов, Разинщина (сб. «Три века», 1).
15. Сташевский, Народные волнения в Московском государстве («Русская история», под ред. Довнар-Запольского, вып. 3).
16. Фирсов, Разинщина.
17. Андрианов, Русский социалист XVII в. (Исторический вестник 1895 г., октябрь).
18. Феноменов, Разинщина и пугачевщина, 1923.
19. Шефер. Вольный атаман Разин, 1923.
20. Ладоха, Разинщина и пугачевщина, 1928.

Кроме того есть отдельные детали по разинскому движению в следующих специальных работах:

Заозерский, царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, П. 1917.

Федоров, Село Б. Мурашкино, М. 1891.

Храмцовский, Краткий очерк истории и описания Нижнего-Новгорода, ч. I, 1857.

Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губ. 1926.

Дружинин, Раскол на Дону в конце XVII в., Сиб. 1889.

Перетяткович, Поволжье в XVII и XVIII вв., Одесса 1882.

Гераклитов, История Саратовского края, Саратов.

Б а г а л е й, Очерки из истории колонизации и быта южной окраины Московского государства, 1887.

С а в и ч, Соловецкая вотчина XV, XVII вв., Пермь 1927 г. и др.

В 1930 году, уже во время печатания нашей работы, появилась статья С. Томсинского «Разинщина» в сборнике «Проблемы марксизма», вып. 2, изд. «Прибой».

ОГЛАВЛЕНИЕ

